

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. VIII.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ»
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Т. VIII.

БЫЛЫЕ ДНИ СИБИРИ.

РОМАНЪ—ХРОНИКА.

СЪ ПОРТРЕТАМИ.

(1711—1721 г.г.)

Книга II.

1914 г.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ РОМАНЫ.

Т. I. Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. I.
Т. II. Въ стѣнахъ Варшавы. Кн. II.
Т. III. Осажденная Варшава.
Т. IV. „Сгибла Польша!“
Т. V. Послѣдній фаворитъ. Кн. I.
Т. VI. Послѣдній фаворитъ. Кн. II.
Т. VII. Былые дни Сибири. Кн. I.
Т. VIII. Былые дни Сибири. Кн. II.
Т. IX. Третій Римъ.
Т. X. Грозное время.
Т. XI. Боярыня Морозова.
Т. XII. Протопопъ Аввакумъ.

Тип. т-ва „Общ. Польза“, Спб., Б. Подъяч. 39.

Оглавленіе.

ЧАСТЬ IV.

Карты спутались.

ЧАСТЬ V.

Надъ кручей.

ЧАСТЬ VI.

Расплата.

Часть IV.

Карты спутались.

ГЛАВА I.

Двойная игра.

Только на пятый день, подъ вечеръ возокъ Гагарина поданъ былъ къ крылечку поповскаго домика и князь рѣшился проститься съ Салдинской слободою, съ отцомъ Семеномъ и его красавицей-дочкой. Да и то, противъ воли уѣзжалъ губернаторъ, котораго срочныя дѣла призывали въ Тобольскъ. Надо было написать и послать поскорѣе отвѣтъ Петру, который не любитъ ни малѣйшихъ проволочекъ, особенно, если лично запросилъ о чемъ-нибудь. Затѣмъ огромные транспорты ясаку, то-есть пушной „казны", шкурокъ звѣриныхъ, которыми уплачивали свой оброкъ покоренныя племена,—готовы были къ отправкѣ, какъ и тюки драгоцѣннаго корня „жень-шенга", маральихъ роговъ, чаю, пряностей и, наконецъ,—караванъ „золотого песку", собраннаго за цѣлый годъ, добытаго изъ нѣдръ земныхъ и полученнаго въ обмѣнъ на товары, отпущенные изъ царскихъ амбаровъ. Все это надо было отправить черезъ Верхотурье на Москву, въ Главный Сибирскій Приказъ, гдѣ двоюродный

братъ Матвѣя Петровича, Василій Иванычъ Гагаринъ все приметъ, часть запишетъ въ счетъ откупной суммы этого года, часть—зачтётъ на будущій годъ въ уплату, а многое и просто долженъ пустить въ продажу, послать на рынки Гамбурга и другіе. Затѣмъ вырученныя деньги хранились на личномъ счету губернатора и откупщика Сибири, пока тотъ не пришлетъ распоряженія, что дѣлать съ этими крупными, особенно по тому времени, суммами денегъ.

Больше недѣли отняли эти неотложныя дѣла. Тутъ же обсудилъ губернаторъ всѣ подробности снаряженія небольшого отряда съ Трубниковымъ во главѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы ранней весной можно было пуститься въ путь, къ серединѣ лѣта добраться къ завѣтному Кху-Кху-Нору, къ „Золотому“ озеру, развѣдать дѣло хорошенько и по быстрому Иртышу, плывя уже по теченію его, а не противъ струи, какъ придется весною,—поспѣть обратно въ Тобольскъ до первыхъ заморозковъ, пока не затянетъ льдомъ рѣку.

До будущей осени Гагаринъ рѣшилъ только въ общихъ выраженіяхъ сообщить Петру о задуманной развѣдкѣ и о надеждахъ, какія самъ князь на нее возлагалъ.

Кромѣ того еще одно важное дѣло, задуманное Гагаринымъ по пути въ Сибирь, подсказанное ему и собственнымъ опытомъ, и незамѣтными внушеніями Келецкаго,—требовало много вниманія и работы со стороны самого князя и тѣхъ четырехъ-пяти человѣкъ, которые являлись его ближайшими сотрудниками по управленію огромной страной, хотя и малолюдной, но пространствомъ во много разъ превосходящей Россію, лежащую по ту сторону „Рифейскаго хребта“, какъ звались еще горы Урала.

Съ собою привезъ Гагаринъ цѣлые сундуки указовъ и наказовъ, отписокъ и записей, касающихся управленія Сибирью, данныхъ прежними губернаторами, исходившихъ и отъ него самого, какъ отъ главнаго Судьи Сибирскаго Приказа, то-есть

фактическаго Намѣстника, хотя и проживающаго на Москвѣ, далеко отъ края, ввѣреннаго ему царемъ.

Здѣсь, въ Тобольскѣ, тоже были перерыты всѣ архивы, разворачивались старые свертки бумагъ, цѣлые „столпцы“, составленные изъ подклеенныхъ одинъ къ другому листовъ, часто доходящіе до сотни аршинъ длины при необъятной толщинѣ. Сырость, крысы, плѣсень—портили эти свитки, многія бумаги были на половину уничтожены, изгрызаны, чернила выцвѣтали совершенно... И потому недавно даже послѣдовалъ приказъ: „не писать приказовъ и вѣдомостей на „столпчикахъ“, не склеивать ихъ потомъ въ гигантскіе „столпцы“, а вести все дѣлопроизводство, вписывая его въ тетради, или употребляя отдѣльные листы бумаги, которые потомъ могли быть сшиты въ тетради же. Этимъ предполагалось сохранить архивы въ исправности и ввести больше порядка въ запутанное дѣлопроизводство, отъ чего особенно страдала Сибирь.

Гагаринъ изо всего огромнаго матеріала приказалъ выбрать наиболѣе важные приказы и наказы, данные до этого времени различнымъ сибирскимъ воеводамъ по городамъ. Якову Аггѣевичу Елчину поручено было ознакомиться съ этими указами и съ основными законами, касающимися Сибири и ея управленія. Затѣмъ, съ открытымъ листомъ, дающимъ ему самыя широкія полномочія, долженъ онъ былъ объѣхать не только главные города края, но и самые отдаленные закоулки, острожки и городки,—куда обычно осенью съѣзжались оброчные инородцы съ ясакомъ.

Всюду Елчину предстояло производить повѣрку дѣлъ, выяснить, исполнялись ли приказы, данные въ разное время, не творилось ли какихъ беззаконій воеводами-комендантами, прикащиками городовыми, цѣловальниками, старостами и до объѣзчиковъ включительно, словомъ, тою безчисленной арміей военныхъ и гражданскихъ агентовъ власти, которые на дѣлѣ

правили и владѣли Сибирью отъ имени царя и „по указу ево царскаго величества“,—какъ писалось вездѣ на бумагѣ съ „орлами“ и безъ орловъ, не „червленной“, не гербовой...

Это—была показная сторона ревизіи. Конечно, заранѣе можно было сказать, что не найдется такого города, гдѣ не накопился бы рядъ самыхъ вопіющихъ нарушеній закона, явныхъ небреженій къ приказамъ, идущимъ отъ центральной власти. Понималъ это хорошо и Елчинъ. Бесѣдуя съ глазу на глазъ съ Гагаринымъ, онъ прямо сказалъ ему:

— Ваше превосходительство, сіятельный князь! Отсюда глядя, повѣдать можно напередъ: ни единаго праведника, но тысячи грѣшныхъ, великихъ и малыхъ сыщу! Что же мнѣ дѣлать съ ими? По закону ли творя, въ кандалы и въ темницу ввергать таковыхъ?.. Вамъ-ли доносить, ожидая резолюціи?.. Либо иначе какъ?! Сдается мнѣ,—это есть труднѣйшая и главнѣйшая часть дѣла, на меня нынѣ довѣріемъ вашего превосходительства, государь мой, возлагаемаго.

— Истинно такъ. Умно сказано! Тоже не зря же выбралъ и посылаю я тебя, Аггѣичъ... Первѣе, чѣмъ прямой отвѣтъ на твой спросъ дать, послушай басенку, какую мой Зигмундъ мнѣ изложилъ, когда я съ имъ толковалъ про дѣла сибирскія, про богатства здѣшнія, про то, какъ трудно все собрать, что должно бы въ казну попасть, да пропадаетъ по дорогѣ... И невѣдомо—какъ и гдѣ?..

— Занятно послушать! Сказывать прошу, ваше сіятельство. Охочъ я самъ до побасенокъ. Што тебѣ полячокъ твой повѣдалъ?..

— Простую вещь самую. Будто, приключилось такъ, что царь всей звѣриной породы, Левъ—занемогъ. И лѣкаря сказали, надо-де пользовать царя медомъ самымъ свѣжимъ. Брюхо, перси ему мазать и въ нутро давать, сколько надобно. Вотъ, и кличъ по лѣсамъ былъ кликнутъ: „должны

де пчелы всѣ борти свои раскрыть, Льву медъ нести!“ Волей-неволей послушали пчелки... Раскрыли соты. А со всѣхъ сторонъ и набѣжало звѣрье лѣсное, жадное, горластое. Впереди всѣхъ—медвѣди, на медъ больно лакомые.

— Они и стали первые изъ ульевъ медъ драть, въ одинъ комъ валять... А остальныхъ — цѣпью нескончаемой поставили отъ лѣсовъ пчелиныхъ до самой берлоги львиной... И такой-то комъ меду сваляли, что и поглядѣть страшно! Съ домъ величиною... И передали волкамъ его. „Дальше, молъ, катите, съ лапъ на лапы передавайте до царя до батюшки!“ А сами стоятъ на заднихъ лапахъ, передни облизываютъ... И шею, и грудь.

— Домой пришли, медвѣжата отцовъ да матерей лизать стали... На всѣхъ хватило!.. То же и съ волками было... И съ лисицами, и съ рысями... Да и съ баранами, съ овцами скудоумными, кои у самой берлоги ужъ стали и Льву медъ подавали... А тому изъ огромнаго кома такой комочекъ достался, что и хвоста не помазать!».

— Занятно! Похоже до капли, ваше превосходительство... Чья басенка-то, но знаешь ли, государь мой?..

— Знаю. Француза, Лафонтеня... Да, слышь, еще не конецъ... „Озлился Левъ. Всѣ сыты и пьяны, а ему не стало... И совѣта просилъ у мыши у одной у старой... Она и научила его. Приказалъ Левъ снова медъ ему собирать. Да прибавилъ: „поослѣ сбору пускай немедля за наградой къ его берлогѣ всѣ бѣгутъ. И кто первый придетъ, тому больше награда“. А самъ котлы изготовилъ, воды накипятилъ, въ бочки кипятку наливать приказалъ. Вотъ надрали сызнова меду медвѣли, больше прежняго... Съ нихъ самихъ медъ такъ и течетъ!.. Кинули комъ волкамъ, а сами ко Льву за наградой... Волки—лисамъ, лисы— рысямъ, тѣ—куницамъ... Одинъ одному кидаетъ по старому да на мѣстѣ не стоитъ, алибо домой не бѣжитъ: всѣ ко Льву наперегонки кинулися,

за наградою. А къ ему сызнова комочекъ медку невеликъ дошелъ. Да онъ ужъ не горюетъ. Первыя Лисы прибѣжали. Онъ и говоритъ: „Ну-ка, суньте лапы въ ту кадку... Тамъ награда ваша!“ Сунули, лапы поошпарили, медъ весь смыли съ нихъ, отошли Лисы и молчатъ, думаютъ: „Мы маху дали, такъ и надъ иными потѣшимся.!“ „Такъ оно и было... Барсуки, россомахи, кошки и бѣлки, всѣ лапы жгли въ кипяткѣ, медъ тамъ оставляли, тишкомъ отходили, штобы и другихъ залучить въ ту же дыру, гдѣ сами застряли!..“

— И это вѣрно, государь мой, ваше превосходительство. Што у людей, што у звѣрей,—все одна повадка!— смѣясь подтвердилъ Елчинъ.

— Ладно. „Послѣдними—медвѣди подошли. Пыхтятъ, переваливаются... Медъ съ ихъ текомъ течетъ. Зарычали: „А гдѣ наша награда!..“ Левъ на самый большой чанъ и показываетъ: „Прыгайте туды! Што найдете, все ваше!“ Прыгнули Мишки, еле не сварилися, вылѣзли облѣзлые, безъ мѣху... Домой драла... А въ томъ чану, гдѣ они шпарилися,—на четверть меду сверху плаваетъ... Какъ собралъ Левъ все, что отъ воровъ отлипло,—ему на годъ, почитай, запасу хватило...“ Теперь—понялъ ли, Аггѣичъ, чево жду отъ тебя, какъ тебѣ дѣло дѣлать надобно?..

— Понялъ!.. Попросту говоря—воровъ ограбить... Они всѣ по малости казну растаскивали... Теперя, ежели съ нихъ хотя и понемногу назадъ собрать, такъ...

— И на нашъ вѣкъ съ тобою хватитъ!.. И въ Питербурхъ пошлемъ такіе вороха всево, какихъ тамъ и не видывали! Чай, за это, окромя спасиба, — ждать нечего! А грабители наши... ежели ихъ и противъ шерсти придется погладить... они не станутъ карауловъ звать!.. Поймутъ, что молчать лучче...

— Понялъ! Теперь—я все понялъ! Хоть и бумагъ не пиши мнѣ, ваше превосходительство! Есть указъ полномоч-

ный, — и вся недолга! А ежели и станетъ на меня иной кляузы наносить, жалобы разводить... такъ ужъ я на тебя въ надеждѣ!.. Чай, не выдашь, государь мой!.. А?..

— Вѣстимо не выдамъ! Ха-ха-ха!..

И оба раскатились довольнымъ смѣхомъ, словно видѣли отсюда, какія рожи будутъ строить разные крупные и мелкіе казнокрады сибирскіе, у которыхъ на законномъ основаніи, при свѣтѣ дня будетъ ограблено все, что успѣли они сами награбить до этихъ поръ, сидя на мѣстахъ...

Выѣхалъ Елчинъ на ревизію... Трубникову пришлось собирать людей для весенней развѣдки, готовить провіантъ, запасы свинцу и пороху, амуницію и оружіе... И ужъ не могъ онъ сопровождать Гагарина, который, несмотря ни на какія занятія и дѣла, не пропускалъ случая провести ночку-другую въ гостяхъ у попа на Салдѣ...

Такъ вся зима прошла. Миновали снѣжныя вьюги и морозы трескучіе. Солнце стало все раньше выглядывать изъ-за вершины лѣсовъ на востокѣ, все позднѣе садилось оно за дальними холмами и лѣсами на западномъ берегу Тобола...

Великій постъ пришелъ и проходить сталъ. Рѣки вздулись, снѣга посинѣли... Ростепель началась, дружно весна настала, распутица отрѣзала Тобольскъ отъ цѣлаго міра. Даже въ Салдинскую Слободу не то что возкомъ, а и верхомъ на конѣ трудно добраться...

Злой, угрюмый бродитъ Гагаринъ по своимъ покоямъ. Посылаетъ вмѣсто себя гонцовъ къ попу Семену, вѣрнѣе — къ дочкѣ его, которая съ каждымъ днемъ все больше и больше овладѣвать стала думами и желаніями князя...

Поклоны привозятъ гонцы Гагарину, записочки ласковыя... Туда они скачутъ съ цѣлыми тюками подарковъ за сѣдломъ...

Но всего этого мало для влюбленнаго князя. Какъ въ юности, желаніями переполнена его грудь, горитъ голова, тѣло въ истомѣ жгучей и днемъ, и ночью въ особенности.

Чаще сталъ теперь онъ призывать экономку свою, чтобы раздѣвала и укладывала его по старому. Но очень ужъ не похожа Анельця на ту, о которой только и думаетъ Гагаринъ. Нѣтъ ему забвенія съ этой пышной сарматкой... И охотнѣе призываетъ онъ свою лектрису по вечерамъ, чтобы читала ему...

А та, какъ нарочно, все хвораетъ... А можетъ быть, и ревнуетъ? Потому что ни для кого больше не тайна въ цѣломъ городѣ, какую „охоту“ полюбилъ Гагаринъ съ осени минувшей, какую лебедь бѣлую подстрѣлилъ онъ въ домикѣ попа, въ Слободѣ богатой Салдинской, въ пріютѣ всесвѣтныхъ конокрадовъ, воровъ и разбойниковъ...

Если бы не сердечная тревога, новый губернаторъ могъ быть вполнѣ доволенъ первыми мѣсяцами своего „царенія“ въ богатой Сибири, потому что иначе нельзя было и назвать полную власть, какою облеченъ этотъ новый „губернаторъ“.

Новые люди, поставленные отъ Гагарина въ городахъ, старались хотя бы первое время отличаться усиленной дѣятельностью, полезной, если не для самихъ сибиряковъ, то для нихъ и для князя. Не только текущіе оброки, но и старые, годами запущенные налоги и недоимки — сбирались усердно и, противъ обыкновенія,—большая доля изъ нихъ отсылалась въ Тобольскъ, въ распоряженіе князя, а меньшая оставлялась для дѣлежа на мѣстахъ, тогда какъ раньше это дѣлалось наоборотъ. Но Гагаринъ ожидалъ очень большихъ и желательныхъ послѣдствій, огромныхъ прибылей отъ предстоящей ревизіи Елчина, для которой усиленно набирался штатъ служащихъ, человѣкъ больше 20, затѣмъ были назначены четыре дьяка съ подьячими и даже „мастеръ заплечный“, палачъ... Елчину, кромѣ повѣрки „казны“ и дѣлъ на мѣстахъ, поручалось большое, сложное дѣло, которое могло принести огромныя выгоды столько же и послу, сколько пославшему его.

Еще 10 лѣтъ тому назадъ была введена во всей Сибири винная и пивная монополія. Подъ страхомъ кнута, а то и висѣлицы никто не смѣлъ варить пиво и гнать вино на дому, „самосидкой", какъ это было искони. Устроены были казенные заводы винные и пивоваренные, скупалось и со стороны вино, пиво и продавалось по двойной цѣнѣ изъ „царевыхъ кабаковъ", которые, согласно указу Петра, надлежало устроить на каждой улицѣ... Изъ кружечныхъ дворовъ „простое вино", то-есть—водка—отпускалась по одному рублю 20 алтынъ ведро, а „двойное", или спиртъ — по 2 рубля 40 алтынъ. И бойко шла торговля, несмотря на такую высокую цѣну. Но ей, все-таки, мѣшали „тайныя винокурни", а сбыту пива—домашнія пивоварни. Да и въ казенныхъ „кружечныхъ дворахъ" творились большія хищенія. Цѣловальники, войдя въ стачку съ продавцами, наживали на всемъ. Покупая зерно для перегонки, ставили двойныя цѣны, утаивали готовое вино и продавали въ свою пользу; сдавая „на откупъ" эти доходныя статьи, — получали крупныя взятки отъ арендаторовъ и писали потомъ договоры, явно убыточные для казны.

Это долженъ былъ провѣрить Елчинъ на мѣстахъ и самъ, затѣмъ, могъ сдавать на откупъ „кружечные дворы", писать договоры на поставку вина и пива съ кѣмъ выгоднѣе будетъ для казны.

Этимъ распоряженіемъ въ руки Гагарина направлялись сразу изо всѣхъ угловъ Сибири крупные „барыши", какіе раньше расплывались по рукамъ мѣстныхъ городовыхъ воеводъ, цѣловальниковъ и приказчиковъ винныхъ. Въ первый же годъ эти „барыши" должны были дойти до полусотни тысячъ рублей. А съ уничтоженіемъ тайнаго куренія вина и варки пива—сумма могла утроиться, потому что сибиряки привыкли сами много пить, а еще больше вина и пива шло въ кочевья инородцевъ, которые жадно пристрастились къ

„московской огневой водицѣ“, къ вкусному пиву и отдавали за отраву лучшіе свои мѣха, добычу тяжелой охоты, что только имъ удавалось промыслить за цѣлый годъ...

Заранѣе подсчитывая новые, крупные доходы, Гагаринъ, опытный сибирскій правитель, зналъ, что громкіе вопли и тайное недовольство вызовутъ среди служивыхъ людей его „новизны“—и для противовѣса старался заручиться любовью и расположеніемъ у своихъ россіянъ, безъ различія: сектантовъ и церковниковъ, и у кочевыхъ инородцевъ, у наѣзжихъ купцовъ бухарскихъ, китайскихъ, особенно богатыхъ, вліятельныхъ въ этомъ краю.

Да еще съ духовенствомъ сразу умѣлъ поладить Гагаринъ, зная, что „стадо“ мірское всегда бредетъ слѣпо за „пастухами“, какъ бы тѣ плохи ни были.

Не сговорчивъ оказался только самъ митрополитъ Іоаннъ. Желчный, ограниченный, онъ захотѣлъ по старому быть, если не выше новаго намѣстника царскаго, какъ князь церкви и намѣстникъ Самого Господа, то хотя бы стоять наравнѣ съ Гагаринымъ и въ глазахъ обывателей, и по вліянію на ходъ управленія въ обширномъ, богатомъ краю.

Стремительный апостолъ новыхъ порядковъ въ московской церковной жизни, владыко сразу сталъ шпорить Гагарина, требуя отъ него строжайшихъ мѣръ по отношенію къ „дѣтямъ діавола“, раскольникамъ, еретикамъ-староверамъ. Властный попъ и знать не хотѣлъ, и замѣчать не старался, какъ терпимо отнесся Гагаринъ къ этимъ „старовѣрамъ“, гонимымъ въ зауральской части царства и нашедшимъ первое время для себя болѣе спокойный пріютъ на сибирскомъ привольи. Упрямый инокъ, даже замѣтивъ явную склонность князя къ церковной „старинѣ“, умышленно не пожелалъ считаться съ этимъ и еще яростнѣе сталъ нападать на „еретиковъ“ большихъ и малыхъ, по старой поговоркѣ: кошку бьютъ, а невѣсткѣ—наметку даютъ!..

Гагаринъ понялъ пріемы Іоанна. Сейчасъ же полетѣли письма въ Питеръ и на Москву. Тобольскій митрополитъ, честолюбивый, но преданный своему дѣлу и Петру, выставленъ былъ чуть ли не какъ самый опасный человѣкъ и „совратитель душъ христіанскихъ“ и быстро, черезъ три года, былъ замѣщенъ Филофѣемъ Лещинскимъ, или схимникомъ Ѳеодоромъ, какъ въ эту пору уже назывался этотъ прежній архипастырь Тобольскій, потомъ—строгій подвижникъ, задолго до смерти принявшій схиму.

Съ Лещинскимъ у Гагарина нашлось много общаго по взглядамъ на „истое церковное богослуженіе“. Старецъ сильно тяготѣлъ къ старинѣ, къ старопечатнымъ книгамъ, по которымъ спасались великіе сподвижники, святители московскіе. Затѣмъ—особенное вниманіе обращалъ Ѳеодоръ на озареніе инородцевъ свѣтомъ вѣры истинной и, занятый этимъ подвигомъ, не могъ мѣшать ни въ чемъ Гагарину. А послѣдній, увеличивъ оклады попамъ, построивъ до 40 церквей въ русскихъ поселкахъ и въ улусахъ новокрещеныхъ инородцевъ, сразу завоевалъ себѣ глубокое расположеніе новаго іерарха. Что же касается рядовыхъ церковниковъ, городского и деревенскаго причта,—о немъ и говорить нечего.

— Нашъ благодѣтель! Церкви защитникъ, вѣры поборникъ!—только и было имени Гагарину. Цѣлыя проповѣди произносились въ похвалу и прославленіе новаго „повелителя сѣверныхъ, сибирскихъ странъ“, бывшаго царства Кучумова. Многолѣтіе князю-губернатору возглашалось съ большимъ подъемомъ, громче и внушительнѣе, чѣмъ даже многолѣтіе архипастырю Сибирскому и самому Петру, далекому и суровому, который то и знай, слалъ новые грозные указы, требовалъ денегъ, людей для пополненія войскъ, тающихъ какъ снѣгъ, въ упорной войнѣ со шведами. Отъ Петра приходили эти ненавистные указы, прибитые на городскихъ воротахъ, требующіе бритья бороды, ношенія иноземнаго, кургузаго платья

и многаго, еще болѣе нестерпимаго для старожиловъ-сибиряковъ, привыкшихъ къ вольной жизни вдали отъ центральной, грозной власти царей московскихъ...

Гагаринъ, съ одной стороны, старался по возможности точнѣе выполнять наказы Петра, чтобы не разгнѣвать повелителя, тяжелую длань котораго слишкомъ хорошо зналъ... Но, съ другой стороны, первый Гагаринъ явно осуждалъ многія распоряженія, приходящія изъ-за горъ Рифея, и громко заявлялъ:

— Кабы моя воля,—рай бы насталъ въ Сибири, въ краю нашемъ благодатномъ! Не отсылали бы люди животы свои послѣдніе на затѣи ненужныя... Не проливалась бы кровь христіанская въ дикой бойнѣ съ задорными шведами. Для Сибири мало пользы, ежели и побѣдитъ Карла царь Петръ. А тяготу Сибирь несетъ великую... Да, ничего не подѣлаешь! Шлетъ царь указы, ихъ нельзя ослушаться...

Такими „жалобами“ снималъ съ себя хитрый воевода всѣ нареканія, а самъ, подъ прикрытіемъ „царскихъ указовъ“ творилъ, что только ему на умъ приходило дурного и хорошаго. И первымъ дѣломъ старался побольше собрать денегъ, пушной и всякой другой казны, чтобы „было чѣмъ помянуть свою службу“ когда его, какъ и прежнихъ воеводъ-губернаторовъ, уберетъ съ мѣста царь и новаго намѣстника пошлетъ на смѣну князю.

А пока завязывались всякіе узлы, складывались многообразныя отношенія, намѣчались мѣры, о которыхъ сказано выше, пока Гагаринъ велъ свою новую линію и, по необходимости, въ то же время тянулъ прежнюю канитель, — его внутренній міръ былъ заполненъ сильной, неожиданной страстью, любовью къ поповнѣ салдинской. Бурный прилетъ „второй юности“ порядкомъ мѣшалъ Гагарину окунуться съ головой въ дѣла и въ наживу, но зато многимъ скрашивалъ тягучую, од-

нообразную жизнь въ грязномъ Тобольскѣ, въ этой жалкой столицѣ богатаго и полудикаго края.

Тѣмъ болѣе негодовалъ Гагаринъ на весеннюю непогоду и распутицу, на ливни, метели и невылазную грязь, мѣшающую по старому еженедѣльно день-другой провести въ опочивальнѣ бѣднаго домика попа Семена.

Подобно Ксерксу, бичевавшему море, князь готовъ былъ выпустить градъ ядеръ въ хмурое, дождливое небо, пушечными залпами хотѣлъ бы разогнать тяжелыя, безконечныя полчища тучъ, закрывающихъ солнце, которое могло въ тричетыре дня своими лучами высушить землю и открыть желанный путь къ Салдинской слободѣ.

Весна особенно располагала Гагарина къ ласкамъ и нѣгѣ, какъ чаруетъ она все живое, призывая любить и творить!.. Кровь особенно тяжело и знойно ударяла въ сѣдѣющіе виски, въ лысѣющій лобъ князя, заставляла его грудь вздыматься часто и высоко, особенно по ночамъ. Весна не только въ юношахъ будитъ бурныя вспышки желаній. Даже совсѣмъ изжившіе люди, глубокіе старики весною почему-то вспоминаютъ тѣ годы, тѣ милые дни и часы, когда они ласкали и любили своихъ прежнихъ подругъ. А Гагаринъ былъ еще далеко не такъ старъ...

И мѣста себѣ порою не находилъ онъ ни днемъ, ни по ночамъ въ особенности; ворочался на постели и кончалъ тѣмъ, что приказывалъ казачку звать одну изъ своихъ домашнихъ безсмѣнныхъ фаворитокъ.

Чаще это приходилось на долю Анельци. Такъ случилось и на Страстной недѣлѣ, когда солнце стало уже чаще выглядывать изъ-за тучъ, ливни ослабѣли, подсыхать стали размывы и зажоры по дорогамъ...

Злая, возбужденная, съ краснымъ, заплаканнымъ лицомъ, экономка только что кончила обычную молитву, расчесывала себѣ волосы, немилосердно трепля и вырывая ихъ клоками отъ

затаенной ярости, и собиралась лечь спать, когда явился посланный, требующій ее къ исполненію своихъ обязанностей.

Стиснувъ зубы такъ, что они скрипнули, тутъ-же, при казачкѣ набросила она легкій капотикъ на сорочку, въ которой сидѣла передъ зеркаломъ, и пошла по темнымъ комнатамъ и переходамъ за мальчикомъ.

Вотъ ужъ третій день, какъ на себя стала не похожа эта спокойная, кроткая обычно, Анельця, съ той самой минуты, какъ она вечеркомъ стукнула въ дверь Келецкаго, скромно заявила ему, что ей „очень надо исповѣдаться передъ святымъ наставникомъ"... А наставникъ рѣзко, почти грубо далъ ей понять, что ему не до „исповѣдей" Анельци, потому что онъ занятъ спѣшными дѣлами... Выслѣдила затѣмъ обиженная женщина, что прямо въ спальню лектрисы проскользнулъ заниматься спѣшными дѣлами ея кумиръ. Затрепетала отъ гнѣва, отъ поруганной страсти полька, едва устояла на ногахъ, ощупью уже стала пробираться по темному коридору въ свою комнатку, но неожиданно, словно противъ воли,—повернула въ другой, боковой ходъ, ведущій къ темному чулану, заваленному коврами, заставленному лишней мебелью, коробами и сундуками со всякою рухлядью, какъ это бываетъ въ большихъ домахъ, наполненныхъ прислугой и всякимъ наемнымъ людомъ.

Недавно днемъ случайное открытіе сдѣлала Анельця въ этомъ чуланѣ. Домъ, строенный безо всякаго опредѣленнаго плана, разбитый на множество комнатъ самымъ страннымъ, причудливымъ образомъ, вмѣщалъ не мало такихъ темныхъ чулановъ-комнатокъ, смежныхъ со свѣтлыми, удобными, отведенными для жилья, покоями. И Анельця, не думавшая даже раньше о томъ, съ чьею комнатой смеженъ этотъ чуланъ, зашла въ него со свѣчею, желая достать платье изъ короба своего, поставленнаго здѣсь у стѣны.

Свѣча случайно потухла. Экономка уже собиралась выйти, чтобы зажечь ее, какъ вдругъ ея вниманіе привлекла тонкая

полоска дневного свѣта, стрѣлою прорѣзающая тьму, царящую кругомъ. Освоясь въ темнотѣ, Анельця различила что-то въ родѣ оконной рамы безъ стеколъ въ стѣнѣ, противъ дверей чулана. И стрѣлка свѣта падала именно оттуда. Захваченная любопытствомъ, подошла она къ стѣнѣ, влѣзла на ковры, сложеные здѣсь цѣлою грудой, и прильнула глазами къ маленькому отверстію, пробитому гвоздемъ въ доскахъ, которыми забрано было все окно, прежде служившее для освѣщенія темнаго чулана, а потомъ уничтоженное. Гвоздь, сдѣлавшій проколъ, потомъ былъ удаленъ, вѣрно — перебитъ на другое мѣсто и въ отверстіе, оставленное имъ, Анельця увидала, что именно спальня нелюбимой ею „лектрисы“ находится за стѣною чулана. Замаскированное досками, заклеенное потомъ обоями, окно ничѣмъ не выдавалось въ покоѣ Алины и она не знала, конечно, что случай далъ соперницѣ возможность слѣдить за каждымъ ея шагомъ.

Сюда и кинулась теперь экономка, въ этотъ чуланъ, вмѣсто того, чтобы уйти въ свою комнатку и проплакать до утра, какъ бывало не разъ.

Безшумно раскрыла она дверь, скользнула въ черную, непроглядную темноту, очутилась мгновенно на грудѣ ковровъ, но не рѣшилась сразу заглянуть въ предательскій „глазокъ“, откуда слабо пробивалась тонкая-тонкая ниточка свѣта отъ свѣчи или лампады зажженой въ спальнѣ француженки передъ неизбѣжнымъ кіотомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ покояхъ гагаринскаго дворца.

Негромкій смѣхъ, подавленные, прерывистые голоса услыхала сейчасъ же Анельця. Вотъ прозвучали долгіе, безконечные два-три поцѣлуя... Опять смѣхъ и говоръ.

Анельця своимъ напряженнымъ, обостреннымъ до крайнихъ предѣловъ, слухомъ улавливала малѣйшій звукъ и шорохъ за стѣной, паденіе одеждъ, сплетеніе рукъ, сліяніе

пылающихъ устъ... Ей кажется даже, что стѣна раздвинулась и она видитъ все, что тамъ происходитъ.

Но этого ясновидѣнія мало для обезумѣвшей женщины. Ей захотѣлось довести свою пытку, свое самоистязаніе до конца. И она порывисто прильнула глазомъ къ предательскому отверстію въ стѣнѣ...

Какъ разъ напротивъ, стѣны увидала она обоихъ. На низенькомъ, восточномъ диванчикѣ сидитъ Келецкій и держитъ на колѣняхъ дѣвушку, прекрасную въ своей безстыдной наготѣ. Вотъ, они цѣлуютъ другъ друга... еще... еще!.. И какъ тѣ замирали отъ страсти и восторга, такъ трижды умирала Анельця, видя, какъ слились ихъ губы и снова оторвались другъ отъ друга... и снова... и снова слились... Но совершенно неожиданно—Алина вырвалась изъ объятій Келецкаго и то, что произошло потомъ—совсѣмъ ошеломило, довело чуть не до безумія и обморока незримую свидѣтельницу безшабашной, дикой оргіи...

Шатаясь, пылая, какъ въ горячечномъ бреду, рѣшилась, наконецъ, Анельця сойти съ своихъ ковровъ, но у нея подкосились ноги, она беззвучно, мягко скользнула внизъ и долго пролежала безъ памяти.

Когда она очнулась, — за стѣной было уже все тихо. Но женщина не имѣла больше силъ продолжать собственную пытку. Кое-какъ она добралась до своей постели и всю ночь лежала въ забытьи, видѣла въ полуснѣ, въ полубреду отвратительныя картины звѣрскаго сладострастія, какими вчера впервые случай осквернилъ сознаніе Анельци.

Встала она совсѣмъ разбитая, еле бродила по дому, выполняя текущія дѣла. А между тѣмъ, время отъ времени ее такъ и толкало, несло въ темный чуланъ, къ этому „глазку", чрезъ который она заглянула въ самую пучину грѣха. Анельця была увѣрена, что увидитъ еще что-нибудь другое. Не даромъ такіе слухи ходили про „лектрису",

которымъ не хотѣла вѣрить даже она, въ душѣ ненавидящая француженку!..

Но день прошелъ спокойно, какъ и слѣдующая ночь...

И только сегодня, очень поздно, уже передъ сномъ— снова пробралась Анельця въ чуланъ, взглянула и задрожала вся, но на этотъ разъ отъ радости, отъ предвкушенія близкой мести.

Алина была не одна.

Анельця не видѣла гостя лектрисы. Какъ разъ въ этотъ мигъ Алина кого-то заставила спрятаться въ большой шкапъ съ платьями, закрыла его тамъ и громко проговорила, обращаясь къ дверямъ, за которыми раздавался отчетливый стукъ:

— Кто стýкитъ? Што нàда?..

— Я это!.. — послышался наглый, глумливый голосъ „казачка“.—Князь зоветъ тебя, мамзель... Читать ему ступай!.. Да поживѣе, слышь! Не терпится ужъ тамъ больно!..

Безстыднымъ хохотомъ раскатился вслѣдъ за своими словами мальчишка.

— Пальвàнъ! Суки синъ! Пшель... я пальнòй... Онъ снаитъ... Я кавариль ище на утрà! Пшель! — рѣзко прокричала Алина, тихо скользнула съ постели въ одной тонкой, ночной рубахѣ, подслушала у дверей, ушелъ ли мальчишка, и тогда негромко приказала тому, кто спрятанъ былъ въ шкапу:

— Выкадѝль можно... Слишь, Юринкà!..

— Такъ, вотъ кто у ней!.. Юрка!—сообразила Анельця и быстро кинулась въ свою комнату, увѣренная, что сейчасъ за ней придетъ посолъ отъ „господина“...

Какъ мы видѣли, она не ошиблась.

Несмотря на поздній часъ, Гагаринъ, полуодѣтый, сидѣлъ въ креслѣ у постели и ласково встрѣтилъ Анельцю.

— Спала, курочка? Ужъ, извини... Такъ мнѣ тошно одному... такая истома... Пальцемъ бы не двинулъ... Помоги раздѣться... посиди... поразвлеки меня... цыпинька... Ну... живѣе... Тяни губки!.. Ну... не дуйся... Не люблю я, знаешь... А я за это, гляди... приготовилъ и подарочекъ... Ну, живѣй... раздѣвай... укладывай... знаешь, какъ я люблю...

— Я вѣмъ, якъ вельможны кнѐзь лю́би! Та она не лю́би кнезя... не хце тѣ́шиць кнѐзя. Отъ, вельможный и шлетъ за бѣдной слугой... за дурой, уродой Анельцей... И подарунекъ не мнѣ былъ зготòванъ... А ей!.. А она не йдетъ! Ей тамъ дòбже... безъ его мосци!

Зло глядитъ, криво улыбается Анельця. И не видалъ Гагаринъ ее такою никогда.

— Что ты вздоръ болтаешь! Ну, правда, я бы, можетъ, и не сталъ тревожить тебя... Да Алина больна... Еще утромъ я видѣлъ! Самъ видѣлъ! Понимаешь: самъ...

— О! Вѐлька штука! Не можно менщѝзну обмàнуць, чи цо?.. Ха-ха!.. Я буду пенць разъ на мѣсяцъ нездрòва, ежели не схòчу прійти къ мосци-ксѐнжу... Але жъ я пришла! Хоцъ и вѣмъ, цо не про Анельцю думалъ мой панъ яснѣйшій... А я таки кòхаю пана и не здрадзамъ пана, якъ та потаску́ха!..

— Здрада?!. Это—измѣна значитъ по вашему?..—насторожившись, переспросилъ Гагаринъ.

Никогда раньше полька не говорила ничего подобнаго; очевидно что-нибудь особенное заставило ее рѣшиться на рѣзкую, отчаянную выходку. И онъ, глядя въ глаза экономкѣ, продолжалъ:

— Что случилось? Вы раньше душа въ душу жили... Или, спустя три года — ревновать меня къ ней вздумала? Такъ, знаешь сама...

— Вѣмъ! Вѣмъ!.. Яснѣйшій панъ и на ту потаскуху

и на честну дзѣвчину Анельцю не ба̀рдзо смотритъ... У яснѣйшаго пана есть южъ но́ва коханка... Поповна-красуля! То не мое дѣло!.. Алежъ не можно, же бы стерва-Алинка пана кнѣзя дурила та на глумъ пахо́лкамъ и лаку́замъ давала... Я люобу яснаго пана и чту пана кнезя... А та дрань!.. У, подлюга!—совсѣмъ визгливо вырвалось у Анельци.—Идзь, панъ! Подивись, панъ, цо та фря ро́бить може!

И, взявъ за рукавъ Гагарина, она почти насильно подняла его съ кресла и повела къ дверямъ.

Сначала онъ думалъ прикрикнуть на обезумѣвшую женщину, но потомъ неясное подозрѣніе, предчувствіе чего-то необычайнаго, хотя и непріятнаго для него лично, заставило Гагарина послушно слѣдовать за Анельцей.

Третьимъ, поодаль, незамѣтно—скользилъ за ними мальчишка-казачекъ.

Вотъ и у двери чулана Гагаринъ. Предупрежденный жестомъ Анельци, ея тихимъ шипѣньемъ, схожимъ со змѣинымъ, ея внушительной миной,—неслышно постарался войти въ чуланъ Гагаринъ, благо мягкіе бархатные сапоги у него на ногахъ.

Вотъ съ помощью Анельци онъ ужъ взобрался на груду ковровъ, прильнулъ глазомъ къ щелочкѣ, и сталъ глядѣть въ спальню Алины, гдѣ слышалась глухая возня, топотъ босыхъ ногъ по доскамъ пола, по ковру, гдѣ онъ покрывалъ эти доски.

Крѣпко сжались кулаки князя, что-то невнятно заклокотало даже въ груди, но онъ сейчасъ же сдержался и продолжалъ смотрѣть, сразу захваченный тѣмъ, что увидѣлъ.

Гагаринъ читалъ и слыхалъ о всякихъ извращеніяхъ и мерзостяхъ въ области любовныхъ, чувственныхъ ласкъ и самъ во время бурной молодости, да и потомъ не разъ предавался всякому безпутству. Но то, что онъ здѣсь увидалъ, поразило и его.

Юрій — рослый, красивый парень, одинъ изъ псарей князя, — внѣ себя отъ страсти, старался поймать Алину, которая увертывалась отъ него, носилась, какъ птица, по комнатѣ, загораживаясь стульями, столами, а сама въ то же время изо всей силы хлестала парня толстымъ хлыстомъ по плечамъ, по груди, куда попало и послѣ каждаго удара на бѣлой кожѣ парня проступала длинная, багровая полоса, которую можно было хорошо различить даже при слабомъ освѣщеніи лампады, озаряющей покой. Лицо, грудь, бедра были уже исполосованы у обезумѣвшаго человѣка, но онъ, казалось, не ощущалъ тѣлесной боли, полный необузданныхъ, жгучихъ ощущеній, ослѣпленный приливомъ крови къ головѣ, къ воспаленнымъ глазамъ... Онъ, не глядя, кидался за убѣгающей, ронялъ стулья, столики, преграждавшіе ему путь, ударялся съ размаху объ углы дивана, постели шкапа, но, не поморщась даже, мчался дальше. желая настигнуть увертливую, сохраняющую полное самообладаніе, Алину.

Дыханіе хрипло вырывалось изъ груди парня, пѣна проступила и стала насыхать у него въ углахъ рта... Онъ казался страшенъ даже тому, кто, незримый, стоялъ за стѣной... А безумная дѣвушка все продолжала дразнить голоднаго звѣря, умышленно ударяя его самымъ жестокимъ, нестерпимымъ образомъ.

И, вдругъ, умышленно, или противъ воли, но она поскользнулась на коврѣ, среди комнаты, упала. Однимъ прыжкомъ онъ очутился рядомъ. Алина перемѣнила только пріемъ, но попрежнему била его руками, царапала, какъ кошка; острыми, мелкими зубами до крови впилась въ напряженныя мышцы его плеча... и еще... и еще!.. То приникала она къ нему, то отрывалась и вотъ-вотъ готова была снова пуститься въ прежній безумный бѣгъ...

Но онъ ужъ не отпустилъ своей мучительницы. Онъ дико сжималъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ. Эти руки судо-

рожно удерживали ее то за плечи, то за станъ, то за грудь и слѣды его рукъ тоже обозначались четко, внезапными кровоподтеками на нѣжной, атласистой кожѣ дѣвушки.

Съ дыханіемъ, стѣсненнымъ въ груди, полный отвращенія и любопытства слѣдилъ Гагаринъ за омерзительной борьбой двухъ существъ, среди которой невольные, острые крики боли были сходны со вздохами остраго упоенія, сливались съ еле внятнымъ шепотомъ...

Только когда они затихли, словно лишились чувствъ отъ дикой, звѣрской борьбы, Гагаринъ внимательно поглядѣлъ на эти два тѣла, напоминающія двухъ мертвецовъ, брошенныхъ на коверъ спиною другъ къ другу, и, также тихо, какъ пришелъ, двинулся обратно къ себѣ, схвативъ безотчетно за руку Анельцю, которая покорно, какъ овца, мелкими шажками быстро семенила за своимъ господиномъ.

Поздно поднялась на другое утро Алина. Она не только была разбита нервами, но во всемъ тѣлѣ ощущала нестерпимую боль и даже со страхомъ осторожно провела руками по бокамъ, по груди, по спинѣ и плечамъ, какъ бы желая убѣдиться, что кости не сломаны нигдѣ.

Послѣ холодной ванны дѣвушка стала бодрѣе. Тщательно помассировавъ всѣ ушибленныя мѣста, всѣ синяки на кожѣ, помазавъ ихъ какой-то мазью, дѣйствіе которой неоднократно уже было испытано ею,—Алина отправилась на обычную утреннюю прогулку, кликнувъ съ собою Леду, любимую борзую свою и Гагарина.

На лѣстницѣ ей на встрѣчу попался Салимъ, второй казачекъ Гагарина, красивый бухарченокъ лѣтъ 10, особенный любимецъ господина. Мальчикъ шелъ сейчасъ изъ бани, его нѣжное, округлое личико рдѣло, бѣлые зубки поблескивали изъ-за пріоткрытыхъ, пухлыхъ, уже чувствен-

ныхъ губенокъ; а большіе, словно влагой подернутые, миндалевидные глаза, черные и глубокіе—особенно лукаво и соблазнительно сверкнули прямо въ усталые, окруженные густою синевой, глазки Алины.

Мальчикъ пробормоталъ ей свой „селямъ“ и вприпрыжку продолжалъ подниматься на лѣстницу, получивъ въ отвѣтъ „bon jour!“ Алины.

Дольше обычнаго гуляла дѣвушка, не чуя, какая бѣда готова разразиться надъ ея причудливой, кудрявой головой.

А врагъ, между тѣмъ, не зѣвалъ. Анельця, увѣренная въ неизбѣжномъ паденіи соперницы, рѣшила ускорить эту отрадную минуту и окончательно сорвать маску съ ненавистной француженки, ради которой Келецкій могъ такъ обидно оттолкнуть свою влюбленную рабу-польку.

Подобранными ключами открыла Анельця двери покоевъ Алины, раскрыла ящики стола, сундучки и шкатулки, въ которыя, какъ удалось ей подглядѣть, лектриса прятала какія-то бумаги, письма;—стала рыться тамъ, проглядывать письма и, выбравъ тѣ, которыя ей казались подозрительны, понесла къ Гагарину вмѣстѣ съ увѣсистой тетрадкой, гдѣ пестрѣли записи дней, стояли года и имена, знакомыя полькѣ, потому что Анельця кое-какъ сумѣла разобраться во французскихъ замѣткахъ лектрисы, написанныхъ латинскимъ алфавитомъ, какимъ пишутъ и поляки.

Чутье не обмануло ревнивицы. Дневникъ Алины поразилъ Гагарина чуть ли не сильнѣе, чѣмъ вчерашняя кошмарная сцена. Онъ готовъ былъ счесть ее случайнымъ, единичнымъ проявленіемъ болѣзненно-обостренной чувственности, безумнымъ извращеніемъ, порожденнымъ исключительными обстоятельствами. Даже собирался призвать Келецкаго и другого врача, шведа Зинстрема, хотѣлъ послать ихъ къ „несчастной дѣвушкѣ“, очевидно охваченной острымъ половымъ безуміемъ, требующимъ помощи и ухода врачей...

Но короткія, ярко, даже талантливо набросанныя строки дневника, отвратительныя картины, пересыпанныя остроумными, при всемъ ихъ цинизмѣ, замѣчаніями, показали, что это не болѣзненное, преходящее явленіе, а строгая и стройная система, уже не мало лѣтъ созданная и проводимая въ дѣло соотечественницей Вольтера и маркиза де-Садъ, юной и дѣтски-чистой на видъ парижанкой.

Съ особымъ интересомъ прочелъ Гагаринъ все, что касалось Келецкаго. Уважая своего врача и секретаря за умъ, Гагаринъ часто противъ воли боялся этого скрытнаго, безстрастнаго на видъ человѣка, который о благахъ жизни, о страстяхъ и любви отзывался, правда, безъ всякаго осужденія, безъ негодованія аскета, но съ какимъ-то неуловимымъ оттѣнкомъ презрѣнія и брезгливости, какъ будто самъ былъ имъ чуждъ и если зналъ женщинъ, если пилъ хорошее вино и лакомился изысканнымъ столомъ, такъ дѣлалъ это безо всякаго особеннаго удовольствія.

А дневникъ Алины нарисовалъ князю загадочнаго наперсника, вѣрнѣе—наставника и перваго совѣтника,—обыкновеннымъ мужчиной, который порой можетъ забыть и свое личное достоинство и все на свѣтѣ въ чаду дозволенныхъ и запретныхъ наслажденій и страстей. Какъ ни странно, но узнавъ „грѣшки“ своего непроницаемаго, сдержаннаго, съ вѣчно-холоднымъ лицомъ, секретаря, Гагаринъ почувствовалъ къ нему болѣе теплое расположеніе, чѣмъ это было раньше, и даже рѣшилъ, что не скажетъ ничего Келецкому сбъ этихъ „маленькихъ тайнахъ“, открытыхъ дневникомъ лектрисы.

Записи Алины начинались съ того времени, какъ она попала въ Россію и съ первымъ своимъ покровителемъ пріѣхала въ Петербургъ.

„Русскіе мужчины — великолѣпные самцы,—стояло на одной изъ первыхъ страницъ.—Очень устойчивы, неутомимы, сильны и горячи до самозабвенія. Но они мало-чувстви-

тельны, трудно возбудимы и нѣтъ у нихъ игры фантазіи, какъ у французскихъ или, особенно—испанскихъ кавалеровъ. Просто, овладѣлъ тобой—и начинаетъ наслаждаться, не подвинтивъ нервовъ, не доведя организма до потрясенія, до экстаза тѣми маленькими ласками, которыя приближаютъ къ цѣли, но не даютъ скораго и полнаго удовлетворенія. Русскіе любятъ, какъ ѣдятъ: грубовато, сосредоточенно, важно (sollennelement), но... очень много! Этимъ, все-таки, немного искупается ихъ наивность въ дѣлахъ любви. А, все же, лучше одного негра, гайдука царицы,—меня никто еще въ жизни не ласкалъ. Это былъ и ласковый мальчикъ и тигръ... Одна напряженная струна, оживленная неукротимой страстью, гибкая, терзающая и дарящая жгучее наслажденіе. Не даромъ онъ въ такой модѣ у всѣхъ придворныхъ дамъ и, даже у горожанокъ этой новой столицы варварской русской земли... Онъ такъ умѣетъ...“

Фраза была оборвана.

И дальше говорилось все объ одномъ и томъ же, мѣнялись только имена мужчинъ. Попадались и женскія имена особъ, которыя, благодаря прихоти природы, сами не знали хорошо, къ какому полу онѣ принадлежатъ? Алина особенно влекла къ себѣ такихъ полуженщинъ, какимъ-то чутьемъ умѣя отгадывать волнующую и постыдную ихъ тайну.

А, вотъ, первая запись о Келецкомъ:

„Онъ лжетъ... Онъ лжетъ! Во что бы то ни стало я заставлю его снять маску приличнаго человѣка, безстрастнаго мужчины. У тѣхъ не бываетъ этого щекочущаго взгляда и изгиба трепетныхъ губъ, какъ у нашего секретаря. Его языкъ порою мелькаетъ между сохнущихъ, тонкихъ губъ, какъ жало змія-соблазнителя, внушившаго первыя желанія нашей праматери. Только извращенныя натуры, прирожденные чувственники умѣютъ такъ, даже противъ собственной воли, однимъ взглядомъ окинуть, раздѣть женщину, какъ дѣлаетъ

это невозмутимый, важный и холодный съ виду полякъ. И я пойду на все, только бы видѣть его передъ собой, лежащаго на полу, наполняющаго мою спальню визгомъ пса, ошалѣлаго отъ желанія скорѣе получить лакомую добычу, которой ему сразу не даютъ!..“

„Я добилась своего!—кратко было отмѣчено черезъ нѣсколько страницъ.—„Келецкій еще извращеннѣе, чѣмъ я подозрѣвала. Это—тонкій знатокъ и мастеръ великій. Настоящій виртуозъ, какихъ я рѣдко встрѣчала... Онъ почти также ясно сознаетъ все, какъ и я, въ тѣ минуты, когда кровь у насъ обоихъ кипитъ, какъ лава въ аду, а тѣло трепещетъ, подобно, запоздалому на вѣткѣ, сухому листку подъ налетами осенней непогоды. Хорошъ онъ также тѣмъ, что никому, никогда не выдастъ нашихъ безумствъ!..“

И также подробно описывала она свои оргіи съ патеромъ, какъ и съ молодыми, красивыми челядинцами князя.

Дочиталъ Гагаринъ тетрадь до конца, съ блестящими глазами, съ пылающимъ лицомъ; но, въ то же время, съ невольнымъ омерзѣніемъ швырнулъ тетрадку въ пылающую печь, которая топилась въ обширномъ, высокомъ кабинетѣ почти полдня, пока сидѣлъ и работалъ здѣсь князь, любящій тепло, блескъ и переливы огня.

— Могу войти?—раздался за дверью звонкій голосокъ Алины и она показалась на порогѣ, розовая отъ воздуха, улыбающаяся, ласковая, но и удивленная, въ то же время.

Легкая, безотчетная тревога овладѣла дѣвушкой, когда въ сѣняхъ ее встрѣтилъ слуга и передалъ приказъ Гагарина: прямо съ прогулки зайти къ нему. Но эту тревогу она не считала нужнымъ выказать своему господину и только игриво спросила, быстро подходя къ креслу Гагарина:

— Мой князь меня такъ любитъ... такъ желаетъ, что приказалъ какъ можно скорѣй?..

Онъ не далъ ей докончить и въ отвѣтъ на француз-

скій вопросъ заговорилъ по-русски, какъ дѣлалъ это обычно въ минуты волненій.

— Ну!.. Ну!.. Не лиси, дрянь! Не къ любви идетъ дѣло!.. Хорошо ли погуляла? А! Съ кѣмъ еще шлялась? Кого изъ дворни выглядывала, а?..

Слова, самый звукъ хриплой, злобной рѣчи, потемнѣлое лицо князя сразу дали знать умной дѣвушкѣ, что грозитъ бѣда. Сердце у нея забилось такъ сильно, что даже на шеѣ у подбородка, подъ тонкою кожей стала вздрагивать какая-то синяя жилка; а зрачки расширились и потемнѣли, глаза остановились, какъ у испуганнаго ребенка.

— Што... што такой?—также по-русски начала было Алина:—Мой сердиль твой! Почшиму? Зашѣмъ? Мой любиль твой... Не надо сердиль!..

Кошечкой хотѣла было скользнуть къ нему Алина, прижаться губами къ его колѣнямъ, къ отвислой, жирной груди, видной въ распахнутый воротъ рубахи. Она знала, какъ любитъ князь эти острыя ласки. Но онъ сразу, грубо, какъ навязчиваго пса, оттолкнулъ рукой и движеніемъ ноги дѣвушку, такъ что она отъ неожиданности опрокинулась на коверъ и застыла тамъ, испуганная, полуоблокотясь на одну руку, въ позѣ умирающаго гладіатора.

А Гагаринъ еще и кресло свое отодвинулъ подальше, словно боялся испачкать полы халата о платье и ноги женщины, лежащія тутъ, у самыхъ его ногъ.

— Полно ломаться! Не поняла еще! У-у! Псица забѣглая! Я видѣлъ... нынче ночью я самъ все видѣлъ... своими глазами... Не то—и не повѣрилъ бы! Какая мерзость! Какая мерзость! Какая грязь! И тебѣ не стыдно!

Ошеломленная, Алина все-таки не потеряла присутствія духа и ясности сознанія. Пока онъ говорилъ, она зорко слѣдила за выраженіемъ его лица, его глазъ; вслушивалась въ звуки голоса. Ни признака ревности, или сдавленнаго,

затаеннаго желанія, ни искры чувства, ни малѣйшей надежды на прощеніе и примиреніе, только безмѣрное отвращеніе и злоба въ этихъ глазахъ, въ этомъ голосѣ; хуже того— презрѣніе безъ предѣловъ! Все кончено и поворота нѣтъ.

Понявъ это, свернулась, какъ змѣя, дѣвушка, поджала къ себѣ вытянутыя ноги, быстро поднялась однимъ упругимъ, ловкимъ движеніемъ и, еще не выпрямясь даже на ногахъ, быстро заговорила, мѣшая со своею родною рѣчью русскія выраженія и слова, словно желая этимъ сдѣлать ее понятнѣй, внушительнѣе для Гагарина.

— „Стидна!“ Les Russes disent: „стидна, када видна!..“ Et dans ma chambre... на мой опошивальнья не биль нихто! Personne!.. Только я и мой amant. Nous deux seules.

И затѣмъ продолжала по-французски часто, четко, гортаннымъ своимъ говоромъ.

— Даже освѣщеніе было очень скромное... А что вельможа, намѣстникъ Сибири, князь и мой господинъ придетъ... подглядывать, какъ забавляется въ своей спальнѣ его... наемная... „лектриса“?!. Такой чести я никакъ не ждала!..

— Наглая тварюга!..

— Зачѣмъ браниться?!. Это князю вовсе не пристало!.. Я могу подумать, что вы не такъ разлюбили меня... не такъ возмутились моими... шалостями, какъ это показали въ первую минуту... А затѣмъ?.. Вѣдь я же, все-таки, не жена князя... даже не признанная любовница... а просто наемная... „лектриса“, которую призываютъ, когда князю скучно!.. Когда ему угодно! Словомъ,—не справляясь о томъ, расположена ли эта наемница исполнять свои обязанности, или нѣтъ?.. Не заботясь о томъ, могутъ ли обрывки ласки, остатки желаній и чувствъ согрѣть чье-либо сердце и тѣло, даже не такое юное и пылкое, какъ мое... Наконецъ, я ли одна дѣлаю то, о чемъ люди говорятъ: „Фи!?.“ А бухарскій мальчикъ... „Бачо“... Хорошенькій Салемъ?..

Я же ничего не сказала, когда онъ появился въ домѣ... Ха-ха-ха!.. „Казачёкъ",—такъ пускай „казачёкъ"!.. Ха-ха-ха!.. Но зачѣмъ же такъ ужъ строго быть съ бѣдной дѣвушкой?.. Каждый веселится, какъ можетъ. А я все-таки не кукла, а женщина!.. Пусть порочная, безнравственная, но еще полная желаній и огня, который только пуще разгорался отъ безсильныхъ, дряблыхъ поцѣлуевъ и ласкъ моего...

— Молчать! Вонъ!

— Уйду... уйду... Я знаю, русскіе варвары не стѣсняются даже бить женщинъ... Конечно, лучше уйти... И прошу сама: какъ можно скорѣе дайте мнѣ уѣхать... Я рада... я!.. До свиданья!.. Прощайте, милый князь!

Съ низкимъ книксеномъ, съ нервнымъ хохотомъ выбѣжала Алина изъ кабинета, едва не налетѣвъ на польку, которая подслушивала все изъ коридора.

Еще звончѣе, насмѣшливѣй и наглѣй захохотала Алина прямо ей въ лицо и прокричала, словно плюнула, въ глаза:

— Дуръ!.. Сабакъ de Pologne!.. Эта твой сдѣлаль!.. Эта—ти... ревнуй за твой pèrе — jesuite!.. Ха-ха-ха!.. Теперь бери оби... бери вси! И цѣлій дворня... Ха-ха!.. Я тибѣ дариль!.. Уродъ!..

Съ хохотомъ промчалась мимо, заперлась въ своей спальной и долго ея истерическій смѣхъ, перемежаясь съ бурными рыданіями, слышенъ былъ оттуда, пока, обезсиленная, она не стихла, лежа комкомъ на постели, не то охваченная внезапнымъ сномъ, не то въ обморокѣ...

Гагаринъ, призвавъ дворецкаго, приказалъ немедленно найти въ городѣ помѣщеніе для Алины и поселить ее тамъ еще до вечера: а какъ только установится путь,—отправить въ Россію, въ Москву, гдѣ она могла ужъ устроиться сама.

Вещи, дорогіе подарки, сдѣланные дѣвушкѣ, Гагаринъ оставилъ своей бывшей „лектрисѣ": А въ Салдинскую сло-

боду въ тотъ же день поскакалъ гонецъ съ небольшой запиской. Въ виду улучшенія дороги—обѣщалъ скоро заглянуть туда князь и извѣщалъ, что „лектрисы“ больше нѣтъ у него въ домѣ.

Отославъ гонца, губернаторъ хотѣлъ было заняться ворохомъ бумаги и писемъ, лежащихъ передъ нимъ, когда ему доложилъ Келецкій, что явился келейникъ митрополита Іоанна съ письмомъ отъ послѣдняго и желаетъ лично вручить Гагарину посланіе.

— Келейникъ... цидула митрополичья!.. Самово я звалъ ево! Есть указъ государевъ, каковой надлежало владыкѣ выслушать отъ меня и со мною обсудить! — недовольный, пробормоталъ Гагаринъ.—Ну, зови!

На кускѣ бумаги, небрежно-оторванномъ отъ листа, кое-какъ свернутомъ въ видѣ письма, стояло нѣсколько строкъ. „Молитвенникъ и рабъ Божій, смиренный митрополитъ Іоаннъ Тоболесскій и всеа Сибири“ извѣщалъ милостивца, его превосходительство губернатора, что боленъ онъ и не можетъ явиться на зовъ. А если есть что-либо „неотложное и особливо-важное“ — проситъ пожаловать къ нему нынче же, въ часы, когда службы нѣтъ въ домовой церкви митрополичьей.

— Попъ надутый!.. Не желаетъ даже ради высочайшаго указа потревожить себя! Къ себѣ зоветъ! Козелъ упрямый!.. А я Ступина съ карауломъ пошлю за нимъ, коли такъ!—багровѣя отъ гнѣва, заворчалъ князь.—Въ каретѣ подъ конвоемъ пожалуетъ сюда прослушать волю царскую... Все тягается со мною, хочетъ выше меня быть! Такъ я же ему покажу!.. Я же этому гордецу!.. Онъ узнаетъ, кто изъ насъ главнѣе въ Сибири?..

— Конечно... Такъ и надо! — поддакнулъ Келецкій, зная, что не слѣдуетъ спорить съ этимъ человѣкомъ, особенно, когда онъ теряетъ самообладаніе. — Проучить надо

монаха... Осторожно, разумѣется... чтобы изъ-за всякаго тамъ... самому не было непріятности отъ государя... Да и здѣсь много дураковъ есть, которые себя не пожалѣютъ, если обиженный арцибискупъ имъ слово скажетъ... Надо его такъ унизить, чтобы онъ и не могъ придраться ни къ кому... Чтобы и не зналъ, противъ кого выступать?.. Будетъ, гордецъ, въ грязи тонуть, станетъ искать, кого бы съ собой потянуть!.. А некого будетъ! Вотъ это хорошо будетъ!..

Яркая картина, нарисованная секретаремъ, захватила Гагарина, сразу измѣнила и его настроеніе и все направленіе мыслей.

— Хорошо бы! Но... какъ?..

— Объ этомъ думать сейчасъ не стоитъ! Упрямый, заносчивый монахъ самъ дастъ себя въ руки, самъ на себя веревку сплететъ своими дѣлами... И чѣмъ ему больше воли дать, чѣмъ чаще его подразнивать словами, а на дѣлѣ не задѣвать,—тѣмъ онъ больше осмѣлѣетъ и такое тутъ натворитъ, что уберутъ если не съ епархіи, такъ прямо въ ссылку гордеца... Я головой ручаюсь!..

— Правда... Правда... Теперь и я вижу, что твоя правда!.. А, все - таки, съ указомъ какъ же быть?.. Надо же...

— Такъ и сдѣлать надо, какъ онъ хочетъ... Пусть вельможный князь потрудится, поѣдетъ, прочтетъ да... посильнѣе подвинтитъ монаха!.. А тамъ... увидимъ...

— Увидимъ ужъ тамъ! Ха-ха-ха!—довольнымъ смѣхомъ раскатился Гагаринъ, понявъ, какъ умно совѣтуетъ ему Келецкій, и приказалъ заложить карету.

— О-охъ, боленъ весь! Распронедуженъ! — притворно охая и стеня, говорилъ Іоаннъ Гагарину, котораго принялъ, выйдя прямо изъ домовой своей церковки, гдѣ только что

окончилась служба.—Больно немощенъ съ годами сталъ! Ошшо Господу, Царю Небесному хватаетъ силъ послужить. А ужъ земному... пущай не взыщетъ! И радъ бы пріѣхалъ, указа послушалъ!.. Да не моя сила! И што тамъ ошшо за указы? Словно бы и не порядокъ. Синодъ святѣйшій, Правительствующій въ Имя Господне,—волёнъ намъ, архипастырямъ, указывать въ дѣлахъ церковныхъ... А свѣтскія власти, хоша бы и какія найвысшія... Погодить бы имъ надоть... Такъ мнѣ по простотѣ моей иноческой сдается... Не мірской я человѣкъ... Ужъ не взыщи, не посѣтуй, чадо мое, ваше превосходительное вельможество!.. Охо-хо-хо!..

Закипаетъ снова злобой и негодованіемъ въ душѣ Гагаринъ, слушая лукавыя, смиренно-вызывающія рѣчи монаха; но и самъ рѣшилъ не уступать ему въ этой губительной игрѣ. Разводя руками, склоняя голову, дружелюбно глядя и улыбаясь владыкѣ, поддакиваетъ онъ хозяину и, давъ тому умолкнуть, со вздохомъ сожалѣнія заговорилъ:

— Да-а!.. Многое попеременилось нонѣ и на всемъ свѣтѣ... и въ нашей державѣ благочестивой... Приходится земныхъ властей болѣе, ничѣмъ небесныхъ, слушать да опасаться. Нынче ты—владыко, князь Церкви Христовой... А на утро, глядишь, коли не въ Суздаль-Монастырь угодилъ на хлѣбъ да на воду, али бо на Соловки, на смиреніе, въ ризахъ рогожныхъ, такъ и вовсе на колесѣ твое тѣло, а голова, елеемъ помазанная священническимъ,—на колу, на шпилѣ торчитъ... какъ уже то неоднократно мы видѣли...

Искоса поглядѣлъ на гостя хозяинъ. Что значатъ его слова? Искреннее сочувствіе выражаютъ, или—это угроза прикрытая, тайная?..

Князь спокойно глядитъ въ испытующіе глаза монаха, дружелюбно снова улыбается. И кругло, плавно катится, рокочетъ его рѣчь, звучитъ жирный, сиповатый басокъ.

— Взять хоша бы Сибирь нашу... И твоего преосвя-

щенства труды и заботы въ ней!.. Слова нѣтъ: крутенекъ ты, владыко... Отъ разу все на̀ново повернуть хотѣлъ бы... Дакъ, вѣдь, и самъ онъ, государь нашъ, Пётръ Алексѣевичъ, не больно чего ждать любитъ... Оно, скажемъ, расколъ великъ, силёнъ тута... Отпадшихъ куды больше, чѣмъ истинныхъ чадъ церкви главенствующей, себя — православною именующей и рекомой... И богаче энти... „еретики“, какъ ты ихъ звать изволишь, святой отецъ... Мажутъ они жирно руки властямъ въ Питерѣ... Вотъ, оттуда и бѣгутъ сюда гонцы съ указами строгими... И къ намъ, слугамъ царя нашего... И къ архіереямъ, кои себя болѣй признаютъ слугами Небеснаго Владыки, не земного...

Опять насторожился монахъ, такъ остро прозвучали послѣднія слова въ его ушахъ. А Гагаринъ, словно и не замѣчаетъ, свое ведетъ.

— И, волей-неволей—намъ, слугамъ царевымъ, приходится накучать вамъ, слугамъ Божіимъ... Оно и то сказать... Не будь твоего рвенія пастырскаго... дай ты воли больше людишкамъ здѣшнимъ, — и тебя бы не шпыняли... Ну, да, знать,—ты творишь, какъ тебѣ твой разумъ и долгъ велитъ... По-евангельски: „пастырь добрый душу свою даетъ за овцы своя!..“ А о томъ, какъ тебя жигануть могутъ, не помышляешь! Исполати! Коли духъ такой отважный у тебя,—крѣпись до конца, насъ поучай, слабодуховъ, грѣшниковъ окаянныхъ... А указецъ-то, владыко, какъ выслушать изволишь, стоя ли, какъ оно водится, али...

— Сказано: недуженъ я!—угрюмо буркнулъ Іоаннъ:— И такъ, сидя разберу. Акромя насъ двоихъ—и нѣту никого... Царь—не Богъ! А я и въ храмѣ могу ино посидѣть, коли усталъ... Читай, што тамъ!..

— Добро... А я ужъ потружуся, постою... Слушай, отче!..

Прочелъ обычный заголовокъ Гагаринъ, гдѣ перечисленъ

полный титулъ царскій и обращеніе къ митрополиту Тоболескому и всея Сибири. А дальше шло перечисленіе жалобъ, обоснованныхъ и многочисленныхъ, которыя, конечно, не безъ вѣдома и содѣйствія Гагарина,—дошли и до Синода, и до Петра, собранныя изо всѣхъ концовъ Сибири.

„А челомъ били намъ многіе люди приходовъ губерніи Тобольской и иныхъ, куды митрополичьи слуги и посыльщики и „десятильники“ за сборомъ десятиннымъ, церковнымъ наѣзживали,—читаетъ губернаторъ, стоя у своего кресла, на ручку котораго, все-таки, присѣлъ тучнымъ, тяжелымъ тѣломъ.—„И жалобу принесли на многія обиды и кривды великія, каковыя тѣми слугами митрополичьими были содѣяны. Тако—„десятильники“, посланные по городамъ отъ митрополита, явно безчинствуютъ, поборы лишніе вымогаютъ противъ законной десятины церковной; а еще того хуже, дѣвокъ и вдовыхъ бабъ и мужнихъ женокъ подговариваютъ указывать на блудодѣевъ, кои будто бы съ тѣми женками грѣхъ творили, дабы съ тѣхъ людей поборы брать во искупленіе грѣха. А когда тѣ бабы и дѣвки противятся и ложно оговаривать не хотятъ добрыхъ людей,—тѣ „десятильники“ митрополичьи дѣвокъ и бабъ пытаютъ, груди давятъ имъ до крови и срамомъ срамятъ великимъ, даже нагихъ стегая при всемъ народѣ. А по монастырямъ тоже чинится неправда великая. И многіе монастыри, землею и людьми оскудѣлые, самовольные захваты чинятъ, землю силой у пашенныхъ нашихъ хрестьянъ отбираютъ, и худобу, и животы послѣдніе. А управы на то насиліе хрестьяне у свѣтскихъ властей и найти не могутъ. Да тѣ же десятильники и монастырскіе старцы безмужнихъ монастырскихъ бабъ продаютъ въ бракъ за сусѣднихъ мужиковъ, пьяницъ и уродовъ, лишь бы тѣ въ казну монастырскую выкупъ брачный внесли. А и того хуже, безмужнихъ женокъ на блудъ понуждаютъ и корысть имѣютъ отъ той затѣи гнусной. А которая дѣвка

донесетъ, что съ нею блудъ сотворенъ имущимъ обывателемъ, съ того снова берется пеня, выкупъ грѣха за прелюбодѣйство, имъ учиненное. И вѣнчальное за дѣвку-невѣсту, ежели она нетронута оказалась до брака,—снова же берется отъ мужа, хотя бы онъ ужъ внесъ раннѣй митрополиту плату брачную. И за всѣ требы—взимаются поборы тяжкіе, такъ что иные норовятъ и дѣтей не крестить, и не вѣнчаться, и мертвыхъ безъ чину церковнаго хоронить, лише бы поборовъ тяжкихъ поизбавиться. А отъ сего великій соблазнъ чинится въ Сибирскомъ всемъ краю и расколъ ростетъ ежечасно и крѣпнетъ. А тѣхъ отпадшихъ чадъ церкви служители Божіи, отъ митрополита посылаемые, не словомъ Божіимъ и внушеніемъ въ лоно православія обращаютъ, а угрозой, бранью и крайнимъ насиліемъ, что даже иные велятъ сожигать себя со всѣми своими чадами и домочадцами, только бы отъ докуки и страха избавиться. И тотъ примѣръ несчастный, отчаянный другимъ внушаетъ крайнее озлобленіе и противъ церкви православной упорство и возмущеніе. И множатся тѣ случаи самосожженія цѣлыми скитами, отчего происходитъ людей умаленіе въ томъ, не очень людно-населенномъ, краю и доходы казны на убыль идутъ.

„И еще жалобы великія и многія принесены ясачными народцами, кои пребываютъ во мракѣ идолопоклонства; но изъ онаго не извлекаются силой апостольскаго слова, примѣра и поученія, а насиліемъ ко крещенію влекутся, ихніе идолы, противъ всякого желанія тѣхъ людей, сжигаются и тѣмъ многіе мятежи и вражда чинится промежду мѣстными народцами и нашими хрестьянами, землю въ Сибири населившими.

„А посему, увидя, что жалобы тѣ, какъ самый розыскъ показалъ,—справедливы и истинны есть,—указано отнынѣ: иноземцевъ, равно какъ и своихъ раскольниковъ—силой не крестити и не перекрещевати, къ единовѣрію противъ воли

не приводити, не раззоряти, дабы до крайней смерти и муки не доводить и мятежей не множить.

„А поборы церковные чинить противъ закона, какъ положено, безъ лихвы; женокъ да дѣвокъ монастырскихъ на блудъ не понуждать и на лживое свидѣтельство не наводить; а судъ церковный надъ блудодѣями и прелюбодѣями чинить по канону, отнюдь безъ мшелоимства и пристрастія. А къ иноземцамъ, въ кочевья и улусы посылать людей добрыхъ, пастырей ученыхъ, истинныхъ отцовъ и оберегателей душъ человѣческихъ, дабы просвѣщали безъ крови и муки идолопоклонниковъ свѣтомъ Вѣры Христовой. А гдѣ есть остяцкія, либо иныя волости, гдѣ много хрестьянъ-иноземцевъ, тамъ бы церкви строились и попы ставились по чину…“

Дальше читаетъ Гагаринъ цѣлую програму, посланную изъ Питера мѣстному духовному главѣ и консисторіи его; а въ концѣ—и угрозы слѣдуютъ, если не будетъ исполнено все по указу…

Хмуро слушаетъ Іоаннъ, сжимая своими сильными, волосистыми пальцами поручни кресла, въ которое ушелъ глубоко… Порою только нервно погладитъ свою бороду, поправитъ панагію и снова сидитъ, какъ живое изваяніе. Только по шумному дыханію, которое вырывается почти со свистомъ сквозь крѣпко-сжатыя губы и раздутыя ноздри владыки, можно угадать, какъ повліялъ на него этотъ указъ.

Кончилъ Гагаринъ. Оба молчатъ. Сѣлъ губернаторъ, глядитъ на монаха, ждетъ: что онъ скажетъ. А тотъ не рѣшается сейчасъ заговорить, чуя, что можетъ много лишняго и вреднаго для себя высказать сгоряча…

— Слышалъ, владыко! Повторить не изволишь ли чего, что не внятно было, али запамятовалось? — наконецъ прозвучалъ ехидный, хотя и дружелюбный по тону, вопросъ князя.

— Слышалъ! Помню!—кинулъ отрывисто тотъ и снова сжалъ губы еще плотнѣе.

— Такъ... руку приложить изволь, какъ полагается... Ужъ, потрудись, ваше высокопреосвященство!—служебнымъ, сухимъ тономъ предложилъ Гагаринъ, видя, что Іоаннъ рѣшилъ сдержать свое раздраженіе и ничего не скажетъ сейчасъ такого, что ждалъ отъ него гость.

Взялъ перо монахъ, придвинулъ къ себѣ указъ, положенный на столъ Гагаринымъ, и вверху надъ самымъ титломъ государевымъ, словно на консисторской бумагѣ, вывелъ своимъ крупнымъ, связнымъ почеркомъ: „Читалъ и руку приложилъ, смиренный богомолецъ Іоаннъ, митрополитъ Тоболесскій и всеа Сибири“.

Посыпавъ пескомъ черныя, жирныя буквы, выведенныя имъ, подалъ онъ князю большой, исписанный листъ указа съ яркой, красной печатью на концѣ, гдѣ темнѣлъ краткій грифъ, подпись Петра, похожая на извивъ молніи, вычерченный перомъ.

Почтительно принялъ бумагу Гагаринъ, довольный тѣмъ, что позволилъ себѣ монахъ поставить свою подпись, гдѣ не слѣдовало, и, спрятавъ листъ въ грудной карманъ парчеваго, богатаго камзола, сталъ прощаться.

— Што такъ скоро! Али не потрапезуешь со мною, ваше превосходительство?.. Оно, хоша и постные дни, а найдется чѣмъ угостить дорогого гостя! Милости прошу!

— Радъ бы радостью, отче-владыко! Да никакъ не можно! Самъ нынѣ къ себѣ людей звалъ! Обидѣть нельзя, самъ понимаешь! Ко мнѣ милости прошу!.. Ужъ, не посѣтуй! Докажи, что не осерчалъ за нынѣшній указъ на меня!.. Я—слуга царевъ... Какъ приказано, такъ и творю! Ужъ, пожалуй! Посѣти домишко мой убогой!

— Шутишь, ваше вельможное превосходительство! Видѣли мы „бѣдность“ твою! У людей постъ, а у тебя—по

полсотни смѣнъ рыбныхъ да иныхъ на столъ подаютъ!.. Этакой постъ не хуже и мясоѣденія... Прокуратъ ты, князь!.. А што про указъ толкуешь?.. Што мнѣ на тебя злобиться!.. Богъ проститъ, ежели ты и причастенъ къ тѣмъ... навѣтамъ вражескимъ, коими сей указъ вызванъ... И я, вящшій іерей, къ отвѣту призванъ за ревность къ вѣрѣ православной... Угрозой угрожаемъ, аки смердъ послѣдній, рабъ нерадивый, своему приставнику непокорный... Воля Божья на все! — воздохнулъ съ дѣланнымъ смиреніемъ монахъ, но вдругъ, запылавъ глазами и лицомъ, отрывисто выкрикнулъ почти:

— А и ошшо помню я присловку: „Богъ не выдалъ, свинья не съѣстъ!“. Знаешь ли, ваше превосходительство, господинъ мой губернаторъ и раскольному люду первый потатчикъ! Не взыщи, языкъ мой — мой врагъ! Правду не потаю; сказать смѣю, што думаю!.. Не въ судъ, либо въ осужденіе... А штобы и ты зналъ: сумѣю царю отписаться, коли ужъ такое дѣло! Страха ли ради іудейска, али иные есть помыслы у твоего сіятельства, а вижу я, какъ ты безпоповщину по выѣ гладишь, масломъ ихъ мажешь, по ихней волѣ многое творишь... Благо, мошна у ихъ широка да толста; твоя правда, князенька!.. А я чуждъ стяжанія злаго... Одно и скажу: „иди за мною, сатано!“ А Господь и ангелы Ево да осѣнятъ служителя Божія, меня, многогрѣшнаго, отъ козней людскихъ и замѣровъ діавольскихъ!..

Стоитъ теперь монахъ, выпрямился, коренастый, грузный, узловатый въ костяхъ, и даже жезломъ своимъ при каждомъ громкомъ, вѣскомъ словѣ пристукиваетъ.

— Нну!—только и вырвалось у Гагарина, когда, наконецъ, возбужденный, красный, умолкъ Іоаннъ. —Благодаренъ на словѣ ласковомъ! Прощенья прошу! Ко мнѣ жалуй! Тоже принять да угостить сумѣю!

Повернулся, не подойдя даже подъ благословеніе, плю-

нулъ громко у самаго порога и вышелъ Гагаринъ, взбѣшенный, но и довольный.

Теперь князь видѣлъ, зналъ, что неукротимый, упрямый монахъ станетъ ломить на проломъ; убѣдился, что скоро свернетъ себѣ шею Іоаннъ на этомъ пути.

А ужъ потомъ Гагарину легко будетъ посадить болѣе подходящаго владыку на сибирской эпархіи, хотя бы того же кроткаго, чистаго душой, схимника — старца Ѳеодора, бывшаго Филофея—митрополита. Этотъ іерархъ, не отъ міра сего, — не сумѣетъ мѣшать новымъ планамъ и широкимъ замысламъ князя, если бы даже они оба не были такъ согласны въ дѣлахъ вѣры, какъ это есть на самомъ дѣлѣ.

Въ тотъ же день былъ составленъ подробный докладъ о посѣщеніи Іоанна Гагаринымъ и, переписанный тщательно, пошелъ къ Петру. А двѣ обширныя цидулы, Меньшикову и Василію Гагарину, въ Сибирскій приказъ отправлены были особо, той же почтой.

Глава II.

Первый громъ.

Послѣ ранней, уже миновавшей, зимы и весна настала рано въ этомъ, 1712 году; но причудливо проходила она, не въ примѣръ другимъ годамъ. Ясные теплые дни смѣнялись ливнями, холодной погодой, ночными заморозками. Скоро послѣ Пасхи нежданно прогремѣла первая вешняя гроза, а затѣмъ снова повѣяло холодомъ отъ сѣверныхъ просторовъ Ледовитаго океана и пришлось тобольцамъ хоть снова дохи и полушубки свои надѣвать.

Но тоболяне словно и не замѣчаютъ капризовъ природы. Небывалой доселѣ, кипучею жизнью зажили они съ пріѣздомъ новаго губернатора.

Разъѣхались давно коменданты и всякіе чины, прибывшіе осенью для встрѣчи князя; имъ на смѣну явились торговые обозы, цѣлую зиму мелькающіе въ ворота, да изъ воротъ городскихъ... А весною, какъ только стали спадать разливы рѣчекъ и ручьевъ, затопляющихъ часто проѣзжіе пути, какъ только дороги стали снова удобопроходимы, — появились въ Тобольскѣ важные гости, послы китайскіе, которые посланы, правда, къ калмыцкому хану, контайшѣ Аюкѣ, но и для Гагарина привезли грамоты отъ богдыхана и отъ его министровъ, или „вай-вубу", какъ зовутъ ихъ въ странѣ Дракона, въ великой Поднебесной имперіи за неприступной каменной стѣной. Хотятъ эти старинные сосѣди упорядочить весь торгъ, какой Китай съ Русью ведетъ.

Ласково, широко принялъ пословъ новый намѣстникъ Сибири, кормилъ-поилъ на золотѣ, лучшими явствами и напитками угощалъ, укладывалъ спать на перинахъ, набитыхъ лебяжьимъ пухомъ, богато одарилъ и далъ имъ кареты, возки, стражу надежную подъ начальствомъ полуполковника Прокопія Ступина. И послалъ съ нимъ указы во всѣ попутные мѣста и города, чтобы также щедро, съ полнымъ почетомъ принимали гостей, провожали дальше до границы, давали коней и кормъ, и вино хлѣбное, простое и лучшее, — смотря по чинамъ посла самого, его свиты, челяди многолюдной.

И другая забота не малая была у князя: Трубникова, наконецъ, снарядилъ онъ и отпустилъ въ поиски за золотомъ къ Кху-Кху-Нòру, даже не дождавшись отъ Петра отвѣта на свой докладъ о предположенной развѣдкѣ, о посылкѣ небольшого отряда въ двѣсти человѣкъ, который былъ данъ подпоручику въ распоряженіе.

Тутъ же и за постройками лично наблюдаетъ Гагаринъ, слѣдитъ за возведеніемъ новаго кремля тобольскаго изъ тяжелыхъ кирпичей, въ 15 фунтовъ вѣсомъ каждый. Осенью поздней и зимою казенные пахари почти задаромъ работали, сушили и обжигали этотъ кирпичъ, свозили его въ городъ. Теперь они же частью, частью арестанты, которыми полны тюрьмы Тобольска и ближнихъ городовъ,—согнанные въ кремль, работаютъ на вѣтру, на холоду, подъ дождемъ, возводятъ новыя зубчатыя, толстыя стѣны, строятъ каменные ряды новаго Гостинаго двора, амбары для складовъ казенныхъ, новый дворецъ возводить начали и соборъ большой заложить собираются... Много погибнетъ людей на этой стройкѣ. Ужъ и въ первыя недѣли слегло и умерло не мало отъ простуды, отъ горячки гнилой, отъ тифа и, просто, отъ житья впроголодь, отъ труда непосильнаго, какой несутъ эти подневольные колодники-творцы, созидающіе новый, неприступный и красивый Тобольскъ,

Не думаетъ о такихъ пустякахъ Гагаринъ. Только торопитъ лихорадочно людей, самъ слѣдитъ за работами и высчитываетъ дни, когда его широкія начертанія, его замыслы, навѣянные строительной маніей Петра,—примутъ осязательную, прекрасную форму, подобную той, какъ выведено на ворохахъ чертежей, составленныхъ учеными шведами-плѣнниками, первыми теперь пособниками губернатора въ его зодческихъ затѣяхъ.

Разборы дѣлъ торговыхъ, розыски по дѣламъ о наглыхъ, жестокихъ разбояхъ и грабежахъ, чинимыхъ чуть ли не открыто, среди бѣла дня, русскими людьми, даже служилыми и дикими инородцами, пріемъ даней, оброковъ, мѣховъ, провѣрка и разборка ихъ, вороха бумагъ, получаемыхъ отовсюду и разсылаемыхъ изъ губернаторской канцеляріи,—все это, если даже и слегка тревожило Гагарина, однако отнимало у него почти весь день. И только тогда онъ чувство-

валъ себя спокойнымъ и довольнымъ, когда возокъ быстро уносилъ его въ завѣтную Слободу, гдѣ отдыхалъ отъ заботъ и хлопотъ хозяинъ Сибири на груди своей красавицы-поповны...

Но и здѣсь, порою, принималъ по дѣламъ своихъ помощниковъ губернаторъ, если случай былъ очень важный, ожидающій неотложнаго рѣшенія, если бумага, полученная въ Тобольской канцеляріи, носила подпись Петра и требовала немедленнаго обсужденія и скорѣйшаго отвѣта.

Незамѣтно во всѣхъ этихъ хлопотахъ и въ сладкомъ отдыхѣ прошло лѣто, осень, снова подбѣжала зима...

Обрадовался ей Гагаринъ. Уставать ужъ онъ началъ, болѣе продолжительнаго покоя запросило немолодое тѣло князя. Да, и кромѣ тѣлесной устали, духомъ сталъ неспокоенъ губернаторъ. На видъ все хорошо шло кругомъ; но—словно затемнѣло что-то вдали, слухи недобрые стали приходить съ разныхъ сторонъ, какъ будто удача и ладъ, какіе встрѣтили его въ новомъ мѣстѣ служенія,—готовились уйти, давая мѣсто неурядицамъ и урону всякому.

Первымъ ушатомъ ледяной воды было довольно-обширное посланіе, писанное подъ диктовку Петра и его рукой подписанное. Царь, очевидно, принялъ къ сердцу вѣсти Гагарина о богатыхъ золотыхъ розсыпяхъ въ степяхъ, которыми, конечно, нетрудно будетъ овладѣть впослѣдствіи, пользуясь внутренними раздорами между кочевниками, которымъ сейчасъ принадлежатъ золотоносныя рѣки и озера среди горъ и песчаныхъ пустынь.

Но намѣреній князя теперь же послать на развѣдки изъ Тобольска небольшой отрядъ — Петръ не одобрялъ. Царь рѣшилъ, выбравъ удобную минуту, — послать отъ себя надежнаго человѣка, дать ему сильный конвой, чтобы можно было оружіемъ очистить себѣ путь къ золотымъ пескамъ, если бухарцы, каменные казаки, или мунгалы рѣшились бы

преградить путь смѣлымъ развѣдчикамъ, посламъ великаго московскаго царя.

И про разладъ между владыкой и губернаторомъ было помянуто въ этомъ письмѣ. Петръ давалъ полную вѣру сообщеніямъ Гагарина о „мятежномъ духѣ“ монаха, обѣщалъ убрать его, но не сейчасъ. Теперь и царю не время заняться вплотную этимъ вопросомъ; шведская война слишкомъ много отнимаетъ силъ и времени. Да и нѣтъ, пока, серьезныхъ основаній, мало высказано недовольства со стороны тоболянъ иныхъ сибирскихъ обывателей, чтобы убрать архипастыря, чѣмъ можно только раздражить остальныхъ поповъ и членовъ Синода особенно.

По привычкѣ то вытягивая, то втягивая свои толстыя губы, прочелъ письмо Гагаринъ и грубо, злостно выругался.

— Жди да пожди! Видно, ужъ я не хозяинъ въ этомъ вонючемъ, дикомъ углу, за который столько тысячъ отвалилъ нашему „капитану“!.. Добро! А второе дѣло и того лучше! Я ему золото открылъ, путь указалъ... А онъ не хочетъ, чтобы я и носъ совалъ въ дѣло. Самъ отъ себя и людей пришлетъ, и снарядитъ отряды... А я—ни при чемъ! Ну, ужъ, дудки! Коли не мнѣ, такъ и другому не будетъ! Какъ Богъ святъ!—присягнулъ даже въ умѣ разозленный вельможа. — Ужъ тамъ хоть цѣлый походъ снаряди, а этого золота не видать тебѣ безъ моей помощи, какъ затылка своего не видать человѣку! Только бы Федька съ добрыми вѣстями вернулся... Я ужъ по своему тутъ разберуся. А какъ золота нагребу и ему пошлю для расходовъ военныхъ,— авось, тогда „капитанъ“ и не подумаетъ другихъ еще сюда помощниковъ посылать, либо на своеволье мое гнѣваться...

Такъ рѣшилъ Гагаринъ. Келецкій, съ которымъ онъ совѣтовался, согласился съ княземъ, но тутъ же прибавилъ:

— Дѣлать, конечно, надо такъ, какъ вельможному князю тутъ, на мѣстѣ виднѣе и лучше кажется... А одного упу-

скать не надо. Хорошій случай припадаетъ. Задумалъ царь сильный отрядъ за золотомъ отрядить. Чего лучше! Для этого, прежде всего, надо много припасу запасти, и ружей, и пушекъ, и амуниціи, и продовольствія, а главное, пороху и свинцу. Раньше до остатку почти это увозилось отсюда. И на войну надо было, и, просто сказать, — не любитъ, опасается царь въ далекой Сибири оставлять много военнаго припасу... Теперь иначе должно выйти. Наберемъ вороха разнаго добра, и боевыхъ снарядовъ, и оружія... Людей, когда надо, тоже собрать недолго... Для себя, конечно, не для тѣхъ франтовъ, что сюда явиться могутъ противъ воли вельможнаго князя... А тамъ? Кто знаетъ?.. И для походу за пескомъ золотымъ пригодится оружіе, свинецъ да порохъ... И для другихъ причинъ! Война—дѣло темное! Вонъ, подъ Полтавой самъ шведскій король былъ раненъ! Отъ этого не застрахованы владыки земные, какъ и отъ самой смерти! А если что случится?.. Тутъ далеко отъ Москвы, отъ всей Россіи... Мало ли тутъ что произойти можетъ! Хорошо наготовѣ запасы военные имѣть... Да побольше преданныхъ людей... Какъ скажешь, вельможный князь?

— Скажу?.. Діаволъ ты! Змій искуситель! — глядя въ умные, словно смѣющіеся сейчасъ, глаза совѣтника, отвѣтилъ Гагаринъ и задумался глубоко.

Оставя князя съ его думами, тихо выскользнулъ изъ покоя Келецкій. А Гагаринъ, черезъ нѣсколько минутъ поднявъ голову, словно очнувшись, вскрылъ еще два письма, пришедшіе съ той же эстафетой, которая принесла „меморію“, памятку государя.

Одно письмо было отъ близкаго родича и друга, стольника Василія Ивановича Гагарина, который, сидя на важномъ посту въ Сибирскомъ Приказѣ, оберегалъ Матвѣя Петровича отъ нападокъ и подкоповъ, какіе были возможны со стороны различныхъ завистниковъ и враговъ.

Сейчасъ Василій Иванычъ сообщалъ князю, что приходятъ разными окольными путями доносы и жалобы на губернатора со стороны приказныхъ дьяковъ, воеводъ и иныхъ служилыхъ людей, которымъ не по нутру пришлись новшества Гагарина. Митрополитъ и лично, и чрезъ преданныхъ ему поповъ и обывателей тоже старается насколько возможно очернить Гагарина въ глазахъ Петра.

„Все бы то ничего!—писалъ стольникъ между прочимъ,— Царь цѣну навѣтамъ завистниковъ добре знаетъ и мало вѣритъ таковымъ. Но одна бѣда. Свѣдалъ я отъ нашихъ доброхотовъ, денщиковъ царскихъ, да и отъ другихъ, Апраксина, Головина и самого Данилыча,—что объявился на очахъ царевыхъ нѣкій злодѣй, смердъ послѣдній, строчило, приказный подьячишко никчемный, кой двоихъ апонскихъ людей государю привезъ на показъ. И той смердъ, именемъ Ивашка Нестеровъ, многія вѣсти наносныя и клеветы черныя на тебя, братъ и благодѣтель, хитро нанесъ. Особливо о самоцвѣтѣ диковинномъ многія сказки повѣдалъ государю и того въ интересъ привелъ и въ сумнѣніе. И даже сверхъ мѣры подлыя слова о тебѣ говорилъ той Ивашка, ловко одно къ одному прибирая, такъ, што вѣру ять можно было бы, ежели бы не онъ, смердъ, холопъ послѣдній, и не на тебя тѣ вины и клеветы возводилъ. Другъ и заступникъ нашъ неизмѣнный, Данилычъ—государю говорилъ противъ тѣхъ рѣчей облыжныхъ и успѣлъ, кажись. Но ежели хотя што мало и похоже есть, — самъ о томъ понимай и поисправить не замедли, враговъ своихъ упредя“.

Такъ изъ Москвы писалъ родичъ Гагарина. Во второмъ посланіи старикъ Апраксинъ изъ Питера почти тоже сообщалъ, осторожно намекая между строкъ, что одна надежда и защита Гагарину отъ Меньшикова. Но и тотъ, конечно, въ свою очередь, въ „сухую“ помогать не станетъ и надо хорошенько поблагодарить сильнаго заступника за помощь.

А еще лучше, если Гагаринъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ поскорѣе прiѣдетъ въ столицу и уладитъ эти запутанные вопросы, устроитъ лично свои дѣла.

— Вотъ оно, што значитъ: 13-й-то годокъ, чертова дюжина подбѣгаетъ! И никому, и ни мнѣ, видно, покою не знать въ немъ, въ треклятомъ! — пробормоталъ Гагаринъ, оттолкнувъ листокъ.—Придется снова ломаться, скакать за тысячи верстъ, а пошто?.. Лѣшiй знаетъ, да...

Остановился князь, оглядѣлся, не слушаетъ ли кто... Снова въ думы погрузился. Наконецъ, рѣшительно тряхнулъ головой, позвалъ слугу, приказалъ заложить легкiй возокъ, чтобы ѣхать на постройки.

Несмотря на наступленiе холодовъ, работа тамъ еще кипѣла. Крыли крышу на возведенныхъ, законченныхъ корпусахъ; изнутри—выводили перегородки, складывали деревянныя стѣны и переборки, строгали, отдѣлывали полы, штукатурили стѣны и прилаживали окна, двери.

Крестьяне—чернорабочiе, землекопы, землевозы съ лошадьми и каменщики, кромѣ печниковъ, почти всѣ были отпущены. Остались только наемные плотники, штукатуры, кровельщики да помогали имъ арестанты, ежедневно приводимые гурьбами на работу подъ надзоромъ тюремныхъ сторожей и военной стражи.

Кромѣ шведовъ—зодчихъ и десятниковъ, кромѣ русскихъ приказчиковъ, подрядчиковъ и мастеровыхъ,—еще одна необычайная фигура дьяка изъ канцелярiи губернаторской появилась въ это утро на постройкахъ, словно ожидая прiѣзда Гагарина.

Онъ слонялся среди общаго развала и рабочей сутолоки, входилъ въ полуотстроенные корпуса, слонялся по дворамъ, загруженнымъ матерiалами и мусоромъ, обращался съ раз-

спросами къ рабочимъ и урядникамъ; а самъ все поглядывалъ туда, откуда должна появиться колымага князя.

Вотъ и затемнѣлъ возокъ, показался изъ-за угла, направляясь къ постройкамъ.

Дьякъ быстро подошелъ къ одному изъ арестантовъ, кудлатому, сильному, не молодому уже мужику, убирающему мусоръ и отвозящему его на тачкѣ подальше отъ, почти законченнаго, зданія новой „важни", гдѣ взвѣшиваются товары для оплаты пошлиною.

— Такъ, слышъ, Семка, не забудь, какъ я училъ тебя вечоръ при допросѣ... Не проворонь дѣла! Волю и рублевики получишь, ежели все ладно будетъ... А нѣтъ,—не взыщи! шкуру спущу послѣднюю и головы тебѣ не сносить! Гляди!

Шепнулъ и отошелъ дьякъ, встрѣчать князя кинулся вмѣстѣ со всѣми начальными лицами, которые были только на постройкѣ.

Внимательно, какъ всегда, осматриваетъ работы Гагаринъ, обходитъ всѣ уголки. Слушаетъ объясненія и доклады начальниковъ, даетъ распоряженія, подписываетъ требованія на матеріалы, рабочихъ подбодряетъ ласковымъ словцомъ, или крѣпкой русской бранью, смотря, кто заслужилъ чего...

Вотъ и туда дошелъ Гагаринъ, гдѣ кудлатый арестантъ съ тачкой мусоръ возитъ отъ готоваго зданія къ общей кучѣ въ самой глубинѣ двора. Вдругъ тачку покинулъ свою мужикъ, на землю ничкомъ упалъ, кричитъ:

— Милости пожалуй, князь-государь! Слово̀ молвить вели великое, дѣло государево.

Вздрогнулъ отъ неожиданности Гагаринъ, испугался даже сначала, но сейчасъ же овладѣлъ собою, видя, что никакой опасности не грозитъ со стороны кудлатаго арестанта, смиреннаго лежащаго ничкомъ на грязной, холодной землѣ.

— Что за дѣло? сказывай!—подойдя ближе, спросилъ отрывисто Гагаринъ.—Кто ты? За что взятъ?.

— Посадскій я, мѣйскій, холопишко твой, Сенька, Вавиловъ сынъ... А по кличкѣ—Шкура. А взятъ за подпа́лъ... По осени́ пожаромъ полъ-угла, почитай, на рѣчномъ посадѣ слизнуло. А на меня рѣчи, я, стало-быть, подпалилъ... И съ товарищи, кабыть, для грабежу на пожарѣ... И за тотъ подпалъ изловленъ, битъ до полусмерти... И въ тюрьму до суда и сыску взятъ подъ приставы... А наыскѣ и повинился, на дыбѣ да подъ кнутомъ...

— Ну?!

— А теперя, какъ ужъ дѣло до конца приходитъ, хочу тебѣ, государь-воевода, всю правду открыть!—стоя уже на колѣняхъ, не громко, таинственно заговорилъ мужикъ.—Палилъ я, што грѣха таить!. Да, слышь, не по своей волѣ... По чужому наущенію... отъ богатѣя отъ нашево, отъ Сидора Калиныча Хони подученъ былъ... Ворогъ ему былъ Микитка Семеновъ, такъ Хоня и подучи меня евонное жилье попалить... И за работу три рублевика сулилъ... И задатку полтину далъ... А другихъ не додалъ, какъ изловили меня... Вотъ, теперя я и каюсь тебѣ! Суди меня, воевода-князь государь!...

Опять бухнулся въ землю лбомъ мужикъ.

— Вотъ какъ!—въ раздумьи проговорилъ Гагаринъ и повернулся къ дьяку:—А ты кстати тута, Мосѣичъ!... У тебя, кажись, дѣла о пожогахъ... Ты знаешь-ли этого Хоню?.

— Какъ не знать! Первый богачъ и скряга по всему Тоболеску!—значительно заговорилъ дьякъ.—И лихоимецъ нещадный! Много народу раззорилъ, большія тысячи и сотни тыщъ, сказываютъ, словно домовой, въ сундукахъ бережетъ... Анъ, и ево Господь попуталъ нонѣ, коли правду мужикъ-то баетъ!—закончилъ еще значительнѣе свой докладъ дьякъ.

Быстрымъ взглядомъ обмѣнялся Гагаринъ съ дьякомъ,

какъ будто сейчасъ только понялъ всю важность неожиданнаго признанія кудлатаго арестанта-мужика.

— Угу!... Инъ, ладно! Такъ, вели мужика отсюда въ Приказъ вести... Допросъ ему учини на ново... попристальнѣй... Да... и за этимъ... за богатѣемъ-скрягой... за Хоней спосылай... Я самъ скоро тоже къ вамъ буду. Надо дѣло вывести...

Повернулся, дальше по стройкѣ пошелъ.

А дьякъ, потирая руки, поспѣшилъ въ канцелярію, куда и арестанта за нимъ повели. А тамъ—и старика-богача, Хоню доставили.

Жалѣлъ скупой старикъ отъ сотенъ тысячъ подѣлиться кой-чѣмъ съ новыми хозяевами города, хотя тѣ и подсылали къ нему „своихъ человѣковъ"... Теперь—узналъ, что ни года, ни положеніе, ни богатство не спасаютъ отъ лапъ приказныхъ пьявокъ того, на кого глядитъ ихъ жадное око.

Почти полгода протомился въ темницѣ грязной старикъ... Поджигатель, поклепавшій на него, уже и бѣжать успѣлъ... А Хоню на допросы тягаютъ, голодомъ морятъ, все новыя вины на немъ отыскиваютъ, такъ что ужъ и самъ вѣрить сталъ несчастный, что казни и пытки заслуживаетъ онъ... Только когда сынъ скряги, по приказанію отца, раскрылъ похоронки завѣтныя и чуть не полъ состоянія принесъ и сдалъ, кому слѣдуетъ,—дѣло вдругъ получило новый оборотъ, домой вернулся старикъ, потерявъ половину состоянія и весь остатокъ силъ, здоровья. Скоро умеръ онъ.

А у Мойсѣича съ товарищами почти удвоились ихъ сбереженія, лежащія на днѣ старинныхъ дѣдовскихъ укладокъ. Да и губернатору „челомъ ударили" его помощники, въ бѣломъ убрусѣ „даръ" принесли, мѣшокъ золота, тысячъ на 15 рублей торговой цѣной.

Но пока тянулось это дѣло и другія, ему подобныя, пока удачи и неудачи переплетались, творя причудливый узоръ жизни, Гагаринъ только объ одномъ и думалъ: по-

скорѣе-бы урваться къ своей любимой подругѣ, къ поповнѣ косоглазенькой, ненаглядной и безцѣнной для князя по прежнему.

Снова декабрь на исходѣ. Роковой, 1713 годъ близокъ къ концу. Опять Гагаринъ второй день гоститъ у попа Семена въ Слободѣ, справляетъ веселое Рождество.

Не узнать теперь скромнаго поповскаго дома. Тесомъ онъ обшитъ, изукрашенъ, размалеванъ, словно игрушечка. А внутри и прямо рай земной. Нѣтъ того дорогого и отборнаго изъ тканей, мебели, утвари и мѣховъ или ковровъ, чего бы не наслалъ Гагаринъ въ избыткѣ попу съ дочерью для убранства гнѣздышка, гдѣ живетъ его „сладкая курочка“.

Все, что любитъ Гагаринъ въ своемъ обиходѣ, здѣсь постоянно находится, или привозится за нимъ, когда князь собирается въ Салду на погостъ.

Но не только любви отдается здѣсь губернаторъ. Долгіе разговоры съ глазу на глазъ съ Сысойкою ведетъ онъ часто, или третьимъ Келецкаго приглашаетъ... Батракъ даетъ отчетъ князю обо всемъ, что слышитъ въ народѣ... Говоритъ о ропотѣ и недовольствѣ противъ Петра, ростущемъ въ цѣломъ краѣ, что ни день, что ни часъ.

— Только бы вѣсть подать... Кличъ бы только кликнуть! Полста тыщъ робятъ и мужиковъ набѣжитъ... И не съ пустыми руками... А дать имъ ошшо пищалей, мушкетовъ, да съ казаками, съ драгунами спаровать... Такъ въ тѣ поры... Приди кто ни есть, сунься! Вотъ чего выкуситъ!

И огромный увѣсистый кулакъ Задора, сложенный особеннымъ образомъ, мелькнулъ въ воздухѣ.

Несмотря на серьезность минуты, усмѣхнулся Гагаринъ и Келецкій.

— Не бахвалься, парень!—замѣтилъ князь.—Знаешь, не хвалися, идучи на рать!... А и шкуры не дѣли, бирюка

не изымавши!... Подождемъ, поглядимъ еще... Ежели нельзя будетъ полой воды удержать, такъ хотя пустимъ ее на наши колеса...

И послѣ этихъ таинственныхъ, неясныхъ разговоровъ долгое время какой-то странный бываетъ Гагаринъ, даже на Агафью почти не глядитъ, а передъ собою смотритъ, словно видитъ вдали что-то большое, яркое, отчего даже жмуритъ свои заплывшіе, небольшіе глаза.

Все Рождество собрался провести у подруги своей Гагаринъ. Здѣсь надѣялся отвести сердце, найти забвеніе, избавиться хоть на время отъ заботъ, которыя теперь все чаще и тяжелѣй ложатся на душу новому хозяину Сибири.

Письма тревожныя то и дѣло приходятъ изъ Питера и Москвы. Послѣ новаго года рѣшилъ князь пуститься въ путь, побывать у царя; все исправить, что еще поправимо и снова, вернувшись, спокойно зажить со своей Агашей... Очень еще безпокоитъ князя, что давно отъ Трубникова нѣтъ вѣстей. Послѣдній гонецъ явился около мѣсяца назадъ. А посланъ онъ былъ и того раньше, еще въ іюлѣ, когда Трубниковъ со своимъ отрядомъ стоялъ у самаго истока Иртыша и готовился вступить въ безбрежную, морю подобную, жгучую пустыню песчанную, въ Шаминскую степь, за которой лежитъ завѣтное озеро золотоносное Кху-Кху-Норъ.

Еще въ августѣ долженъ былъ явиться къ князю гонецъ; но попалъ въ плѣнъ, три мѣсяца томился въ неволѣ и только кое-какъ убѣдилъ своихъ „господъ", киргизъ-Кайсацкихъ узденей, чтобы повезли его къ Зайсанъ-озеру, къ русскому населенію, гдѣ имъ выкупъ дадутъ хорошій за него.

А послѣ этого гонца словно сгинулъ Трубниковъ и весь отрядъ его съ лица земли, ни слуху, ни духу нѣтъ о нихъ... Въ самый сочельникъ, въ сумерки, послѣ богослуженія, въ ожиданіи первой звѣзды, чтобы сѣсть за трапезу,—бесѣдо-

валъ Гагаринъ съ Агашей и Келецкимъ, поминая своего посланца, пропавшаго безъ вѣсти.

— Жаль парня, коли что приключилось съ нимъ! — искренно вырвалось у князя. — Вижу, курочка, горюешь и ты по немъ! Не стыдися. Я не ревную! Славный парень Федя былъ! Не таясь скажу, Богъ знаетъ, чего бы не пожалѣлъ, только бы знать, что живъ онъ, не убитъ, хотя бы и не вышло проку никакого изъ его похода...

— Дай Господи, живъ былъ бы! — усердно крестясь, прошептала Агаша.

Келецкій съ явнымъ сомнѣніемъ молча качалъ головой.

Вдругъ какое-то особое движеніе послышалось во дворѣ, за окномъ; конскій топотъ прозвучалъ, смолкъ у крыльца. Кто-то сталъ быстро подниматься по ступенямъ, тяжело стуча сапогами, какъ это обычно дѣлали гонцы драгуны и казаки, присылаемые сюда съ порученіями и бумагами изъ Тобольска.

— Сызнова гонецъ! И праздника великаго спокойно провести не даютъ, окаянные!—заворчалъ Гагаринъ, глядя на дверь, откуда долженъ былъ появиться посланный.

Раздался стукъ, послышался знакомый голосъ и въ рамѣ распахнутой двери, озаренная свѣтомъ зажженныхъ на столѣ канделябровъ, отчетливо обрисовалась знакомая фигура; красивое, хотя сейчасъ измученное, потемнѣлое отъ непогодъ, отъ зноя и холода, лицо Федора Трубникова.

— Федя!—въ одинъ голосъ крикнули Гагаринъ и Агаша.

— Панъ Трубниковъ зъ мертвыхъ естъ всталъ! — въ то же время возгласилъ Келецкій.

— Съ праздникомъ съ великимъ, съ Рождествомъ Христа, Бога Нашего!—весело, громко проговорилъ вошедшій, порадованный живою встрѣчей, которая выпала на его долю.

Гагаринъ первый, потомъ—Келецкій и даже Агаша по

приказу князя, трижды расцѣловались всѣ съ нежданнымъ гостемъ. Попъ, пьяный спозаранку, спалъ въ свѣтелкѣ; но и его послали разбудить. Вся челядь здѣшняя и слуги гагаринскіе набились въ горницу, желая видѣть и привѣтствовать подпоручика, о судьбѣ котораго не мало сокрушались наравнѣ съ господами...

Послѣ первыхъ шумныхъ привѣтствій и вопросовъ, на которые не успѣвалъ и отвѣчать Трубниковъ, — его отправили въ баню обмыться. Туда же Келецкій послалъ юношѣ одинъ изъ своихъ костюмовъ и освѣженный, красивый больше прежняго, воротился офицеръ, сѣлъ за ужинъ, поданный въ это время, и сталъ утолять голодъ, успѣвъ только сообщить, что отрядъ почти въ полномъ составѣ онъ привелъ обратно, оставилъ его теперь въ Тарѣ, а самъ скакалъ безъ отдыху день и ночь, поспѣшая въ Тобольскъ. Тамъ ему сказали, гдѣ гоститъ князь, и онъ немедленно пустился въ Слободу, не передохнувъ ни минутки!

Говоритъ и почти не сводитъ глазъ съ Агаши подпоручикъ. А та и поглядѣть не рѣшается на него, опустила глаза и, все таки, чувствуетъ его жадный взоръ на своемъ пылающемъ лицѣ...

Гагаринъ и видитъ и видѣть не хочетъ ничего. Давъ юношѣ утолить первый голодъ, о походѣ сталъ разспрашивать его.

— Ну, сказывай, что же было послѣ, какъ въ степь ты пошелъ со своими людьми?.. Почему вѣстей оттолѣ не слалъ?.. Все говори, безъ утайки, я знаю, ты прямой парень, воинъ смѣлый... А неудача со всякимъ приключиться можетъ... Ну, сказывай...

Оставя початой кусокъ, заговорилъ Трубниковъ.

Просто льется рѣчь его, но умѣетъ какъ-то юноша двумя-тремя словами передать все, что видѣлъ, что было

съ нимъ самимъ и съ его людьми, что пережить имъ всѣмъ пришлось въ раскаленныхъ пескахъ пустыни Шамо...

Слушаютъ всѣ внимательно разсказчика. За открытыми дверьми челядь притаила дыханіе, тоже ловитъ каждое его слово. Но Агаша глядитъ и слушаетъ напряженнѣе, чутче всѣхъ!

Видитъ ясно дѣвушка все, о чемъ поминаетъ юноша. Вотъ раскинулась безконечная степь, желтѣетъ, пылаетъ, слѣпитъ глаза, зыблющимся отовсюду, сіяніемъ и зноемъ... Верблюды ступаютъ, глубоко увязая ногами въ пескѣ, колыхаются горбами, несутъ тяжелые вьюки, тащутъ за собою лодки, которыя нужны будутъ впереди путникамъ... Конные тянутся длинной чередой; пѣшіе устало шагаютъ по раскаленному песку. Солнце виситъ высоко надъ головами, обдавая зноемъ и жаромъ все живое. Сдается порою, что самая кожа горитъ и коробится на тѣлѣ, проливая жаръ во внутренности, пробуждая неутолимую жажду въ пересохшемъ горлѣ, въ сдавленной груди, откуда хриплое дыханіе вырывается только съ трудомъ...

Вотъ, видитъ дѣвушка, какъ убѣгаютъ ночью предатели-проводники... Теряется путь въ пустынѣ, нѣтъ воды... Падаютъ люди, кони, верблюды... Только холодныя ночи даютъ небольшую отраду и отдыхъ замученному отряду... А днемъ снова усталь, зной и мука безъ конца.

А тутъ еще вражескіе отряды замелькали на горизонтѣ то здѣсь, то тамъ... Сначала небольшіе, рѣдкіе, несмѣлые, только соглядатайствуютъ издали они... Но вотъ ихъ все больше прибываетъ... Сливаются они: одинъ съ другимъ, съ третьимъ... Налетаютъ, мечутъ стрѣлы съ гикомъ, съ воемъ и исчезаютъ изъ-подъ залповъ отряда, словно тѣни или призраки, разсыпаясь въ степи. По ночамъ тоже эти шакалы покою не даютъ. И чѣмъ люднѣе становятся летучіе отряды,

тѣмъ больше наглѣютъ дикари, надѣясь числомъ подавить кучку хорошо вооруженныхъ „москововъ“.

Впроголодь, томимые часто жаждой, если долго не попадается колодца или источника на пути, отбиваясь отъ ростущихъ шаекъ,—идутъ, идутъ люди! Наконецъ—показалась растительность... Заблестѣло озеро небольшое... Изъ него рѣка—протянулась змѣйкою, вьется среди песковъ, горитъ подъ солнцемъ. Воскресли люди, кинулись, какъ безумные, впередъ!..

И если есть рай, не большее наслажденіе испытаютъ они тамъ, чѣмъ извѣдали въ тотъ мигъ, когда всѣ окунулись въ прохладныя волны, смыли съ себя песокъ, проникшій, казалось, во всѣ поры, подъ самую кожу... И всѣ пили, пили безъ конца... даже опились три человѣка тогда...

А затѣмъ, спустивъ лодки на воду, дальше пустились въ путь... на островкѣ небольшомъ попутномъ расположились на ночлегъ. Сюда же съ берега верблюдовъ оставшихся и коней своихъ вплавь перевели... А когда проснулись на разсвѣтѣ, увидали, что попали въ западню.

Говоръ, движеніе, ржаніе конское слышно по обѣимъ берегамъ рѣки въ густыхъ камышахъ и зеленыхъ заросляхъ... Окружили дикари непрошенныхъ гостей, тучами со всѣхъ сторонъ собрались. Всѣхъ не перестрѣлять. И пороху, и свинцу не хватитъ... На это, видно, и понадѣялись хитрые монголы...

Стало свѣтлѣе; глядятъ люди изъ-за густыхъ кустовъ, растущихъ на островкѣ, и видятъ: куды глазъ хватитъ,—враги залегли. И вдругъ—тучи стрѣлъ понеслись, запѣли, падаютъ въ густую зелень, гдѣ кроется осажденный отрядъ.

Но опытные люди прилегли за днищами лодокъ своихъ, на берегъ вытащенныхъ, за стволами, между корней къ самой землѣ притаились и безвредны для нихъ тучи стрѣлъ. Развѣ иная на излетѣ падетъ, оцарапаетъ шею или руку кому... Не отравлены стрѣлы на счастье... Идти

въ рукопашную, переплыть на островокъ не рѣшаются нападающіе. Знаютъ они, какъ мѣтко и на смерть бьютъ огненнымъ боемъ „московы"... Ночь снова упала. Тамъ по обоимъ берегамъ рѣки, подальше—костры засверкали. Здѣсь, на островкѣ—тишина, въ тишинѣ и во тьмѣ—роютъ себѣ землянки осажденные, завалы насыпаютъ, временный укрѣпленный лагерь устраиваютъ.

Теперь, за свѣже-возведенными валами и насыпями безопасно чувствуютъ себя люди, даже рѣшились огонь развести, кашицу сварить, солонину попарить, кулешъ съ саломъ иные стряпаютъ...

Не тревожатъ осажденныхъ ночью дикари, только сторожей поставили: не ушли бы изъ западни птицы среди мрака безлунныхъ ночей.

Такъ больше трехъ недѣль протянулось. Народилась луна и снова на убыль пошла. Пошли на убыль и запасы у отряда, а охотой, какъ прежде, пополнять ихъ нельзя. Только крупа да мука остались еще, да сала немного. Верблюдовъ послѣднихъ порѣзали и съѣли. Соли и той нѣтъ. Плохо впереди, голодомъ, видно, думаютъ взять, изморомъ извести надѣются кочевники осажденныхъ.

А тутъ новая гроза приспѣла.

Крещеный киргизъ, Зейналка ночью подобраться сумѣлъ раза два къ кострамъ осаждающихъ и не узнанный въ темнотѣ, похожій на всѣхъ остальныхъ монголовъ, услышалъ, что ждутъ сильную помощь дикари. Пушку со всѣми снарядами скоро подвезутъ сюда изъ дальняго кочевья калмыцкаго...

— Пушка, зелье боевое у калмыковъ?—удивился Гагаринъ:—Быть того не можетъ! Зря болтали невѣрныя собаки...

— Гляди, што и не зря!—неожиданно раздался голосъ Задора, который стоитъ тутъ же, въ горницѣ и слушаетъ

повѣсть Трубникова.—Я, какъ бывалъ въ степяхъ, ужъ нё однава слыхивалъ... Есть у калмуцкаво журухты одного зелейныхъ дѣлъ мастеръ... Ужъ, не въ обиду тебѣ, панъ, будь сказано: полячекъ забѣглый... Панъ Зелиньскій, какъ его прозываютъ... Откулѣ онъ, и не знать!... А дѣло понимаетъ, зелье мелетъ, сушитъ, въ зерна катаетъ... И пушечное, и мелкое, ружейное изготовляетъ, и мушкеты направлять можетъ... И пушечку имъ добылъ... Энто все правда, какъ есть...

— Вотъ какъ... Ну, ладно... Дальше, Федя... досказывай...

— Да, почитай, ужъ и все, ваше превосходительство... Надоѣло намъ въ полону, въ осадѣ сидѣть... Выбрали мы ночку потемнѣе... Коней на обѣ стороны развели, имъ подъ хвосты репьевъ навязали, узды сняли да какъ стегнули, какъ гикнули!... Кони вихремъ прянули, воду переплыли, не задержались и на тѣхъ берегахъ... По соннымъ по недругамъ поскакали... ихнихъ коней потревожили... Тѣ тоже въ коновязяхъ бьются, вырываются, за нашими слѣдомъ понеслися... Бусурмане треклятые перепужалися, съ просонку не знаютъ, што и творится?. Во всѣ концы за нашими и за своими конями кинулися... А мы ждать не стали. Лодки потихоньку на воду... Сѣли, ударили веслами подружнѣе и къ свѣту далече-далече были отъ тово острова окаяннаго, ото всей орды вонючей!... Гдѣ лучше показалось, на берегъ вышли, крюкъ дали здоровый, домой поворотя, да по старымъ слѣдамъ и добралися, наконецъ, пѣшіе, заморенные до истока Иртыша, до озера Зайсана... Тута ужъ какъ дома себя почуяли, хоша и холода осенніе насъ встрѣтили вмѣсто зноя лютаго. Да мы холодамъ рады были... Больныхъ да слабыхъ оставить много пришлося по пути... А такъ сотню людей привелъ я въ Тару. Маленько пообтрепаны, зато сами молодцы... Черезъ денъ десятокъ и сюды придутъ. Пѣшіе тоже, всѣ безъ ко-

ней осталися... А я ужъ у знакомца маштака взялъ, впередъ съ докладомъ поспѣшилъ... Суди меня, князь-государь, какъ воля твоя!...

Всталъ Гагаринъ, привлекъ къ себѣ офицера, который съ послѣдними словами низкій поклонъ отдалъ князю, — и снова крѣпко расцѣловалъ храбреца.

— Вотъ тебѣ мой судъ и правда! Дѣло свое ты по чести исправилъ... А что удачи не было?.. Господня воля на то... Ужъ не одна эта заворушка на мой пай заворошилася... Сладкаго попилъ, и къ горькому, видно, теперь привыкать надо!

Не совсѣмъ понятны окружающимъ слова Гагарина, его грустное, важное выраженіе лица. Но долго не задумался надъ этимъ никто.

По примѣру князя, снова попъ Семенъ, Келецкій и, даже люди попа и князя, — окружили молодаго смѣльчака-героя, поздравляютъ съ чудеснымъ спасеніемъ, цѣлуютъ ему лицо, руки...

Агаша молчитъ, глазами сулитъ что-то юношѣ, затаенными въ груди вздохами переговаривается съ нимъ...

А когда кончился безконечный ужинъ и пресыщенные, пьяные, заснули всѣ, кромѣ Трубникова, котораго, по старой памяти, въ большой горницѣ уложить распорядилась Агаша, — когда мертвая тишина въ домѣ нарушалась только тяжелымъ дыханіемъ и храпомъ спящихъ повсюду людей, — какая-то бѣлая тѣнь прокралась беззвучно, неслышно въ горницу, скользнула въ ложу Феди, склонилась надъ нимъ... Жаркія чьи-то уста слились съ его устами... И не зналъ юноша, спитъ онъ, или наяву раскрылось передъ нимъ далекое небо, полное восторговъ и чудесъ...

Наканунѣ самаго Крещенья объявилъ Гагаринъ Агафьѣ Семеновнѣ, что дня черезъ четыре, черезъ недѣлю, не больше, надо ему по важнымъ дѣламъ въ Россію ѣхать.

— Съ полгодика въ отъѣздѣ пробыть придется, коли не больше! Гляди, смирненько живи безъ меня... Не оставлю я тебя безъ присмотру, знай... Федю просилъ приглядывать, да еще... Что съ тобою?.. Дѣвушка, что ты! Чего напужалась?.. Вернусь я... попрежнему зажи...

Не договорилъ Гагаринъ, глядитъ, что съ подругой сдѣлалось.

Упала она передъ иконами, вся трепеща мелкой, частой дрожью и громко, внѣ себя выкрикиваетъ:

— Господи! Помилуй, Заступница!.. Господи...

А сама въ землю лбомъ съ размаху ударяется часто и гулко... На расширенныхъ, неподвижныхъ глазахъ двѣ слезы набѣжали, но не скатываются, такъ и застыли подъ густыми, темными рѣсницами.

И слушая эти молитвенные вопли, видя это, не то восторженное, не то скорбное, полное муки, лицо—не только Гагаринъ, но и болѣе вдумчивый сердцевѣдецъ, знатокъ души человѣческой, особенно — женской,—не разобралъ бы хорошо: напугана ли дѣвушка отъѣздомъ всемогущаго покровителя, дающаго столько радостей и благъ земныхъ? Тоскуетъ ли она о чемъ, или радуется безумно, но скрытно, затаенно? Ликуетъ при мысли объ избавленіи отъ опостылѣвшихъ ласкъ истрепаннаго господина; испытываетъ восторгъ отъ предвкушенія новыхъ, дорогихъ сердцу, радостей и полной свободы?..

Свобода тѣмъ болѣе можетъ быть полная, что вотъ уже дня три, какъ Задоръ изъ дому исчезъ. Передъ этимъ онъ подолгу толковалъ наединѣ съ Келецкимъ, или втроемъ, съ Гагаринымъ сидѣли, даже отсылая Агашу.

И также, блѣдный, взволнованный, но суровый на видъ, приходилъ къ дѣвушкѣ батракъ и, прощаясь, сказалъ:

— Ну, либо панъ, либо пропалъ! Иду невѣдомо на што! Либо рыбку съѣсть, либо на колъ сѣсть!.. Не жди

скоро, да встрѣчай апосля хорошенько. Въ долгу не остануся... Осударыней, гляди, не то султаншей тебя сдѣлаю!..

Поцѣловалъ такъ, что кровь у нея проступила на губахъ,—и ушелъ...

А теперь—и старикъ немилый уѣзжаетъ... Самъ говоритъ, не меньше, чѣмъ на полъ года. А Федя тутъ... Ему поручено „смотрѣть" за нею... Ужъ они насмотрятся другъ на друга и днями, и ночами долгими... Все ясно видитъ дѣвушка... И боится, что сонъ это... Что испытываетъ любовницу колдунъ-людоѣдъ, какимъ ей порою князь представляется... Что подслушалъ онъ думы ея затаенныя, шепотъ сонный, вызналъ чарами тайну завѣтную и теперь глумится надъ беззащитной, прежде, чѣмъ замучить, истомить, въ прахъ истоптать за измѣну...

Вотъ почему громко, отчаянно выкликаютъ ея пересохшія губы однѣ безсвязные призывы къ Божеству. А въ душѣ, тихо молитъ, потрясенная дѣвушка:

— Защити, спаси, порадуй Богородица-Троеручица!.. Дай сбыться счастью великому, Господи!

Огромнымъ, пышнымъ поѣздомъ, долгимъ обозомъ тянется по зимнимъ, сверкающимъ снѣжнымъ путямъ и просторамъ Сибири вереница саней, возковъ, кибитокъ и пошевней, съ огромнымъ возкомъ, цѣлымъ домикомъ на полозьяхъ позади.

Въ этомъ возкѣ-жилищѣ передвижномъ, которое рѣзво тянутъ шесть паръ сильныхъ, горячихъ коней,—ѣдетъ губернаторъ Сибири къ царю, отдать отчетъ въ первыхъ годахъ своего управленія краемъ и отразить всѣ нападки, обезвредить подкопы, противъ него поведенные.

Челядь за полдня впередъ ѣдетъ передъ возкомъ. Гдѣ остановки намѣчены, — тамъ люди разгружаютъ сани, съ

верхомъ нагруженныя, быстро принимаются за дѣло и князь, прибывъ къ обѣду, или къ ужину съ ночлегомъ,—чувствуетъ себя словно дома, ѣстъ, пьетъ, какъ любитъ; спитъ и живетъ, какъ привыкъ...

Чѣмъ ближе къ границѣ, къ предгорьямъ Урала, отдѣляющимъ Европейскую Россію отъ Азіатской Сибири,—тѣмъ спокойнѣе становится на душѣ у князя.

Вспоминаетъ онъ всѣхъ сильныхъ друзей своихъ, которымъ не мало подарковъ и денегъ не одинъ десятокъ тысячъ переносилъ... Шафировъ, Головины, Апраксины и самъ Данилычъ, наконецъ „камратъ" любимый, другъ души царя... Не дадутъ они въ обиду Гагарина, если бы и было что тяжкое за нимъ... А теперь нѣтъ еще ничего. Мысли... мечты?.. Но за нихъ не судятъ еще на Руси, никто не казнитъ за нихъ. А Петръ, умный, широкій, все понять умѣющій, со многими ладить готовый?.. Онъ за мысли карать не станетъ, если бы даже какимъ-нибудь волшебнымъ путемъ и раскрылъ ихъ въ извилистой, смятенной, темной душѣ своего вельможи, сибирскаго губернатора...

Совсѣмъ повеселѣлъ князь Матвѣй Петровичъ. Шутитъ съ Келецкимъ, съ Федей Трубниковымъ, котораго взялъ съ собою до Верхотурья, со Стефаномъ Ранчковскимъ, капитаномъ драгунской роты, охраняющей поѣздъ губернатора...

Только не доѣзжая Верхотурья, нежеланная встрѣча случилась одна, которая сразу испортила настроеніе Гагарину.

Небольшая кибитка, въ родѣ купеческой, очевидно поджидая губернаторскій возокъ, стояла при дорогѣ и бойкая, лохматая тройка сибирскихъ коньковъ позвякивала бубенцами, роясь мордами въ рыхломъ снѣгу.

Подскочили Трубниковъ и Ранчковскій къ тремъ темнымъ фигурамъ, закутаннымъ въ длинныя дохи съ мѣховыми башлыками на головахъ, потолковали что-то и вернулись

быстро къ возку, кучеръ котораго даже бѣгъ коней сдерживать сталъ, не зная, что тамъ такое впереди.

— Что... что тамъ?..—пріоткрывъ дверцу, спросилъ обезпокоенный Гагаринъ.—Кто это тамъ еще?.. Что за люди? Зачѣмъ меня имъ надо?.. Отчего не ѣдутъ своимъ путемъ, благо есть гдѣ разминуться на просторѣ...

— Глазамъ не повѣришь, гляди, ваше превосходительство!—улыбаясь удивленно, заговорилъ Трубниковъ. — Вѣдаешь ли, хто твою милость встрѣчаетъ, желаетъ челомъ добить? Нестеровъ, Ивашка, шпынь подлый, доноситель и пролаза... Сказываетъ, къ тебѣ посланъ отъ государя и съ указомъ особливымъ...

— Онъ... гадъ ядовитый... ко мнѣ... отъ государя? Кто пьянъ изъ васъ?.. Ты ли ослышался, его ли вязать надо да ослопьями полѣчить?..

— Вѣрно сказываю, государь мой!

— Вельможный князь, трудно ли дѣло узнать? — вмѣшался Келецкій: — Пусть подойдетъ шпіонъ, подастъ, что тамъ есть у него.., отъ государя, или отъ Приказа Сибирскаго. И увидишь... и безпокоить себя не стоитъ, ясновельможный господинъ мой.

— Добро. Зови!—приказалъ Гагаринъ.

За десять шаговъ отъ возка въ снѣгъ ничкомъ палъ Нестеровъ и его два товарища, которые, словно поросята за маткой, тянутся за нимъ. Ползетъ по снѣгу шпынь, а надъ головой какую-то бумагу, пакетъ съ печатью большою держитъ.

Подползъ, запричиталъ пожеланья и привѣты, изъявленія рабской покорности, и остальныхъ двое вторятъ ему.

Но почти и не слышитъ ихъ Гагаринъ. Взломана печать, развернутъ пакетъ, бумага вздрагиваетъ въ рукахъ князя. Немного тамъ писано. Увѣдомляется только губернаторъ Сибири и проч., что назначенъ фискаломъ-доносите-

лемъ въ тобольской губерніи и во всей Сибири подъячій Ивашка, Петровъ сынъ, Нестеровъ, а въ помощь ему два меньшихъ подъячихъ: Бзыровъ, Илюшка, да Цыкинъ, Макарка. А до кого сіе надлежитъ, тѣ бы по сему повелѣнію поступали и всякое вспоможеніе тѣмъ фискаламъ оказывали, какъ законъ гласитъ...

Не новая эта обязанность „фискаловъ", должность, сходная не то съ римскими „надзирателями за благонравіемъ", *censores morum*, не то съ агентами совѣта трехъ въ позднѣйшей Италіи, или „суда фэновъ" въ Германіи... Въ Россіи ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ завелись такіе „царскіе фискалы". И въ Сибири, конечно, безъ нихъ не обошлось бы. Имѣлъ уже своихъ частныхъ „*призорщиковъ*" Гагаринъ, въ родѣ того же Задора и другихъ. Они вызнавали общіе слухи и толки, замѣнявшіе въ эту пору общественное мнѣніе. Имъ-же поручалось „излавливать" и выслѣживать воровскія дѣла, „составы", т. е.—заговоры противъ власти и многое другое. Конечно, могъ Петръ и помимо губернатора своего послать въ Сибирь фискаловъ; но долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, заранѣе предупредить...

А тутъ, вдругъ?!. И посланъ именно тотъ, кто цѣлый ворохъ клеветы и яду, смѣшавъ были съ небылицами,—обрушилъ на Гагарина.

Недобрымъ знакомъ показался этотъ посылъ князю. Но молчитъ онъ, только рука дрогнула, когда передалъ онъ бумагу Келецкому, да посѣрѣло его полное, отъ холода рдѣвшее раньше, лицо, выдавая высшую степень волненія, на какое способенъ Гагаринъ.

Видитъ это Келецкій, готовъ ужъ заговорить съ новымъ фискаломъ, вызнать, что надо, чтобы неизвѣстность не мучала князя. Но Нестеровъ, не дожидая вопроса, словно угадывая чувства и мысли вельможи, смиренно запричиталъ:

— Ужъ помилуй раба свово, Ивашку, князь-воевода!

Не вели казнить, дозволь слово молвить... Какъ самъ свѣтъ-государь, нашъ батюшка, Петръ Лексѣичъ мнѣ приказывалъ... На Воронежѣ допущенъ былъ я на очи царскія, свѣтлыя... Въ Питербурхъ государь поспѣшалъ... На спѣхъ и указъ мнѣ выданъ... Съ той самой притчины и не поспѣли упредить тебя, милостивца, што посылаюсь я, холопишко твой послѣднiй, на службишку царскую подъ твой началъ, на твою милость. А сказано мнѣ: „Самъ челомъ добей, все объяви свѣтлому губернатору, князю Матфею Петровичю“! Такъ я чиню по приказу! Не погуби, помилуй!

Вслушался въ торопливую, подхалимскую рѣчь Гагаринъ и успокоился сразу.

Значитъ, случайно такъ вышло... Не хотѣлъ никто обидѣть князя обходомъ его власти, урономъ его чести и правъ...

Холодно, но безъ гнѣва обернулся онъ и взглянулъ на троихъ людей, лежащихъ въ снѣгу ничкомъ.

— Добро... такъ, энти двое?..

— Илюшко Бзыровъ! Макарко Цыкинъ!—сразу выпалили оба младшихъ фискала, добивая снова въ снѣгъ челомъ.

— Добро! Поѣзжайте, дѣлайте, что вамъ приказано... А ты, Федя,—обратился онъ къ Трубникову,—все едино тебѣ ворочаться надо... Проводи ихъ, тамъ справь все, какъ надлежитъ... Да и самъ за ими поглядывай!—понижая голосъ добавилъ Гагаринъ,—либо людей вѣрныхъ припусти... Чтобы ни единый шагъ энтихъ... „фискаловъ“ приказныхъ безъ вѣдома не остался безъ твоего... А ты—мнѣ будешь отписывать... Цифирью, какъ я оставилъ тебѣ памятку... Ну, Христосъ съ тобою, сынокъ! Послужи мнѣ вѣрой-правдой. А я ужъ въ долгу не пребуду. Знаешь Гагарина!..

Поцѣловалъ офицера князь, дверцы возка захлопнулись, готовится князь своимъ путемъ покатить, а Нестеровъ съ товарищами и Трубниковъ—своимъ...

Но неожиданно снова распахнулась дверца, рука князя поманила Нестерова, который стоитъ у возка, ждетъ, пока тронется тотъ, чтобы еще разъ въ слѣдъ поклониться вельможѣ.

— Поди-ко сюды, Петровичъ... Скажи мнѣ: што ты тамо... въ Питерѣ и всюду про самоцвѣтъ цѣны безмѣрной, про рубиновый камень толковалъ, а?..

Смутился приказный, но сейчасъ-же овладѣлъ собсй, прямо глядитъ въ глаза князю и рубитъ четко.

— А ничего плохово, милостивецъ! Былъ-де камень заклятой, съ яйцо величины...

— Куриное, ты сказывалъ?.. Хе-хе...

— Ку-уриное? — нерѣшительно протянулъ фискалъ. — Нѣ! Сдается, сказывалъ про... голубиное... И про знаки... и про то, што сгинулъ той самоцвѣтъ, ровно лѣшій ево взялъ... И какъ ты искалъ ево, милостивецъ... и... не нашелъ какъ... и...

— Дда... да! Слыхали мы, что ты тамо плелъ! Да, слышь, — прошибся малость! Не захваченъ никѣмъ самоцвѣтъ заклято́й, кладъ великій... И богдохану не проданъ, ни посламъ ево, которы мимоѣздомъ гостили въ Тоболескѣ... Одно и было... Списалъ Зигмундъ точнехонько знаки тѣ, что на камнѣ врѣзаны... И распознали ихъ послы богдохановы. На ихнемъ, на древнемъ никанскомъ нарѣчіи то писано. И означаетъ: „Земля ждетъ". И сказывали хинцы-послы, что знаки такіе писались на тіарахъ и на коронахъ царскихъ, на жуковинахъ, на перстняхъ. Чтобы владыки, Богу уподобясь, — о смертномъ часѣ памятовали... Людей своихъ бы не обижали... И тотъ самоцвѣтъ найденъ... У меня онъ, да, Иванушко!.. И везу я его, — сразу, словно неожиданно для самого себя проговорилъ Гагаринъ: — везу съ собою и передамъ, кому слѣдуетъ.

Широко раскрылъ глаза фискалъ. Пораженъ и Келец-

кій, котораго мало что удивить можетъ. Не ожидалъ онъ того, что услышалъ. Правда, взялъ съ собою Гагаринъ дорогой рубинъ, но и не думалъ раньше отдать кому-нибудь этого сокровища.

Только сейчасъ, при встрѣчѣ съ Нестеровымъ,—пришло на умъ хитрому вельможѣ пожертвовать камнемъ, чтобы этой цѣной на долгое время обезопасить себя отъ преслѣдованій со стороны Петербурга.

Правда, жертва велика; но за одинъ годъ Гагаринъ такъ много успѣлъ скопить, управляя краемъ; а впереди— сверкали такія груды золота и всякаго добра, что можно было разстаться даже съ завѣтнымъ рубиномъ...

Оцѣпенѣлъ и Нестеровъ; его совсѣмъ сбилъ съ толку этотъ умный шахматный ходъ. Появленіемъ камня—будутъ разсѣяны многіе наносы и обвиненія, которыя ловко возвелъ на Гагарина приказный, когда счастливый случай доставилъ ему возможность „по душѣ“ побесѣдовать съ самимъ Петромъ.

Тотъ, какъ и Гагаринъ, какъ и многіе другіе, сразу оцѣнилъ сметку и природное дарованіе сыщика, таящееся въ безобразномъ, невзрачномъ человѣчкѣ, въ жалкомъ подьячемъ. Но почти все, сказанное и открытое царю Нестеровымъ,— висѣло еще въ воздухѣ, требовало доказательствъ; ихъ обязался прислать фискалъ, какъ только вступитъ въ свою должность.

Самымъ главнымъ указаніемъ—было обвиненіе Гагарина чуть ли не въ убійствѣ эсаула Васьки изъ-за рубина сказочной цѣны и красоты. И неожиданно—это хитросплетеніе рухнуло...

Насталъ чередъ Нестерову поникнуть головою... Онъ, позеленѣлый отъ внутренней досады, часто и низко кланяется только вслѣдъ возку, который тронулся и покатилъ себѣ впередъ.

А Гагаринъ, послѣ первой минуты внутренняго удовле-

творенія отъ такой удачной выдумки, отъ смѣлаго хода,— снова затихъ, словно дремлетъ, смеживъ, усталые отъ снѣгового блеска, глаза, и думаетъ, думаетъ...

Молчитъ и Келецкій, глядя по сторонамъ сквозь окна возка, затянутыя прозрачной, переливчатой слюдою.

Одна мысль особенно не даетъ покою князю. Тревожитъ его участь тѣхъ богатствъ, которыя остались тамъ, въ губернаторскомъ домѣ, въ сундукахъ и укладкахъ, за крѣпкими дверьми подваловъ и кладовыхъ.

— Мало что можетъ случиться безъ меня!—думаетъ онъ.—И пожаръ, и воры!.. А то—и прислать можетъ царь приказъ: собрать мои пожитки и ему на просмотръ везти... Лучше бы съ собой было взять... либо припрятать понадежнѣе..

Эта тревога, эта мысль почти всю остальную дорогу не оставляла князя.

Жарко, душно въ небольшой горенкѣ постоялаго двора, гдѣ второй день проживаетъ первый фискалъ сибирскій, Нестеровъ, со своими двумя „сотрудниками", Бзыревымъ и Цыкинымъ.

Одинъ только вчерашній день и передохнули всѣ трое послѣ долгаго, быстраго и утомительнаго пути изъ Воронежа черезъ Казань и Пермь прямо въ Тобольскъ. А нынче уже съ самаго утра принялись за дѣло. Въ три разныя стороны разошлись они изъ воротъ и стали обходить каждый свой „участокъ", какъ подѣлили заранѣе городъ, хорошо знакомый Нестерову. До полной темноты бродили они, шныряли по рынкамъ, терлись въ толпѣ, заходили въ храмы, въ приказы, въ избу земскую, являлись повсюду, гдѣ только темнѣло хотя бы нѣсколько бесѣдующихъ между собою обывателей... Забѣгали въ харчевни и кружала, не столько для утоленія голода, не за тѣмъ лишь, чтобы отогрѣть немного

озябшее тѣло, глотнуть стаканъ - другой водки, а больше со своими „служебными“ цѣлями. За щами любитъ покалякать русскій человѣкъ. А ужъ про пьяненькихъ—и толковать нечего: что на умѣ, то на устахъ. Порою даже такое вывезетъ, чего и въ умѣ не было раньше, что неожиданно пришло въ угарную, охмелѣлую башку.

А троимъ дружкамъ—все хлѣбъ. Они даже изъ шалыхъ, пьяныхъ рѣчей умѣютъ при случаѣ выудить кое-что, для себя не безполезное...

Не долгъ январьскій день, да и городъ не очень великъ, хотя Нестеровъ заходилъ и въ „концы“, заселенные туземнымъ, не русскимъ людомъ, благо и по-остяцки, и по мунгальски и, даже, по-бухарски понимаетъ слегка многоопытный фискалъ. И когда ночная темнота загнала всѣхъ по своимъ угламъ, когда опустѣли улицы и площади городскія и рогатки выдвинуты были на въѣздахъ и выѣздахъ, а сторожа забили въ свои тяжелыя трещотки, особенно у Гостиннаго двора и близъ казенныхъ амбаровъ, тогда лишь всѣ три ловца съ новостями, какія успѣли „наловить“ за день,—сошлись въ дальней, особливой горенкѣ своей на постояломъ дворѣ.

Печка топилась ярко, столъ былъ накрытъ, штофъ вина отсвѣчивалъ своимъ зеленоватымъ стекломъ при мерцаніи двухъ сальныхъ свѣчей, воткнутыхъ въ пустые полуштофчики за неимѣніемъ шандаловъ. Поросенокъ внушительныхъ размѣровъ, поданный цѣликомъ, служилъ лучшимъ украшеніемъ стола. Нестеровъ, живя долгое время въ полу-нищетѣ, подобно другимъ собратьямъ-приказнымъ мелкаго разряда,—ужъ много лѣтъ таилъ мечту поѣсть молочнаго, откормленнаго поросенка, какихъ, онъ видѣлъ, часто уплетаютъ дьяки, старшіе подьячіе и зажиточные обыватели, особенно по праздничнымъ днямъ...

Теперь, поднявшись такъ быстро на неожиданную вы-

соту, обладая цѣлымъ, довольно—значительнымъ состояніемъ, которое составилось изъ подачекъ Гагарина и награды, полученной отъ Петра,—фискалъ рѣшилъ, что будетъ каждый день ѣсть молочнаго поросенка, пока не надоѣстъ...

— Гдѣ наше не пропадало!—думалъ про себя подьячій.— Однава жить на бѣломъ свѣту. Пока—бобылемъ живу, ково и тѣшить, какъ не себя?.. А тамо—бабу возьму, своимъ домкомъ заживу, свои поросята будутъ... И вовсе задарма, почитай, придутся... И, ужъ, коли захотѣть... здѣсь шепну хозяину: ково ему Богъ въ постояльцы послалъ?.. Какая высокая персона азъ есмь!.. Онъ, поди, ошшо приплату дастъ, скорѣе бы я съѣхалъ, не то съ меня станетъ за харчи и постой теребить, какъ съ другихъ грабитъ, рожа этакая холопская, корявая!..

Совершенно успокоенный подобными соображеніями, Нестеровъ заказывалъ для себя и товарищей все лучшее, что только могло найтись зимой въ обиходѣ тоболянъ.

Босые, въ портахъ и въ рубашкахъ на распашку, красные отъ жары, отъ ѣды и отъ четырехъ штофовъ вина, уже опорожненныхъ за обильной и лакомой трапезой,—сидятъ за столомъ три пріятеля. Ихъ тулупы и валенки, портянки и верхніе штаны—висятъ на кухнѣ, сушатся къ завтрашнему дню, пропитанные влагой отъ талаго снѣга.

Сначала молча, жадно ѣли всѣ трое, отрывали большіе куски отъ цѣлой тушки, чавкали, глотая торопливо почти непережеванные куски, запивали часто ѣду полными чарками пѣннику. Пробовали и другихъ блюдъ, какія стояли на столѣ, или вносились стряпухою, здоровою, дебелой бабой. Но подъ конецъ даже ненасытныя утробы приказныхъ, жившихъ много лѣтъ впроголодь,—стали чувствовать переполненіе. Куски еле лѣзли въ ротъ, движенія становились все медленнѣе, лѣнивѣе... Осовѣли всѣ и отъ ѣды, и, главное, отъ вина. И

только жадные глаза обжоръ скользили по недоѣденнымъ кускамъ, по плошкамъ и блюдамъ, не опорожненнымъ въ чистую, какъ надѣялись было сдѣлать они, заказывая ужинъ. Изрѣдка поднималась медленно рука, засаленные пальцы отщипывали, захватывали самый лакомый кусочекъ, подносили къ жирнымъ, лоснящимся губамъ и долго медленно жевался этотъ кусокъ, пока наконецъ, смоченный очереднымъ стаканчикомъ водки, не исчезалъ въ отяжелѣломъ желудкѣ.

Наконецъ, и эта охота за кусочками прекратилась. Больше не лѣзло къ горло ничего. Стряпуха, невольно покачивая отъ удивленія головою, убрала посуду и только остался на столѣ жбанъ квасу съ ковшомъ и штофъ со стаканчиками, уже въ пятый разъ наполненный изъ полуведерной бутылки, которую припасъ еще вчера Нестеровъ.

Сидя близко къ лежанкѣ, Нестеровъ прислонился къ ней спиной, совсѣмъ разогрѣлся и посоловѣлъ. Его товарищи завели лѣнивый, прерывистый разговоръ, стали дѣлиться впечатлѣніями минувшаго дня, къ чему прислушивался и молчащій Нестеровъ, не смотря на то, что глаза у него были полузакрыты и онъ словно дремалъ.

Такъ прошло около часу. Печка догорѣла, пришла баба, чтобы „закутать“ ее, загрести жаръ, прикрыть трубу.

Цыкинъ, какъ самый молодой, сталъ „жировать“ съ мускулистой, веселой бабенкой, та притворно взвизгнула, когда, схваченная за плечи, повалилась навзничь, но быстро справилась съ приказнымъ, подмявъ его въ свою очередь подъ себя... Грубый смѣхъ, нецензурныя шутки, хлопанье по спинѣ и бокамъ, отъ которыхъ звонъ шелъ по горенкѣ,—смѣнили прежнюю тишину. Бзыровъ пришелъ на помощь товарищу и бабенка очутилась уже въ довольно критическомъ положеніи, барахтаясь на широкой лавкѣ, застланной кошмою, служащей постелью для постояльцевъ. Она уже теряла силы, отбиваясь сразу отъ двоихъ, слишкомъ предпріимчивыхъ уха-

живателей. Но тутъ вступился въ дѣло Нестеровъ, какъ старшій.

Ему самому казалось неподобающимъ, не совмѣстнымъ съ его саномъ и положеніемъ поступить такъ, какъ бы онъ хотѣлъ сейчасъ, то-есть: отогнать обоихъ претендентовъ и самому овладѣть призомъ. Но еще менѣе могъ онъ допустить, чтобы на его глазахъ они безъ чиновъ и безъ стѣсненій завершили слишкомъ смѣлую игру.

— Ну, буде! Пожировали малость... киньте бабу! Ишь, она и запарилась вся!—рѣшительно, почти строго кинулъ онъ своимъ помощникамъ.—О дѣлишкахъ потолковать надоть... Ну!

Тѣ не сразу,—но оставили игру, которая захватила обоихъ. Стала оправляться и баба, еще вздрагивая визгливымъ, нутряннымъ хохотомъ, вызваннымъ шутками и щекотаньемъ обоихъ подъячихъ. Ей словно не совсѣмъ было пріятно вмѣшательство „рябого лѣшаго", Нестерова, словно и самой не хотѣлось внезапно и рано оборвать возню, какъ и двумъ участникамъ шумной забавы. Но, подобравъ волосы подъ свой повойникъ, дернувъ сарафанъ и фартукъ на мѣсто, она закрыла вьюшки и ушла, шлепая по половицамъ босыми, красными ступнями, годными не только для женщины, но и для здороваго, рослаго мужика.

Собираясь повести дѣловой разговоръ, Нестеровъ принялъ соотвѣтствующій видъ, постарался и усѣсться поважнѣе. Изъ всѣхъ, видѣнныхъ имъ, вельможъ—больше всего Гагаринъ произвелъ впечатлѣнія на фискала и теперь онъ пытался походить на князя, который, развалясь въ покойномъ креслѣ,—бесѣдуетъ съ подчиненными.

Табуретъ, на которомъ торчала щуплая фигурка фискала, не могъ замѣнить кресла, но приказный, сидя между лежанкой и столомъ, повернулся такъ, что одну руку опустилъ на эту лежанку, а другую—на край стола. Босыя ноги вытянулъ и положилъ одну на другую, также по

образцу вельможи, жалѣя только, что нѣтъ мягкой скамеечки, которая служила при этомъ губернатору.

Состроивъ глубокомысленное, важное лицо, вытянувъ трубочкой губы, Нестеровъ медленно, противъ обыкновенія, значительно и членораздѣльно заговорилъ, то подымая, то опуская свои жиденькія, рыжеватыя брови, онъ видѣлъ, какъ шевелились густыя брови Матвѣя Петровича во время его рѣчей.

— Вотъ, стало быть... Осподи благослови... За дѣло пора пріиматься... Воотъ! И, вотъ, стало быть, мы ужъ и взялися... Што вы дѣлали, я слышалъ тута... Да-а!.. Ништо. Дѣла не сдѣлали, да и отъ дѣла не бѣгали... Да-а. А я вамъ про себя скажу, ни для чево инова, а для ради науки и поученія... Да-а! Вотъ, значится, вышелъ. Вотъ— храмъ Божій. Я туды. Молитву сказалъ, Бога просилъ, послалъ бы Осподь мнѣ въ дѣлахъ успѣха и всяческаго успѣянія...... што бы ни одинъ отъ меня человѣкъ уйти, али бо укрыться не могъ... Да-а... И што бы я первымъ человѣкомъ по сыскному дѣлу по всей Сибири, по всему царству сталъ... И самъ молилъ Оспода и къ попу пришелъ, далъ ему семишникъ, онъ мнѣ напутственный молебенъ отслужилъ... Да-а. А не то, што!.. А ужъ апосля я и на дѣло пошелъ...

Послѣ этого вступленія глава компаніи подѣлился съ двумя товарищами своими открытіями и наблюденіями, сдѣланными въ теченіе дня. Онъ былъ очень доволенъ. Вольные доселѣ, тоболяне, какъ и всѣ остальные сибиряки,— не опасаясь особыхъ выслѣживаній и надзора,—жили безшабашно отъ перваго до послѣдняго. Земля и торгъ, пушной промыселъ, особенно,—давали все, что нужно было, съ избыткомъ; конечно, не считая такихъ глухихъ угловъ, какъ вѣчно не отмерзающія тундры Якутской области, Камчатки и Чукотской земли, куда хлѣбъ привозился гужомъ

зимою на цѣлый годъ, равно какъ вино и другіе припасы.

Но и въ этихъ мертвыхъ тундрахъ люди жили, ни себя, ни другихъ не жалѣя, проводя время въ пьянствѣ и азартной игрѣ въ карты, въ кости, въ зернь и въ тавлеи. Грабежи, убійства при игрѣ, а то и такъ просто подъ пьяную или сердитую руку, — творились безъ числа и только тогда власти вмѣшивались въ эти дѣла, если происходило что-нибудь ужъ слишкомъ необычное, вопіющее, или сильно нарушающее интересы казны. Но и тогда попытки возстановить справедливость, выполнить требованія закона—рѣдко доводились до конца. Стоило виновному не пожалѣть своихъ рублей, и дѣло прекращалось, начатые процессы глохли, а, „обѣленный“ за мзду, преступникъ свободно гулялъ по свѣту до новаго непріятнаго столкновенія съ блюстителями закона и всякими людьми, власть имущими.

Нестеровъ зналъ это и случайные источники доходовъ рѣшилъ обратить въ постоянные, памятуя, что ежедневно, ежечасно можно открыть въ окружающей жизни цѣлый рядъ мелкихъ и большихъ преступленій, закононарушеній и всяческихъ, кары достойныхъ, проступковъ и грѣховъ.

Въ этомъ направленіи онъ далъ разъясненіе и своимъ, менѣе опытнымъ товарищамъ.

— Вотъ, сказываете, — особливаго не выслушали вы двое, не выглядѣли обое за цѣлый денекъ нонѣшній... Потому—молодо, зелено, пороть васъ велѣно (тоды поумнѣй станете)! Нешто есть такой человѣкъ, нешто мѣсто найдется въ цѣломъ городу... нѣ, въ цѣлой Сибиріи, либо и на всей землѣ-матушкѣ, гдѣ бы грѣшниковъ не было, гдѣ бы злое дѣло не творилося. Носомъ поострѣе нюхать надоть—сразу и разнюхаешь! Первое дѣло, скажемъ, торговый людъ. Куды ни кинь,—все одинъ клинъ: всѣ за одно—воры и мошейники! И вѣсъ, и мѣра у ихъ воров-

скія... Вотъ, первый хлѣбъ для насъ... Обойти ряды, заглянуть въ любой лабазъ безъ выбору... Скажемъ, по съѣсной части... Тута и порчи, и гнили, и всево вдоволь... И, коли неохота на съѣзжу—плати, голубокъ!.. Хе-хе-хе!.. А корчма тайная?.. Самъ же я, да и вы, поди, вѣдаете: кабаковъ менѣй начтешь въ городу, ничѣмъ тайныхъ кабачаръ, а либо блядней, гдѣ и вино, и пиво—свои, не государевой варки... А за такую поруху не то—батоги, и петля обозначена... Такъ, смекайте: сколько намъ тѣ мѣста злачныя дани дать должны!.. А игорны дома! Съ откупу ихъ пять, алибо шесть на весь Тоболескъ. А какъ я вызналъ нонѣ, въ одномъ мунгальскомъ углу для бусурманъ и для бухаровъ съ китайцами наѣзжими болѣ десяти хановъ потаенныхъ улажено, заведено, гдѣ дѣвки веселыя, игры всякія на большія сотни и тыщи идутъ!.. Ужли тамо и для насъ хоша десяточки ежемѣсяцъ не набѣгитъ? Быть тово не можетъ!.. Отъ одново десятокъ рубликовъ, отъ другого... Глянь,—много ихъ соберется... Тысяча... да не одна, ха-ха-ха!—ужъ совсѣмъ довольный, громко раскатился Нестеровъ, забылъ и важность свою напускную, хохочетъ, валяется, животъ руками держитъ... И оба подручныхъ вторятъ ему.

— Да-а! — наконецъ, успокоясь немного, заговорилъ онъ снова:—да это ошшо все ли!? Убьетъ ли хто ково, поворуетъ ли, али товары утаивать станутъ по старому купцы, а либо цѣловальники присяжные съ ими стакнутся, пошлины утаятъ, либо судья съ богатого возьметъ жирно, бѣднаго осудитъ и насъ не вспомянетъ при дѣлежѣ?.. Ну, тамъ, скажемъ,—и повыше начальники станутъ людей за мзду окладами верстать, чины выводить не по чину... Да въ ясачномъ сборѣ неправды всякія и воровство великое... И въ хлѣбныхъ амбарахъ запасныхъ лукавство да утайка, да продажа незаконная... Взять потомъ чехаузы воински

да зелейные склады, да запасы свинцовые... Да—рудяное дѣло, земель отводка, руды добыча, людей закупка... А солдатчина... некрутчина да казацки дѣла!.. А наемные люди, што иные за себя въ салдаты ставятъ, закупя воеводъ да капитановъ - пріемщиковъ... Да... Тьфу, прости Осподи! И языкъ заплелся, примололся... А я всево начесть не успѣлъ, отъ чево закону ущербъ... а намъ—припекъ буде!..

Снова всѣ трое смѣхомъ залились веселымъ, заливчатымъ.

— Инъ, добро!—нерѣшительно заговорилъ Бзырёвъ, степенный, даже благообразный на видъ, человѣкъ лѣтъ 45-ти, выждавъ, когда общій смѣхъ понемному затихъ. — Слышь, Иванъ Петровичъ, про то все, что ты сказывалъ — я и самъ же слыхалъ, алибо видалъ да вѣдалъ... И не мы первые... Вся братія наша служилая, поди, не отъ бѣдныхъ крохъ питается, которы казна даетъ. Все отъ нихъ же, отъ обывателей, отъ правыхъ и отъ грѣшныхъ, — цѣдимъ помаленьку бражку и живемъ... И будутъ всѣ также чинить, какъ чинили... А мы же? Мы, словно бы для иного... для надзору за всякими лиходѣями постановлены... И за служилыми и за рядовыми людишками... А ежели мы да станемъ?.. Коли ничѣмъ отъ прочихъ не различно линію поведемъ?.. Гляди, и насъ недолго подержутъ, по шапкѣ и насъ!.. Али бо и надъ нами надзоръ поставятъ... Вотъ, какъ же тута?.. А?..

— Ворона—кума! Спросилъ хорошо, разсудилъ плохо! Э-эхъ ты, Илюшка, чортова понюшка! Дакъ, рази, говорится все, что и творится?.. Мы кому отчетъ давать повинны, помнишь ли?.. Самому царю-батюшкѣ. Такъ съ пустяковиной туды и лѣзти не придется... А энти дѣлишки пустяковыя мно-о-ого намъ вина и елея дадутъ! У воеводскихъ людей, у приказныхъ канцелярскихъ да у присяжныхъ чиновъ мы отобьемъ доходовъ малу толику. О томъ ли

намъ печаловаться? А, вотъ, коли дѣло большое... алибо люди въ томъ дѣлѣ важные запутались, — тута разсудить надо: што да какъ?.. Къ примѣру, прійти да спросить надо, развѣдать толкомъ: много ли отъ дѣла, отъ оннаго прибыли намъ можетъ быть? И потомъ сами мозговать станемъ. Коли рука,—возьмемъ халтуру, доносить не будемъ царю. А коли такое дѣло, што отъ нево, отъ батюшки можно великихъ милостей да наградъ ожидать, либо и скрыть чево невозможно?.. Ну, вѣстимо, о такихъ дѣлахъ придется отписывать ему самому да приказовъ ждать немилосердныхъ... И ежели мы за годъ хоша два-три дѣльца такихъ... повѣтвистѣй ему объявимъ... Съ насъ и будетъ! И награды придутъ, и вѣры не утратитъ въ насъ осударь... Я ужъ распознелъ ево, какъ меня онъ на допросъ призывалъ... Кому ужъ онъ вѣритъ, такъ крѣпко... А, ужъ, ежели...

Поежился даже противъ воли фискалъ, припомнивъ что-то, или представивъ себѣ непріятную будущность, если Петръ провѣдаетъ, что онъ обманутъ. Но сейчасъ же снова бойко продолжалъ свое поученіе подручнымъ:

— Да, што и толковать! Вы—меня слушайте, мнѣ помогайте. А я себѣ добра желаю, стало, и вамъ за мною плохо не буде...

— Ну, вѣстимо!—успокоенный подхватилъ Бзырёвъ.— Я—такъ, вообче... А ужъ мы на тебя въ надеждѣ, Петровичъ!.. Мы тебѣ рады служить вѣрою-правдою! Никого для тебя не пожалѣемъ! Самого чорта разыщемъ да предадимъ! Только ужъ и ты насъ не оставляй совѣтомъ и наученіемъ! Ишь, далъ тебѣ Господь таланъ какой... и въ рѣчахъ, и въ дѣлахъ! Не дарма такой великой чести такъ прытко достукался!..

— Вѣстимо, не дарма!—снова принимая важный видъ, довольный такой откровенной и заслуженной, какъ ему думалось, похвалой, отозвался Нестеровъ. — А я ужъ и тута

успѣлъ такое нанюхать... што, гляди, и самъ ево превосходительство, губернаторъ вельможный, князь Матфей Петровичъ у меня, словно вьюнъ, завьется, юлою заюлитъ, ежели... Ну, да про такія дѣла и не тута сказывать надо,—исподлобья обводя взоромъ тонкія стѣны покоя и плохо-притворенную дверь, оборвалъ рѣчь фискалъ. Затѣмъ, громко, широко зѣвнувъ, осѣнилъ ротъ крестомъ и, среди второго зѣвка, пробормоталъ:

— О-аа-а!.. Ужъ не рано, поди... На покой пора... Вонъ, и свѣчки догорѣли... Одинъ ошшо огарочекъ чадитъ... Лечь надоть, пока не погасъ!..

Перекрестясь на иконы, выпивъ на ночь ковшъ кваску,— онъ устроился на лежанкѣ, гдѣ была приготовлена постель, укрылся еще хорошенько и скоро его звонкій храпъ пронесся среди наступившей въ горенкѣ тишины. А спустя немного— еще два подголоска присоединились къ первому голосу, заснули и захрапѣли помощники фискала, лежащіе на двухъ концахъ широкой, длинной лавки. Огарокъ, чадя и треща, провалился въ горлышко штофа на самое дно и тамъ погасъ. Темнота воцарилась въ горенкѣ, гдѣ такъ шумно и весело было весь этотъ вечеръ...

Часть V.

Надъ кручей.

ГЛАВА I.

Фортуна улыбнулась!..

За всѣ два съ лишнимъ года, прожитыхъ въ Тобольскѣ, не приходилось такъ много и такъ напряженно думать Гагарину, какъ за эти три-четыре недѣли, проведенныя въ своемъ удобномъ возкѣ, который, переваливъ хребты Рифея, быстро заскользилъ по его западнымъ склонамъ до Перми, а потомъ понесся по неоглянымъ снѣжнымъ равнинамъ Европейской Россіи на Казань, на Нижній, на Москву.

Сидя на своемъ посту, въ столицѣ Сибири, въ самой кипени новыхъ начинаній и прежнихъ, старыхъ неурядицъ и дѣлъ, которыя требовали упорядоченія или завершенія, князь многое задумывалъ; немало отважныхъ плановъ вынашивалъ въ мечтахъ, тысячи соображеній о тонкихъ, неотразимыхъ ходахъ, связанныхъ съ его широкими замыслами, — проносились въ мозгу, ярко такъ, отчетливо, оставляя неизгладимые слѣды въ памяти и въ душѣ честолюбиваго, властолюбиваго и своекорыстнаго вельможи. Но все это не было связано въ одну стройную картину, не носило печати завершенія, не подчинялось твердо-намѣченному,

объединяющему замыслу. А текущія дѣла и ближайшія задачи управленія огромнымъ, богатымъ краемъ—не давали даже достаточно времени заняться, какъ слѣдуетъ, этими личными замыслами, связанными съ тою же Сибирью, которая въ мысляхъ Гагарина теперь представлялась истинно-сказочнымъ, молочнымъ моремъ съ кисельными берегами, гдѣ вмѣсто песку—разсыпано чистое золото, гдѣ на вѣковыхъ деревьяхъ вмѣсто листвы — пушистыми ворохами повисли рѣдкіе, дорогіе мѣха, гдѣ на проѣзжихъ торговыхъ путяхъ изъ Азіи въ Европу не голыши и хрящъ похрустываютъ подъ колесами тяжелыхъ возовъ, а самоцвѣты и жемчугъ отборный...

И, вотъ, теперь, особенно послѣ встрѣчи съ „первымъ сибирскимъ фискаломъ“,—въ тиши снѣговой пустыни, по которой только шесть паръ коней выбивали мягкую, четкую дробь своими сильными ногами,—здѣсь, на свободѣ могъ обдумать многое Гагаринъ, успѣлъ довести до конца и связать нити разныхъ смѣлыхъ и красивыхъ начинаній, которыя давно были протянуты въ умѣ, въ душѣ, колеблемыя тамъ, какъ нити осенней паутины, летающія по воздуху въ тихій, теплый день..

Первая дума, первое стремленіе его было—не уйти изъ Сибири, остаться въ ней какъ можно дольше, если даже не навсегда... И, конечно, одинъ только Петръ могъ помѣшать своей властной волей этому рѣшенію. Со всѣми другими Гагаринъ сумѣлъ бы справиться и поладить, гдѣ—подкупомъ, гдѣ—личнымъ вліяніемъ, или съ помощью всесильной родни и друзей.

Только Гагаринъ, прослужившій полжизни въ самой Сибири и въ Сибирскомъ Приказѣ Московскомъ, зналъ, какими богатствами можетъ одарить край смѣлаго и умнаго хозяина, который знаетъ, гдѣ можно лучше черпать изъ этого моря всякихъ благъ.

Гагаринъ зналъ, какіе амбары необъятные завалены тюками, ворохами разныхъ дорогихъ мѣховъ, доставляемыхъ ясачными инородцами въ Сибирскій Приказъ, гдѣ и лежатъ сокровища десятками лѣтъ, порою гніютъ и портятся; но ихъ не пускаютъ на свои и зарубежные, европейскіе или восточные рынки, чтобы не сбить цѣны пушному товару. По торговому расчету — предпочитается продать мало да дорого, чѣмъ очень много по дешевой цѣнѣ. Старая московская государственная сноровка: копить добро, благо, оно мѣста не пролежитъ,—еще крѣпка и въ самомъ Петрѣ, создателѣ новой Россіи, и во всѣхъ, окружающихъ его.

Гагаринъ въ этомъ отношеніи — не одержимъ маніей „государственнаго строительства". Есть товаръ, даютъ за него золото, то-есть—высшую цѣнность на землѣ,—такъ и надо сбывать, а не выжидать, Богъ знаетъ чего! Знаетъ Гагаринъ и то, что сибирская пушная казна, даже въ той малой долѣ, какая доходитъ до амбаровъ московскихъ, составляетъ чуть ли не бо́льшую половину всѣхъ доходовъ государства, наравнѣ съ откупными доходами отъ винной, пивной и карточной монополіи.

И если устроить даже такъ, чтобы остаться пожизненнымъ „штатъ-гальтеромъ" Сибири, а не временнымъ губернаторомъ, котораго черезъ пару лѣтъ смѣнитъ другой ставленникъ, если имѣть въ своемъ распоряженіи эту силу,— сколько тогда можно сдѣлать и для себя, и для своихъ близкихъ, начиная отъ единственнаго сына и дочери и кончая всѣми отдаленными, многочисленными родичами и свойственниками вельможнаго рода Рюриковичей-Гагариныхъ!

Помѣхи не страшны... Зависть, конечно, явится... Она уже есть... Но стоитъ подѣлиться крохами отъ богатой сибирской жатвы,—и всѣ россіяне будутъ ослѣплены щедростью дарителя... Они тамъ и думать не смѣютъ о томъ, что заурядно въ Сибири... Рѣдкіе, дорогіе товары, корень

жен-шеня, идущій на вѣсъ золота, рога мараловъ, ткани восточныя, драгоцѣнные камни и жемчугъ, пряности и чай, шелкъ, серебро и даже золото, не говоря о свинцѣ, мѣди и желѣзѣ лучшей доброты,—все найдется въ Сибири съ избыткомъ и почти за безцѣнокъ можно собирать груды отборныхъ товаровъ, за которые потомъ, на рынкахъ Европы отсыплютъ груды полновѣсныхъ, звонкихъ червонцевъ...

Ясно видитъ неглупый вельможа и ту первопричину, отъ которой зависятъ всѣ блестящія возможности, мелькающія въ воображеніи Гагарина. Люди, трудъ человѣческій, самая ихъ жизнь неизмѣримо дешевле въ тайгѣ и въ горахъ Сибири, чѣмъ въ Россіи, не говоря ужъ объ европейскихъ, западныхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ почти крѣпостного труда и рабства въ той грубой формѣ, какая сохранилась у народа россійскаго, еще недавно носившаго имя „московитовъ-дикарей“..

Словно передъ глазами у князя вся Сибирь, отъ береговъ Ледовитаго моря до рѣки Амура и до верховьевъ Лены, Енисея, Иртыша, гдѣ зной и вѣчное лѣто, гдѣ тигры-людоѣды змѣями скользятъ въ высокихъ тростникахъ, прижавшись къ влажной, нагрѣтой, черной землѣ... И нѣсколько милліоновъ беззащитныхъ инородцевъ, полу-одѣтыхъ порою, вооруженныхъ только стрѣлами и лукомъ, дикарей кочуетъ по этому простору, охотится круглый годъ и собираетъ богатые запасы мѣховъ, роговъ, моетъ золото, роетъ руду... А затѣмъ — является казакъ-сборщикъ съ десяткомъ товарищей, съ полусотней такихъ-же дикарей, только порабощенныхъ и крещеныхъ,—и вольные охотники несутъ половину добычи на ясакъ, какъ дань сильнѣйшему... А остальное—сами отдаютъ за штофъ-другой плохого, неочищеннаго „пѣннику“, за дурманящую сивуху и за свертки самаго дешеваго табаку, къ которому ихъ тянетъ не меньше, чѣмъ къ водкѣ...

А не захотятъ добровольно смѣнять, такъ не стѣсняются

„хозяева“ Сибири съ этими дикарями, на которыхъ глядятъ, какъ на рабочій скотъ... Снимается съ плечи ружье, сверкнетъ выстрѣлъ—и падаютъ неподатливые „бусурмане“ въ крови... А ихъ добро попадаетъ и совершенно задаромъ въ руки „побѣдителей“...

На самомъ югѣ, гдѣ калмыки, „каменные казаки“ и киргизы съ мунгалами—получше вооружены и умѣютъ собираться для защиты и нападенія большою ордой,—тамъ подороже жизнь людей и все, что добывается ихъ трудомъ... Но и тамъ можно устроиться.

Гагаринъ умѣетъ подкупать хановъ, узденей, всякихъ князьковъ инородческихъ; а ужъ тѣ въ благодарность позволяютъ новому „хозяину“ Сибири доить чуть не до крови и тѣ орды, которыя на словахъ считаются подвластными только своимъ независимымъ князькамъ.

Все это видитъ Гагаринъ сейчасъ передъ собою... Стоитъ лишь заручиться преданными слугами, рѣшительными и дѣятельными агентами власти—и пускай кто хочетъ носитъ титулъ „царя Сибири“, а настоящимъ владѣтелемъ и господиномъ ея будетъ—онъ, Гагаринъ!..

Фискалы, доносчики?.. Ихъ тоже можно купить... Они такіе же люди, какъ и всѣ... А если заупрямится какой-нибудь Нестеровъ, или потребуетъ больше, чѣмъ бы ему полагалось по чину и званію, если слишкомъ заартачится и станетъ черезъ чуръ мѣшать?.. Такъ хорошо знаетъ князь, какъ дешева жизнь въ этомъ краю, населенномъ больше чѣмъ на три четверти бѣглыми преступниками, или озлобленными, загнанными людьми, которые за стаканъ водки и за мѣдный пятакъ уберутъ не одного,—троихъ Нестеровыхъ...

И такъ можно продолжать, пока не придетъ на пустое болѣе удобной, „свой“ человѣчекъ, который пойметъ, что Богъ высоко, царь далеко, а Гагаринъ—тутъ и что онъ—

настоящій „хозяинъ“, съ которымъ надо ладить, притомъ безъ всякаго ущерба для себя...

Кончивъ съ этимъ вопросомъ, Гагаринъ словно оглянулся мысленно—и поежился.

Одна мощная, тяжелая постать обрисовалась черной тѣнью на свѣтломъ просторѣ, какой ужъ видѣлъ вокругъ себя Гагаринъ.

Петръ!..

Его—не закупишь... Его—никуда не уберешь... Пока онъ живъ—все зависитъ отъ него, отъ его расчетовъ, плановъ, даже просто, отъ блажи, отъ пьяной прихоти, какая можетъ взойти въ эту большую, темноволосую голову съ лицомъ оживленнаго сфинкса.

Только два человѣка умѣютъ еще справляться съ этимъ неукротимымъ, своевольнымъ, непонятнымъ ни для кого, человѣкомъ: Екатерина, бывшая плѣнница, много лѣтъ простая сожительница Петра и только ко времени прутскаго похода—вѣнчанная жена, признанная царица. Да второй Алексаша Меньшиковъ, прежде — солдатъ-преображенецъ, даже до того—чуть ли не бродячій пирожникъ-торгашъ... А теперь—графъ, князь Римской имперіи, генералиссимусъ, кавалеръ всѣхъ высшихъ орденовъ россійскихъ и иностранныхъ, владѣющій цѣлыми областями въ новозавоеванномъ прибалтійскомъ краю. Меньшиковъ, онъ по старому оставался ближайшимъ другомъ Петра, которому отдалъ свою бывшую плѣнницу и сожительницу въ подруги и царицы..

Если эти двое помогутъ хорошо, тогда и Петръ не страшенъ... Выждать бы только!.. Правда, князь—старше Петра и не такъ мощенъ на видъ... Но Гагаринъ знаетъ, что опасная болѣзнь подтачиваетъ силы этого гиганта. Еще въ юности захватилъ онъ этотъ „афродитовъ“ недугъ, благодаря своему неразборчивому сближенію съ красавицами-прелестницами придворными и даже изъ простонародья...

лѣчили плохо, либо и совсѣмъ не лѣчили, незначительную сперва, хворь, очень обычную тогда среди мужчинъ... А теперь она отзывается мучительными страданіями, коликами въ области живота, отъ которыхъ лежитъ безъ памяти по часамъ Петръ и все чаще испытываетъ свои приступы „черной немочи"... Только непомѣрная тѣлесная мощь этого человѣка помогаетъ ему перемогаться... Но и онъ сталъ подумывать о концѣ, часто исповѣдывается, причащается въ тѣ времена, когда, обезсиленный, лежитъ, едва оправясь отъ одного припадка, и ожидаетъ слѣдующаго, мучительнаго, затяжнаго приступа коликъ и безпамятства...

Надѣется пережить Петра Гагаринъ... А тогда!?.

Даже глаза жмуритъ князь отъ блеска, какой уже видитъ передъ собою честолюбивый хитрецъ. И въ эту минуту, съ усами, которые топорщатся и торчатъ впередъ, съ круглымъ, полнымъ своимъ лицомъ совершенно напоминаетъ сытаго кота, мечтающаго о жирной, лакомой мыши, проглоченной передъ этимъ...

Алексѣй-царевичъ не страшенъ никому, тѣмъ менѣе ему, Гагарину. Тезка царевича, сынъ князя, Алексѣй Матвѣичъ передъ самымъ отъѣздомъ говорилъ отцу:

— И што это за царевичъ, даже понять не могу! Толкую я ему, что надо къ батюшкѣ подладиться... Ужъ толки идутъ, будто иноземнаго прынца желаетъ государь принять въ наслѣдники... А царевичу и горя мало! Я сказываю: „хоть для виду займися поприлежнѣй дѣлами, ваше высочество! Батюшка, молъ, сказывалъ: не по имени желаю наслѣдника имѣть, а по трудамъ его и дарованіямъ!.." И, што жъ бы вы думали, батюшка, отвѣчалъ мнѣ царевичъ?.. Такъ и отпечаталъ: „Пускай! Я и самъ радъ отъ царства отойти, коли такую муку принимать царю надо!.. Не гожусь я царить по новому... Вотъ, кабы по старинѣ... И я былъ бы хорошъ! А этакъ,—пусть беретъ власть, кому охота!.."

Улыбнулся тогда же Гагаринъ, выслушавъ сына. И теперь улыбается.

Конечно, при Алексѣѣ Петровичѣ легко будетъ дѣлать, что въ умъ придетъ, сильнымъ людямъ. При Алексѣѣ Петровичѣ Гагаринъ не только будетъ „пожизненнымъ штатгальтеромъ“ Сибири, но, пожалуй, сумѣетъ оторвать ее вовсе отъ остальнаго царства, сдѣлать отдѣльнымъ государствомъ въ единеніи съ Россіей Европейской и въ лицѣ своего сына, Алексѣя Матвѣича, возродитъ съ новымъ блескомъ царскій родъ Рюриковъ на тронѣ Кучума...

Не удержался, тогда же сыну кое-что въ этомъ смыслѣ высказалъ князь... Потомъ спохватился, что молодъ, слабъ князекъ, проболтаться можетъ, если не трезвый, такъ въ пьяномъ видѣ, или метрескамъ своимъ, на которыхъ большія тысячи тратилъ, слѣдуя примѣру отца... Взялъ клятву съ Алексѣя Матвѣича отецъ, что будетъ юноша держать языкъ за зубами...

Но теперь—не о томъ забота! Дожить бы только до счастливаго дня, когда темноволосый гигантъ-царь сможитъ свои упорные, сѣрые глаза, сверлящіе душу каждому...

Тогда—все хорошо будетъ! А какъ вотъ теперь?.. Что дѣлать, какъ поступать?..

Общую линію хорошо знаетъ и ведетъ все время неуклонно Гагаринъ.

Малѣйшая неурядица въ странѣ, вспышка незначительная среди ясачныхъ инородцевъ, набѣгъ десятка-другого немирныхъ кочевниковъ, шесть-семь коней, уведенныхъ у русскаго населенія, убійство нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ не то при набѣгѣ врага, не то по пьяному дѣлу въ общей ссорѣ и свалкѣ, какія часты во время годичныхъ праздниковъ и ярмарокъ,—все это въ донесеніяхъ губернатора принимало огромные, опасные размѣры нашествія непріятельскаго или бунта цѣлыми племенами... Затѣмъ—описывались мѣры, принятыя

мудрою властью для успокоенія мятежныхъ, для покаранія барантачей-кочевниковъ, — и выводъ былъ ясенъ: только Гагаринъ, умѣющій самъ управляться въ этомъ дикомъ, опасномъ краю, умѣющій выбрать себѣ подходящихъ помощниковъ,—только онъ одинъ въ силахъ справиться со всѣми невзгодами мѣстной жизни и безъ него будетъ плохо. При открытіи какихъ-нибудь злоупотребленій—примѣнялись тѣ же пріемы. А всякое улучшеніе, находка руды, введеніе мѣръ, способствующихъ процвѣтанію края, или обогащенію казны,— все это расцвѣчивалось и преувеличивалось, какъ трудная, неоцѣнимая услуга и заслуга передъ родиной и царемъ...

Но этого всего мало! Петръ тоже знаетъ приказную систему, знаетъ и многое иное, что уловилъ своимъ мощнымъ умомъ и за рубежами, во время долгихъ странствій въ чужихъ земляхъ, и вынесъ изъ глубины народнаго моря, куда окунался поневолѣ ребенкомъ, сосланный съ матерью подальше отъ трона; куда и потомъ погружался съ головой сознательно, по доброй волѣ, будучи уже царемъ, когда жилъ среди простого люда, желая слышать и знать, что думаетъ и какъ живетъ настоящая Русь, черноземная, а не приказныя крысы и вельможные грызуны-захватчики!..

И, покачиваясь на мягкомъ сидѣньи возка, строитъ Гагаринъ тысячи предположеній и плановъ, которые могли бы привести его къ великой, затаенной цѣли...

Ближайшія событія перестали безпокоить князя. Взбудораженный вѣстями о доносахъ, встрѣчей съ фискаломъ, духъ его успокоился. Гагаринъ понимаетъ, что нетрудно будетъ пока снять съ себя наговоры, найти извиненіе и за содѣянные проступки... Ихъ еще мало и они слишкомъ незначительны... Даже хорошо, что онъ поторопился явиться на свою защиту именно теперь, когда защита еще слишкомъ легка. Это обезпечитъ ему довѣріе и покой на долгое время... А, вотъ, какъ дальше?..

И, напряженно ломая голову надъ дальнѣйшими планами, находя несвоевременнымъ обратиться за совѣтами къ Келецкому, пока нѣтъ достаточно-вѣсскихъ данныхъ для обсужденія вопроса,—Гагаринъ вдругъ погружался въ глубокій сонъ, словно не головою онъ работалъ долгіе часы, а былъ охваченъ усталью послѣ тяжкаго тѣлеснаго труда...

А возокъ мчался все дальше и дальше отъ Сибири, все ближе и ближе къ Питеру и Москвѣ.

Не сразу явился Гагаринъ къ царю.

По примѣру удачнаго прошлаго года Петръ собирался лѣтомъ снова снарядить огромную флотилію и разбивать на морѣ шведовъ, поэтому почти и не сидѣлъ ни въ Москвѣ, ни Санкт-Питербурхѣ, какъ онъ называлъ свою новую столицу. Котлинъ съ его Кроншлотомъ, побережье Балтійское—видѣло чаще государя, чѣмъ стѣны городскихъ и загородныхъ дворцовъ, прежде такихъ веселыхъ, оживленныхъ, шумныхъ безъ конца...

Свои сановники и иноземные послы съ неотложными дѣлами вынуждены были узнавать, гдѣ находится царь. Первѣйшіе вельможи ныряли въ ухабахъ избитаго зимняго пути, пробирались среди бревенъ и мусору, подымались на деки новыхъ и старыхъ, только подправляемыхъ кораблей, гдѣ заставали порою Петра не только въ видѣ главнаго инспектора, но съ рубанкомъ, или съ лекаломъ въ рукѣ, съ отвѣсомъ или долотомъ, когда царь, по обычной своей стремительности и нетерпѣнію, старался быстро и наглядно показать неумѣлому работнику, какъ лучше и скорѣе можно выполнить заданную работу...

Долго задержался Гагаринъ въ Москвѣ, гдѣ его сказочно-богатый дворецъ въ полной готовности и въ образцовомъ порядкѣ давно поджидалъ хозяина; казалось, что Гагаринъ

только вчера вышелъ изъ дому и, вернувшись, нашелъ все, какъ было.

Дочь князя, дѣвушка-невѣста, которую отецъ по многимъ основаніямъ не взялъ съ собою въ Тобольскъ,—жила у дяди, Василія Иваныча, выѣзжая въ свѣтъ съ его взрослыми дочерьми. Но она все же порою заглядывала въ родной домъ съ тѣми же подругами, двоюродными сестрами, и небольшой штатъ прислуги, съ пожилымъ, опытнымъ дворецкимъ Минычемъ во главѣ, старался поддерживать полный порядокъ въ домѣ. Да и стольникъ, князь Василій Иванычъ, изрѣдка заглядывалъ, такъ что волей-неволей слишкомъ распускаться дворня не смѣла, несмотря на долгое отсутствіе Гагарина, живущаго за тридевять земель...

Радостно, шумно былъ встрѣченъ вельможа тѣми осколками стараго боярства, которые именно еще ютились и доживали свой вѣкъ въ Москвѣ, сторонясь, явно чуждаясь новой столицы, этого „Парадиза", какъ называлъ свое созданіе Петръ.

Не стоя близко къ настоящему правительству, эти недовольные „старики" пользовались все же большимъ вліяніемъ и по своей породѣ, и по богатству, накопленному дѣдами и прадѣдами. Десятки тысячъ душъ и безконечныя земельныя угодья составляли, главнымъ образомъ, достояніе „москвичей" — изъ неслужилой знати въ отличіе отъ арендъ и жалованья, достигающаго десятковъ тысячъ рублей въ годъ, какимъ награждались „питерскіе" служаки изъ стараго барства и изъ новыхъ, свѣже-испеченныхъ дворянъ и вельможъ, въ родѣ того же Меншикова, или иностранныхъ любимцевъ, одаряемыхъ землями, титулами и орденами за усердную и умѣлую службу „государю и государству"... Такой новою присягой замѣнилъ Петръ прежнюю, вѣковѣчную, такъ называемое „креста цѣлованье" и запись, гласящую, что присягающій обѣщаетъ служить только государю и роду его, вы-

полняя волю царскую, какъ приказъ Самого Господа, ни о чемъ не помня и не разсуждая больше.

Объѣздивъ друзей, развѣдавъ поподробнѣе все, о чемъ неудобно было бы даже сообщать письменно, отпировавъ почти вездѣ на радостяхъ о его прибытіи, Гагаринъ и самъ долженъ былъ раза два устроить отвѣтный пріемъ, такъ какъ въ одинъ разъ не вмѣстили бы даже его палаты всѣхъ, желяющихъ и имѣющихъ право побывать на праздникѣ, устроенномъ намѣстникомъ Сибири, ея некоронованнымъ государемъ и царемъ, какъ толковали многіе, кто получше зналъ тамошніе порядки и теченіе служебной жизни въ цѣломъ россійскомъ государствѣ.

А пока князь тутъ отдыхалъ, посѣщалъ московскихъ друзей и принималъ ихъ у себя, — въ невскій „Парадизъ“ поскакали нарочные съ письмами къ нужнымъ людямъ. Выяснилось, что раньше начала мая и не сможетъ царь хорошенько потолковать со своимъ губернаторомъ о дѣлахъ Сибири вообще и о возведенныхъ на Гагарина навѣтахъ въ частности.

Пока — предложено было князю составить подробный отчетъ объ этихъ двухъ истекшихъ годахъ управленія краемъ и особенно поставленъ былъ на видъ вопросъ о богатыхъ розсыпяхъ въ Бухарской землѣ на „Амун-Дарьѣ“, какъ ее называли тогда.

Сынъ Гагарина нарочно явился въ Москву изъ „Парадиза“, чтобы подѣлиться съ отцомъ самыми свѣжими вѣстями дворцовыми и новостями государственной важности. Отъ него узналъ Гагаринъ, что врачи открыли у царевича Алексѣя признаки злѣйшей чахотки и настаиваютъ на отъѣздѣ его въ Карлсбадъ, для лѣченья.

Кутежи, распутство и сильное пьянство, которому онъ предавался по примѣру отца,—подорвали слабое здоровье юноши-царевича. Но онъ и не думалъ остановиться, поберечь себя. Безвольный во всемъ, здѣсь Алексѣй проявлялъ несо-

крушимое упорство и настойчивость, достойныя лучшей цѣли. Самъ царь собирался сперва выступить со всей своей новой „Армадой“ къ Ревелю и затѣмъ искать сраженій съ шведскими эскадрами, гдѣ бы тѣ ни показались. Не придется ему даже быть при, давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемомъ событіи, разрѣшеніи отъ бремени кронпринцессы Шарлотты, предстоящемъ очень скоро, согласно заявленіямъ придворныхъ акушеровъ и бабушекъ-повитухъ.

О растущей силѣ и вліяніи Меншикова, о новыхъ связяхъ и увлеченіяхъ Петра и всѣхъ его собутыльниковъ и сотрудниковъ подробно разсказалъ сынъ отцу, пропустилъ черезъ свое сито и Екатерину, эту чародѣйку, которая, вѣчно смѣясь и веселясь, лаская всѣхъ взглядами своихъ темныхъ очей, успѣваетъ держать въ рукахъ мужа, порою сама приготовляя ему юныхъ, свѣженькихъ подругъ изъ числа фрейлинъ и въ то же время поддерживаетъ прежнюю, болѣе чѣмъ теплую, черезчуръ нѣжную дружбу съ бывшимъ ея господиномъ и обладателемъ, Меншиковымъ; а, затѣмъ,— среди окружающей знати—тоже выискиваетъ порою самыхъ красивыхъ, юныхъ и пылкихъ, способныхъ разсѣять скуку женщины, когда нѣтъ близъ нея ни вѣтреннаго гиганта-мужа, ни прежняго покровителя, Данилыча...

Смѣется громко, заливается хохотомъ Гагаринъ, слушая смѣлыя описанія сына, его циничныя, но мѣткія шуточки и остроты, французскіе каламбуры, пересыпаемые чисто-русской крупной солью мѣткихъ словечекъ и прозвищъ нецензурнаго свойства...

О своихъ похожденіяхъ просто и откровенно сообщаетъ сынъ отцу, зная, какъ тотъ любитъ сочныя описанія заманчивыхъ картинъ на миѳологическіе сюжеты, хотя бы и въ переложеніи на современные нравы.

Отецъ, въ свой чередъ, также безъ стѣсненій дѣлится съ сыномъ не только своими административными впечатлѣ-

ніями, вынесенными послѣ двухлѣтняго пребыванія въ „дикой Сибири". Онъ посвящаетъ юношу во всѣ свои минутныя увлеченія, какихъ не мало начтется за такой долгій срокъ, говоритъ о разрывѣ съ Алиной, объ охлажденіи къ полькѣ, занимающей отнынѣ только мѣсто экономки въ дому. Описываетъ тоболянокъ-дочекъ, съ которыми „вспоминалъ" онъ приключенія, пережитыя съ ихъ маменьками лѣтъ 15 назадъ... И о поповнѣ узналъ юный князь, заинтересовался ея наружностью, просилъ списать и прислать портретъ и только остерегъ отца:

— Глядите, батюшка, не женила бы васъ на себѣ сія Салдинская чародѣйка... Какъ бы и не пристало это ни вамъ, ни всему нашему роду!.. Даже иму я вѣру, что цѣломудренна оная особа, какъ Сусанна... но тѣмъ опаснѣе она людямъ вашего возраста... Не взыщите, какъ сынъ любящій и почтительный рѣшаюсь говорить вамъ, батюшка...

— Хе-хе-хе... Глупенькій... Говори, ничего!.. Обиды нѣтъ въ твоихъ словахъ!.. А непонятіе явное! Я самъ лучше тебя вижу, что можно, а чего нельзя. Будь помоложе я... и при той пылкости чувствъ, какую внушила Агаша къ себѣ... пожалуй, тогда я бы еще рискнулъ жениться и дать тебѣ сонаслѣдника... Ха-ха-ха!.. А теперь— не бойся! Сестрѣ, Наташѣ — придется выдать ея приданое, какъ ужъ мною рѣшено. А все, что послѣ меня останется,— все тебѣ!.. Только умѣй поддержать родъ нашъ высокій... Да внучковъ мнѣ парочку заготовь, чтобы не пресѣклась линія наша, какъ самая старшая въ роду... А эту курочку... поповну?.. Мила она мнѣ, но и я ее понимаю!.. Ласкова, словно кошечка... А нѣтъ-нѣтъ, и отъ моихъ сѣдыхъ усовъ на иные, на черные, на завитые глянетъ — и заалѣетъ вся, зардѣется... Хе-хе-хе!.. Я и сейчасъ ее, куропаточку, съ парой такихъ усиковъ оставилъ, съ вѣрнымъ моимъ подручнымъ, съ бравымъ офицерикомъ. Пусть забавляется, пока

меня нѣтъ... Хе-хе-хе!.. Ея не убудетъ... А пріѣду, дѣвченка вину за собою знать будетъ, стыдъ почувствуетъ... Постарается... „*заслужить*"!.. Хе-хе-хе!.. Вотъ, ей было хорошо... и мнѣ будетъ не плохо!.. Годы молодые минули, когда дѣвушки меня за ласку любили, за поцѣлуи мои горячіе, а не за подарочки... Вотъ, какъ и тебя еще, поди, любятъ глупыя дѣвченки, благо ты такой щеголь да хорошунъ... Въ меня пошелъ, каналья... Ха-ха-ха!.. А я?.. Въ мои годы надо даже при любви и то немного политики подпущать, чтобы жилось помилѣе... Такъ ты не бойся... и меня не остерегай, поповну въ мачехи тебѣ не дамъ!..

Май насталъ. Гагаринъ появился въ новой столицѣ, но Петра здѣсь не засталъ и, ожидая его, объѣздилъ своихъ вліятельныхъ друзей: Долгорукихъ, Головкиныхъ, Шафирова, погоревалъ о смерти Апраксина и, наконецъ,—побывалъ у Меншикова, заранѣе подготовивъ себѣ добрый пріемъ у всесильнаго временщика при помощи тѣхъ же друзей и свояковъ: Шафирова и Головкина съ присными ихъ.

Меншиковъ давно ждалъ этого посѣщенія и въ чаяніи собственной выгоды, и для выполненія воли Петра, который поручилъ ему прежде принять, выслушать Гагарина, все доложить послѣ толкомъ, чтобы царь заранѣе могъ рѣшить чего достоинъ вельможа, какъ надо принять этого вліятельнаго человѣка. Обойтись ли съ нимъ по старому, дружески и съ уваженіемъ, или сокрушить громами негодованія и гнѣва?

Но прямо пригласить къ себѣ губернатора Сибири не хотѣлъ фаворитъ, чтобы это не имѣло вида искательства, не служило намекомъ на приношеніе хорошей взятки, какую, конечно, и безъ того неизбѣжно принесетъ Гагаринъ. Оба знали, что они нужны другъ другу; но хотѣли соблю-

сти извѣстныя церемоніи, оберегающія самолюбіе каждаго изъ нихъ, если только чванство, жадность и хитрость, сплетенныя въ затаенной борьбѣ — можно назвать самолюбіемъ человѣческимъ.

Послѣ перваго обмѣна привѣтствій и обычныхъ разспросовъ о здоровьи, о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ въ пути и по пріѣздѣ, Гагаринъ, въ богатѣйшемъ камзолѣ, съ лентой и орденами, въ облакѣ кружевъ, сидя передъ такимъ же, даже еще болѣе нряднымъ и пышнымъ хозяиномъ,—обратился къ Меншикову, умильно склоня на бокъ голову и мягко потирая свои пухлыя, розовыя ладони:

— А не позволишь ли, свѣтлѣйшій князь, милостивецъ и государь мой... Тамо сибирскіе поминочки по старинѣ я захватилъ съ собою... Чемоданишко невеликонькій... Только тяжеленокъ онъ... Самъ внести за собою не одолѣлъ... Ужъ прикажи своему камардину... пускай внесетъ, коли обидѣть не хочешь стараго пріятеля и любителя своего! Кланяюсь и прошу усердно! Не откажи, не обезсудь и прими подарочекъ...

— Зачѣмъ обижать, сіятельный князь, другъ и благопріятель!.. Да, слышь, боюся, не слишкомъ ли поминочки твои велики! Знаемъ мы всѣ тута подарки Гагаринскіе... И царь такъ не часто даривалъ, развѣ ужъ за какія заслуги превеликія, изъ казны государственной, не изъ персональной... Такъ ужъ...

— Такъ ужъ о чемъ и толковать, свѣтлѣйшій князь и благодѣтель! Сколько бы я ни дарилъ нашему милостивцу, —напередъ знаю: въ долгу у него останусь... О чемъ же и сумлѣваться изволишь! Чемайданчикъ нести прикажи!.. Впередъ объявлю, коли ужъ знать желаешь, что тамо... Песочекъ сибирской... Али, вѣрнѣе—бухарской да индійской, золотой...

Невольной краской удовольствія вспыхнуло лицо фаво-

рита, жаднаго и теперь, на вершинѣ почестей и богатства, какъ и во дни своего солдатства, когда Алексашка-плутъ всякими правдами и неправдами копилъ полтины и рубли, понимая, что нѣтъ силы, равной деньгамъ для тѣхъ людей, среди которыхъ закинула его судьба.

И сейчасъ, важный, величавый, залитый золотомъ, облеченный властью, почти равной могуществу вѣнчаннаго повелителя огромной страны,—свѣтлѣйшій князь Ижорскій и прочая и прочая—порозовѣлъ и оживился, услыхавъ, что лишняя горсть-другая золотого песку прибавится ко всѣмъ сокровищамъ и богатствамъ, собраннымъ въ его подвалахъ, къ тѣмъ, которыя на всякій случай помѣщены и въ заграничныхъ банкахъ...

Но сегодня еще не мало другихъ пріятныхъ неожиданностей ждало баловня фортуны, по слову Благовѣстника: „получитъ, имѣющій много, и то, что принадлежало бѣднѣйшему". А по русской народной мудрости это же выражено поговоркой: „Деньги къ деньгамъ, а короста къ лишаямъ липнетъ!.."

Больше прежняго вспыхнулъ Меншиковъ, увидавъ, что слуга съ натугой внесъ, дѣйствительно, кожанный чемоданчикъ средней величины и съ глухимъ стукомъ опустилъ его, по указанію Гагарина, на полъ у ногъ свѣтлѣйшаго.

Слуга вышелъ. Гость, позабывъ свою обычную важность и тучность, быстро наклонился, маленькимъ изящнымъ ключемъ раскрылъ чемоданъ, который внутри былъ подбитъ панцырной стальною сѣткой, откинулъ крышку, развернулъ второй, изъ мягкой кожи, покровъ въ видѣ двухъ лопастей, покрывающій содержимое чемодана. Подъ лопастями, заполняя все пространство, стояли тѣсными рядами небольшія китайскія коробочки чернаго, краснаго цвѣта и золотистыя, или серебристыя съ яркими разводами.

Одинъ за другимъ раскрылъ гость эти ящички и они

оказались до верху наполненными золотымъ, крупнымъ и мелкимъ пескомъ разныхъ оттѣнковъ, начиная отъ соломенно-желтаго до червоно-краснаго.

Рѣсницы задрожали, руки слегка заходили даже у хозяина, видавшаго на своемъ вѣку много сокровищъ, мѣшки жемчугу въ ризницахъ патріаршихъ, груды самоцвѣтовъ и ящики, мѣшки, наполненные червонцами и такимъ же золотымъ пескомъ въ сокровищницахъ царскихъ и на монетномъ дворѣ.

Тѣ сокровища только ласкали восхищенный глазъ, какъ что-то прекрасное, но далекое и чужое.

Не мало своего золота имѣлъ свѣтлѣйшій. Но оно собиралось, самое большее, — тысячами монетъ, или лотами, унцами золотаго песку. Самородки-слитки золотые тоже попадались, но не выше полуфунта... А тутъ? По самой меньшей мѣрѣ опытный глазъ корыстолюбца-вельможи опредѣлилъ вѣсъ чемодана съ его начинкой много выше полутора пудовъ. И онъ не ошибся. И восхитился, цѣня не только величину приношенія, но подумавъ и о томъ, сколько затрачено труда человѣческаго, а, пожалуй, сколько жизней загублено раньше, чѣмъ у земли было вырвано и собрано столько ея лучшей „желтой руды", или, иначе называя,—„крови" земной, потому что руда и кровь—синонимы въ русскомъ и малорусскомъ языкѣ.

А гость, довольный впечатлѣніемъ отъ дара своего, такъ просто и кротко, почти смиренно заговорилъ:

— Ужъ не взыщи, свѣтлѣйшій! Всего полтора пудика и набралось песочку этого... двухъ не вытянуло... чистаго вѣсу, безъ коробовъ, — счелъ нужнымъ вскользь отмѣтить даритель и, не давая даже времени хозяину разсыпаться въ искреннихъ выраженіяхъ благодарности и восхищенія,— онъ поспѣшно продолжалъ тѣмъ-же, умышленно-скромнымъ тономъ человѣка, не придающаго цѣны земнымъ сокровищамъ:

— Ужъ, не обезсудь! Не осуди малаго дара моего! Вѣрь, любовь и почитаніе мое къ персонѣ твоей свѣтлѣйшей много значнѣе сего приношенія тлѣннаго! А при всемъ томъ... дозволь еще, свѣтлѣйшій, челомъ тебѣ ударить... Набралося залишнихъ самоцвѣтиковъ въ ларцахъ у меня да жемчуговъ поизряднѣй, на какіе ты, подобно мнѣ самому, не малый оцѣнщикъ и любитель!.. Такъ, ужъ, благо рука размахалась,—дозволь презентовать...

— Да, што ты... да николи... да ни за што!—началъ было Меншиковъ, ненасытная жадность котораго на этотъ разъ была утолена первымъ-же, поистинѣ—царскимъ даромъ.

Но Гагаринъ зналъ, къ чему идетъ, и перебилъ его.

— Нѣтъ ужъ... потерпи ужъ... Погляди, а потомъ и осуди!.. Можетъ, и не откажешь своему вѣрному слугѣ и почитателю... соизволишь принять даръ не цѣны его ради, а за красу да за отборъ диковинный, чудесный... Вотъ, взглянуть поизволь... глазкомъ хоша единымъ...

И на темномъ бархатѣ скатерти, на краю стола, у котораго сидѣли оба,—засверкали чудные самоцвѣты, высыпанные гостемъ изъ объемистаго, мягкой кожи, бумажника, который онъ досталъ изъ внутренняго кармана своего камзола.

Самъ страстный любитель, Гагаринъ зналъ, чѣмъ взять Меншикова, тоже питающаго большую слабость къ этимъ твердымъ кусочкамъ радуги, извлекаемымъ изъ темныхъ нѣдръ молчаливой земли... Красными, зелеными искрами, казалось, загорѣлись и глаза свѣтлѣйшаго, когда лучи солнца заиграли разными огоньками на отборныхъ брильянтахъ, рубинахъ, на изумрудахъ, сапфирахъ и топазахъ, не слишкомъ крупныхъ, но чистой воды и превосходной грани. Крупный, переливчато-бѣлый жемчугъ, лежащій между ними, своей глубокой, матовой бѣлизною, нѣжнымъ блескомъ еще больше оттѣнялъ игру и сверканіе самоцвѣтовъ.

Невольно, прежде даже, чѣмъ сказать что-нибудь, —

рука Меншикова протянулась къ чудеснымъ камнямъ и безотчетно стала передвигать ихъ, соединять въ красивыя сочетанія, при чемъ потревоженные самоцвѣты заиграли новымъ, живымъ блескомъ.

— Н-ну... знаешь, князенька... Слышь, у меня и словъ не стаетъ!—вырвалось наконецъ у хозяина, дѣйствительно, почуявшаго, что духъ перехваченъ у него отъ неожиданнаго и сильнаго восторга.—Слышь, одно скажу: твой слуга и раннѣй, и теперь... и на вѣки вѣчные! Чѣмъ бы лишь отслужить, повѣдай, прикажи! Ничего не пожалѣю!..

— И, государь мой, милостивецъ! О чемъ говорить?.. По усердію я по своему и по пріятельству старинному, не для чего иного ради!.. Ужъ, повѣрь! И за старое много тебѣ благодаренъ. Выручалъ не разъ. Поди, и еще повыручишь при случаѣ изъ бѣды... Времена то нонѣ у насъ не прежнія. Царь своихъ старыхъ слугъ не больно жалѣетъ да жалуетъ... Новые напередъ тискаются, на глазахъ у царя... А хто подалѣ,—тому одни наносы вражескіе да навѣты... Первыхъ вельможъ царства изъ славнѣйшихъ родовъ и древнѣйшихъ гербовъ. вотъ,—какъ и гербы твоей же милости литовскіе, фамильные... такихъ людей отдаютъ чуть не подъ надзоръ ярыжкамъ приказнымъ, фискаламъ-доносителямъ!—не выдержавъ, началъ было Гагаринъ, но сейчасъ же сдержался и снова прежнимъ, беззаботнымъ, пріятельскимъ тономъ добраго малаго заговорилъ:

— Да. что я!. Ввалиться не поспѣлъ въ покои твои, государь мой, и ужъ о дѣлахъ волынку скушную завелъ... О бездѣлицѣ объ единой раньше рѣчь еще хочу повести...

— Что такое?—насторожась немного, спросилъ Меншиковъ. Напоминаніе Гагарина, Рюриковича, о гербахъ литовскихъ Меншикова, придуманныхъ имъ самимъ и Петромъ для болѣе полнаго возвеличенія фаворита, эта грубая лесть, пущенная гостемъ,—показалась подозрительному, самолюби-

вому выскочкѣ схожей съ затаенной насмѣшкой. И не будь тутъ-же на глазахъ его этихъ самоцвѣтовъ и чемодана съ золотомъ,—онъ даже раздумывать бы не сталъ, показалъ бы немедленно „Рюриковичу“, что время старыхъ, безполезныхъ князей, вельможъ и бояръ миновало, что сила и власть за нимъ, безроднымъ, несмотря на простое происхожденіе и сочиненный гербъ...

Но камни ярко горѣли... Чемоданъ стоялъ, раскрытый, сіяя толщей дорогого песку, и Меньшиковъ ласково, съ милой улыбкой продолжалъ слушать, что говоритъ ему гость.

А тотъ совсѣмъ неожиданно началъ:

— Слушокъ тута былъ одинъ... писали мнѣ пріятели и родичи мои... О самоцвѣтѣ красномъ, о рубинѣ индійскомъ, чуть не въ кулакъ величиною, байки баялись. И словно-бы я тотъ рубинъ у купца ли хинскаго, у казака ли разбойника силомъ отнялъ, а раннѣй по кускамъ тѣло изъ него рѣзалъ, добивался, гдѣ драгоцѣнный камень тотъ укрытъ?. Такъ-ли, милостивецъ?—глядя своими глазками въ упоръ на хозяина, спрашиваетъ Гагаринъ.

— Штой-то было,—неохотно, вынужденно отвѣчаетъ тотъ.—Да, мало ли врутъ! Нихто и вѣры не ялъ тѣмъ толкамъ сумасброднымъ... Пьянчушка-приказный...

— Который нынѣ первымъ сибирскимъ фискаломъ на Тоболескъ посланъ!—влился не безъ яду въ рѣчь хозяина Гагаринъ.—Да не о немъ рѣчь покуда... О самоцвѣтѣ потолкуемъ. Грѣха не потаю, кой-что и правда въ байкахъ тѣхъ чудачныхъ. Купецъ-плутъ везъ товары явленные, а промежду тѣмъ—и обводныхъ, запретныхъ много затаилъ, хотѣлъ провести ихъ безданно-безпошлинно! А одной пошлины съ тѣхъ товаровъ тысячъ пять, коли не весь десятокъ причиталося!...

— Ого!—вырвалось у Меншикова.

— Да! Есть такіе плуты-воры торгаши... И объѣщикъ-

казакъ то воровство смѣтилъ, товары отобралъ, словно бы въ казну ихъ, какъ надо, сдать обѣщалъ... И сдалъ кой что, да лучшее то и утаилъ, и рубинъ въ томъ комплектѣ. Купецъ съ досады и руки на себя наложихъ, только раннѣй эсаула изранилъ порядкомъ... Тотъ слегъ даже... Я про воровское дѣло свѣдалъ, казака подъ арестъ взялъ, допросить сбирался только... Не потаю, съ пристрастіемъ хотѣлъ правды искать, все было готово для пытки судебной... А эсаулъ мой съ перепугу, али отъ прежнихъ ранъ и померъ, допроса не дождавшись... Свидѣтели тому есть! Попа звали, пока онъ отходилъ... Весь цѣлехонекъ лежалъ разбойникъ, не считая ранъ своихъ старыхъ. Ни косточки еще не пощупали мои палачи у него... Ну, что дѣлать! Обмывать, хоронить надо, честь честью... Медикусъ мой, Зигмунтъ, извѣстенъ который и твоей свѣтлости, сталъ осмотръ чинить: съ чего померъ парень? Щупаетъ, слушаетъ... Глянь, жолвъ подъ мышкой, подъ рукою, твердый такой... Онъ надавилъ, а на томъ желвѣ и рубецъ свѣжій еще не зажилъ, почитай... Кожа словно разрѣзана была да потомъ зашита! Глазамъ не повѣрилъ медикусъ... Нажалъ сильнѣе—прямо камень подъ кожей... и шовъ раскрываться самъ сталъ... Нити-то стоило чикнуть ножомъ, а подъ кожей и камень искомый лежитъ! Вонъ куды отъ обыску схоронилъ его разбойникъ!...

— Ну, и народъ!—протянулъ только Меншиковъ.

— Сибирь, одно слово! Не даромъ люди такъ боятся имени того... А, вотъ, мнѣ пришлося тамъ и вѣкъ коротать для ради выгоды его величества и прибыли государственной... Но, кончу, дай... Взялъ я самоцвѣтъ. Самъ не знаю: посылать ли такое сокровище сюды?. И кому его? Царю словнобы и не годится вещь, кровью залитая... Я самъ такія рѣдкія штуки люблю... да для меня больно лакомъ кусъ!..

И рѣшилъ: никому иному тою вещью не владѣть, какъ князю Александру Даниловичу! Вотъ, получай!...

Камень, давно зажатый въ рукѣ, сразу блеснулъ въ лучахъ солнца, освобожденный отъ мягкой замшевой оболочки, въ которой лежалъ раньше въ бумажникѣ Гагарина.

Поблѣднѣлъ даже Меньшиковъ при видѣ сокровища сказочной цѣны и красоты.

— Брось... не шути, Матвѣй Петровичъ!—проговорилъ было онъ, но сразу замолчалъ, осторожно взялъ рубинъ двумя пальцами и, колебля его на солнечномъ свѣту, впивалъ взоромъ чудную игру нѣжно-пурпурныхъ, кровавыхъ лучей исходящихъ изъ камня.

— Што за чудо!... Кладъ безцѣнный! Батюшки мои... вотъ такъ самоцвѣтъ!—полушопотомъ срывалось у Меншикова. А... энто што же... знаки нарѣзные?. Печать, што ли? въ перстень царскій видно былъ вставленъ дивный камешекъ, а?. Не знаешь ли, князенька?.

— Не зналъ и самъ я, да люди научили... По-хински, по древней ихней рѣчи тутъ написано. По нашему будетъ: „Земля зоветъ“!... Заклятье, видно. Штобы камень, если и уйдетъ изъ рукъ, назадъ бы скорѣе вертался. Да, ау!... Поди, и косточки того истлѣли, хто перстнемъ и рубиномъ симъ владѣлъ! Куды ужъ ужъ ему вертаться! Пусть онъ у тебя и остается, благодѣтель, тебѣ на радость да на утѣху... Нашей старой дружбы и пріязни на вѣчное закрѣпленіе!...

Даже поклономъ съ мѣста, сидя въ своемъ креслѣ, подтвердилъ Гагаринъ свою просьбу и щедрый, безпримѣрный даръ.

Меншиковъ понималъ, что князь могъ продать камень за огромную цѣну и въ Китай, богдыхану, который тоже собиралъ рѣдкіе самоцвѣты, и какому-нибудь изъ богатыхъ западныхъ государей, поручивъ сыну эту щекотливую операцію. Наконецъ, сложивъ талисманъ въ груду семейныхъ

сокровищъ, Гагаринъ тоже не рисковалъ ничѣмъ... И свѣтлѣйшій, оцѣнивая достойно великодушіе и щедрость дарителя, выражая ему торопливо и горячо самую искреннюю благодарность, въ то же время соображалъ:

— А што же старый лукавецъ и хапунъ всесвѣтный потребуетъ отъ меня взамѣнъ столь щедрыхъ даровъ?... Ужъ не меньше, чѣмъ душу мою грѣшную... либо—равное тому!...

Но и тутъ Меншикова ждало пріятное разочарованіе.

Когда кончились взрывы и потокъ благодарностей, которыми хозяинъ осыпалъ гостя, когда рѣчь перешла на текущія новости и дѣла,—Гагаринъ, правда, оченъ внимательно выспрашивалъ фаворита: въ какомъ настроеніи Петръ, гнѣвается ли онъ на него, Гагарина?. За что гнѣвается и сильно ли?. Чего ждетъ отъ него?. Не думаетъ ли смѣнить съ губернаторства?. Есть ли претенденты и насколько они сильны?. Но и только.

Не выдавая Петра съ его секретными порученіями, данными фавориту, Меншиковъ успѣлъ сразу успокоить гостя, который, конечно, заслужилъ полнаго вниманія и поддержки. И оказать таковую Меншиковъ искренно обѣщалъ Гагарину съ первыхъ словъ.

— Есть жалобы; чай, и самъ вѣдаешъ, какія... Больше, вижу, брехня, чѣмъ правда!—сказалъ Меншиковъ между прочимъ.—Но серіознаго пока ничего! Что послали приказнаго фискалить къ тебѣ въ Сибирь, такъ о томъ не думай! Знаешь, и тутъ они, фискалы многіе водятся. И надо мною надзираютъ, не то што... А коли знаешь, гдѣ змѣя залегла,—туды лишь голой рукой не всунься... Разумѣешь, князенька!... И невредимъ проживешь!... А, вотъ, настоящая забота у царя о томъ самомъ золотѣ, какого ты груду цѣлую навезъ мнѣ, дружокъ мой сердечный!... Война, самъ знаешь, до того насъ довела, што царица свои послѣднія ожерелья, серьги да запястья отдала... Царь велитъ себѣ

не то сапоги и кафтаны чинить, а носки да рубахи носить штопанные да чиненные... Вотъ и пойми, какъ намъ этотъ самый песочекъ надобенъ, коего въ такомъ избыткѣ мнѣ ты навезъ! И то, гляди, половину самъ отъ себя я государю принесу... какъ хочетъ тамъ, взаймы, либо безъ отдачи пускай беретъ на свои корабли, да на амуницію... Ежели ему Богъ удачу пошлетъ, и намъ перепадутъ крохи какія ни есть... какъ думаешъ?...

— Золота царю надо?. Знаю, самъ знаю... Подумалъ и я о томъ еще раннѣй твоихъ словъ. Что же! Привезъ я тута кое какіе залишки съ собою... Можно дать въ счетъ будущихъ годовъ держанья Сибири... ежели меня убирать не собирается государь съ мѣста моего...

— И-и! зачѣмъ убирать!—совсѣмъ успокоительно и твердо отозвался Меншиковъ, услыхавъ главное, что денегъ Гагаринъ дастъ, и не мало,—судя по его дарамъ самому фавориту.—Управляйся себѣ тамо на здоровье, Петровичъ, коли не наскучило. Оно, што говорить! Князь Черкасскихъ Алешенька больно на старое мѣсто зарится, душой бы готовъ, радъ бы радостью. Да царь не станетъ кукушку на ястреба мѣнять! И я постараюсь,—прямо, какъ передъ Истиннымъ, говорю!. Не даровъ твоихъ ради, а по чистой совѣсти. Вижу, лучшаго правителя краю и не найти намъ съ государемъ, чѣмъ ты, князь! И породой взялъ, и не воръ, не казнокрадъ. На што тебѣ чужое, коли отъ своего—сундуки ломятся... И умомъ Господь не обидѣлъ. Много тише да лучше, какъ самъ знаю, стало въ краю съ того часу, какъ тебѣ онъ отданъ на полную власть и волю... Такъ и дальше володѣй, ежели не наскучило сидѣть въ лѣсахъ тобольскихъ съ тамошними лапушками толстоногими! Знаемъ! И мнѣ знать давали, какъ ты тамошнихъ бабъ срамишь!...

Смѣхомъ довольнымъ и громкимъ раскатились оба. Довольны другъ другомъ и гость, и хозяинъ, понимаютъ другъ

друга... И сочный смѣхъ наполняетъ высокіе покои дворца свѣтлѣйшаго.

Успокоясь, серьезнѣе заговорилъ Меншиковъ:

— Еще есть одна зацѣпка, другъ Петровичъ... Самъ виноватъ, наманилъ царя богатыми розсыпями бухарскими да Тургустанскими... И вѣритъ и не вѣритъ твоимъ доношеніямъ мой высокій камратъ... И надо то дѣло твердо постановить! Коли такъ, веди смѣло линію свою... А не такъ? Ну, што дѣлать... потерпи!... Може, и дубинушки вкусить доведется за бахвальство... за-то, что разлакомилъ, слюну вызвалъ, а вкусить не далъ куска, столь лакомаго и желаннаго... Только спина и пострадаетъ, больше ничего!

Вспыхнулъ Гагаринъ. Проходимецъ-фаворитъ явно забылся. По своей холопской мѣркѣ мѣряетъ честь и амбицію Рюриковича. Еще не ходила по его спинкѣ царская дубинка и не пройдется никогда! Лучше жалкое рубище и самая смерть, чѣмъ, залитый брильянтами и золотомъ, кафтанъ свѣтлѣйшаго, надѣтый на спину, избитую пресловутой дубинкой; чѣмъ ходить съ лицомъ, носившимъ синяки отъ карающей руки державнаго господина!...

Едва удержался гость, чтобы вслухъ не высказать свои мысли хозяину, но тотъ смѣется такъ весело, безобидно, не сознавая, конечно, всю безтактность, неоглядчивость простыхъ, солдатскихъ рѣчей.,.

И Гагаринъ сдержанно, дѣловито повелъ дальше разговоръ.

— „Такъ?.. не такъ?“.. какія тутъ рѣчи могутъ быть! Нешто и я не знаю малость нашего государя, что шутки съ нимъ плохія, ежели о дѣлѣ рѣчь пойдетъ... Все вѣрно, какъ я писалъ... Вотъ, больше половины золотаго этого песку— оттуда... Видишь, который посвѣтлѣе видомъ... Какой тебѣ присяги надо еще! А у меня и свидѣтели есть вѣрные въ томъ дѣлѣ... Какъ прослышалъ я про эти пески, - послалъ

купить ихъ по городу, у кого сколько ни найдется... Да и не повѣрилъ самимъ продавцамъ... А тутъ, какъ на счастье, пріѣхалъ въ Тоболескъ одинъ бухаретинъ знатный, Абулъ-Сеидъ-Магома, эркецкой бояринъ тамошій. По взятьи Эркетъ-города у Бухаровъ калмыками, онъ ушелъ оттоль, убивства опасаясь и крайняго раззоренія. Старый, почтенный человѣкъ. Я его призвалъ, спрашиваю, что онъ про золото знаетъ?

— И тотъ бояринъ мнѣ самъ сказалъ, что это золото подъ ихнимъ градомъ Эркетемъ въ рѣкѣ перенимаютъ въ пору половодья... А потомъ — изъ береговъ песокъ берутъ и вымываютъ его же. И пониже не мало золота на той же Амунъ-Дарьѣ рѣкѣ... Да, слышь,—пусть государь самъ тута хивинскаго посланника спроситъ... Хивинецъ долженъ о томъ дѣлѣ правду знать и все скажетъ!.. И у меня свидѣтели есть же, оберъ-камандантъ мой, Карповъ Семенъ былъ при разспросѣ, да толмачъ толмачилъ рѣчи бухаретина, мурза заможный, тобольскій житель, Сабанакъ Азбакѣевъ ево звать. Оба живы, вызвать ихъ можно, ежели ужъ государь мнѣ ни мало вѣры не иметъ!.. Ежели...

— Не тревожь себя такъ, государь мой милостивый!.. Вижу теперь, што окромя хорошаго нѣчего тебѣ и ждать отъ государя... Смѣло пріему проси у царя. Онъ теперь на Котлинѣ на острову... Я же самъ раннѣй свижусь съ нимъ и о твоей милости словечко закину отъ души! Будь въ надеждѣ! Знаемъ мы не первый годъ другъ друга... Какъ себя бы думалъ отстоять, такъ за тебя встану передъ капитаномъ нашимъ, ежели што!.. Ежели и нанесено ему въ уши... Развѣемъ, небось! А, скажи, любезный князь, какъ по твоему лучче бъ до тово золота добраться, штобы скорѣе кладомъ завладѣть?— словно случайно мимоходомъ задалъ вопросъ съ равнодушнымъ видомъ лукавый временщикъ, рѣшившій до конца использовать своего гостя.

Не чуя поставленной ловушки, Гагаринъ живо отозвался

на заданный вопросъ. Уже не мало дней въ умѣ строилъ князь всевозможные планы, которые дали бы возможность овладѣть золотоносной рѣкой и окрестными мѣстами. И съ Келецкимъ обсуждался этотъ вопросъ, и на бумагѣ излагались наиболѣе удачныя предположенія въ расчетѣ, что царь потребуетъ отъ губернатора подробныхъ его указаній и полнаго, яснаго изложенія замысловъ о захватѣ города Эркетя съ Амунъ-Дарьей рѣкой, пожелаетъ заранѣе видѣть смѣту предполагаемыхъ расходовъ и вѣдомость о числѣ людей, необходимыхъ для выполненія смѣлой задачи, сулящей огромныя выгоды впереди.

И теперь увѣренно, плавно, словно читая съ листа, заговорилъ Гагаринъ, сталъ сыпать цифрами и мудреными именами, всѣмъ, что обычно не удерживалось надолго и прочно въ усталой, облѣнившейся отъ лѣтъ и бездѣйствія, памяти вельможи.

— Какъ до золота добраться да кладомъ овладѣть?— повторилъ вопросъ Меншикова Гагаринъ, словно желая сосредоточиться на предметѣ.—И очень просто. Совсѣмъ то не мудреная вещь. Время нужно, людей, какъ водится... Да денегъ малую толику... Слушать изволь, милостивѣйшій государь, князь мой и благожелатель. Калмыцкій городъ тотъ Эркеть либо Иркеть называемый, подъ которымъ на Амунъ-Дарьѣ золото перенимаютъ,—стоитъ отъ Тары не близко. Не скорою ѣздою, сказываютъ, 12 недѣль, а либо полтретьи мѣсяца. Да еще отъ Тары до Тобольска пять дёнъ. И кочуютъ тамъ калмыки, которы прямо не пустятъ нашихъ походомъ подойти къ мѣсту къ самому. А надо городами туды помаленьку подселяться, вверхъ по Иртышу до озера идя, до Ямышева. А Калмыковъ тамо съ ихнимъ Контайшею тысячъ съ тридцать будетъ! Того ради надо отъ Ямышъ-озера степью и Каменемъ города строить и въ нихъ гварнизономъ казаковъ сажать, пока до Иркетя не досягнемъ. Чтобы городъ отъ города не болѣ,

какъ на 6-7 денъ пути лежалъ, и тамъ запасы запасать надо, провіантъ и кормъ лошадямъ и людямъ. Чтобы строить тѣ крѣпостцы и содержать ихъ, офицеровъ съ инженерами я и въ Сибири сыщу. А противъ калмыкъ надо легулярныхъ два, либо три полка держать, тыщи три людей, да уральскихъ башкиръ къ дѣлу призвать. Они конные и воевать охочи... Но отнюдь самимъ задирать калмыковъ не надобно. Опасность и трудность оттого можетъ выйти великая. А по мирному дѣлу, не военнымъ промысломъ,—гдѣ подкупомъ, гдѣ посулами одуривъ бусурмановъ, можно куды скорѣе и дешевле до дѣла дойти... А ужъ какъ станемъ твердой ногою при Эркеть-городѣ, при тѣхъ пескахъ золотыхъ,—тогда—ау! Будутъ калмыки локти грызть, да поздно!.. Такъ-то, свѣтлѣйшій князь мой!..

Снова самодовольнымъ, громкимъ смѣхомъ Гагарина огласились покои Меншикова. И хозяинъ вторитъ гостю такъ свободно, и весело. А самъ думаетъ о томъ, что сейчасъ выслушалъ отъ него. Запомнилъ дословно, словно врубилъ въ свою огромную память весь планъ, передъ нимъ развернутый, князь Ижорскій. Все теперь въ порядкѣ и можетъ хорошій докладъ сдѣлать онъ Петру о дѣлахъ Гагарина вообще, о золотѣ бухарскомъ въ особенности.

И потому совсѣмъ весело и искренно вторитъ радушный хозяинъ смѣху „дорогаго“ гостя своего, и жданнаго, и желаннаго, и прибыльнаго, къ тому же.

— Чудесно! Ужъ, такъ ли умно, быть лучше не можетъ! Ты, князь, все это на листѣ изложи, „капитану“ нашему и подашь, какъ онъ призоветъ... Онъ и резолюцію дастъ хорошую ужъ, не я буду!.. Готовься къ удіенціи, слышь!.. Умно... ловко ты сбираешься калмыковъ-то одурачить!..

И снова смѣются, заливаются оба, довольные въ душѣ, что удалось провести другого и добиться своего, чего хотѣлось передъ этимъ свиданіемъ каждому изъ нихъ.

ГЛАВА II.

У царя.

— Ко щамъ попалъ! Въ самый разъ! Добрый день, майнъ фриндъ!—громко, радостно встрѣтилъ Петръ своего любимца, когда Меншиковъ, дня три спустя послѣ посѣщенія Гагарина, появился въ Кроншлотѣ, въ новомъ небольшомъ домикѣ, занимаемомъ временно царемъ и его женой.

На столѣ, по обыкновенію, стояло все, что было приготовлено къ обѣду, и Петръ пробовалъ то одно, то другое блюдо, не соблюдая никакого порядка, обильно запивая куски своей любимой анисовкой или стопками крѣпкой мадеры, которую за послѣдніе годы особенно облюбовалъ изъ привозныхъ винъ.

Царица также радушно, тепло встрѣтила своего прежняго „господина“ и сердечнаго друга, сама подала для него приборъ и стала угощать любимыми кусочками, по старой памяти зная вкусы свѣтлѣйшаго.

У шведовъ нашелъ царь обычай: обильную закуску, „сэкса“,—ставить сразу на столъ и этотъ порядокъ онъ распространилъ на весь свой обѣдъ, если находился въ тѣсномъ, домашнемъ кругу. Парадныя трапезы, конечно, протекали обычнымъ порядкомъ съ длинной смѣной безконечнаго числа блюдъ, съ участіемъ полчища прислуги и придворныхъ, съ огромной потерей времени, чего особенно не любилъ Петръ. Мысли, планы, огромныя затѣи тѣснились въ головѣ великана-царя, и духомъ, какъ и тѣломъ большого и мощнаго. Теперь особенно, на склонѣ лѣтъ—жаль было Петру каждой минуты,

потраченной не на дѣло, не на завершеніе начинаній, которыя уже начинали давать плоды, выявляясь въ законченномъ, стройномъ видѣ.

Война со шведами, начатая почти безъ средствъ и людей, приносившая раньше только уронъ и стыдъ,—сейчасъ приняла совсѣмъ иной оборотъ... Явился флотъ, войско, неизмѣримо-сильнѣйшее по своей численности, чѣмъ отважныя, чудесно-вымуштрованныя, но малолюдныя когорты даровитаго Карла XII-го. Еще два-три послѣднихъ усилія—и осуществятся мечты Петра о морскомъ могуществѣ Россіи среди другихъ сильнѣйшихъ морскихъ державъ Европы. Открытое море и обезпеченное сообщеніе страны съ другими народами на обоихъ полушаріяхъ земли сулили Россіи быстрое развитіе внутренней жизни, хозяйственное обогащеніе и просвѣтлѣніе умственное. А Петръ какъ-то не отдѣлялъ себя отъ этой родной, ему врученной судьбою, страны и темнаго, но полнаго богатыхъ силъ, народа.

Склонный къ крайнимъ проявленіямъ во всемъ, Петръ довелъ до крайности и свою бережливость относительно „празднаго времени“. Только вечерами, а то—и цѣлыми ночами, по старому, несмотря на запреты Блументроста и другихъ „медикусовъ“,—любилъ онъ просиживать въ шумной, безшабашной компаніи своихъ сотрудниковъ и собутыльниковъ, отдавая обильную дань „Ивашкѣ Хмельницкому“... Зотовъ, князь-папа, Гедеонъ Шаховской, или иподіаконъ и самъ Петръ, именующій себя протодіакономъ,—шумѣли, пили, пѣли своими хриплыми, громовыми голосами стихари и гимны, смѣняя эти тягучіе, важные напѣвы свѣтскими, залихватскими и совершенно-непристойными пѣснями, какія поютъ матросы и солдаты, да и то—уже подъ хмелькомъ.

Сейчасъ Петръ выглядѣлъ очень неважно послѣ такой вчерашней пирушки, сидѣлъ хмурый, съ пожелтѣлымъ лицомъ, а мѣшки подъ глазами особенно вздулись и отвисли. Но при-

ходъ Меншикова его оживилъ. Покончивъ съ ѣдой, дымя трубкой, потягивая вино, торопливо началъ царь дѣлиться со своимъ умнымъ и чуткимъ либимцемъ успѣхами по снаряженію флота, новыми соображеніями и планами, пришедшими въ голову за время ихъ разлуки, помянулъ, какъ „усердно было пито вчерась“ во здравіе свѣтлѣйшаго князя Ижоры и какъ сожалѣли всѣ объ отсутствіи „Данилыча“...

Данилычъ въ свою очередь, также съ трубкою въ зубахъ, сжато, но подробно доложилъ царю обо всемъ, что дѣлается въ сухопутной арміи, ввѣренной ему; что слышно по царству изъ донесеній, пришедшихъ въ Сенатъ; какъ и чѣмъ волнуется любимый „Парадизъ“ царя, новая столица. Были переданы поклоны отъ жены Меньшикова царицѣ и царю, помянули и сестеръ ея, веселыхъ дѣвицъ Арсеньевыхъ.

— Да, а что Гагаринъ-плутъ?—внезапно вспомнилъ царь:—Видѣлъ ты его? Былъ онъ у тебя? Или прячется, каналья...

— Былъ, былъ, какъ же!—поспѣшно отозвался Меншиковъ, только и ожидавшій этого вопроса, чтобы не первому завести рѣчь о сибирскомъ губернаторѣ и не пробудить подозрѣній въ царѣ такой поспѣшностью.—Долгонько сидѣлъ, докладывалъ все обстоятельство... И дары принесъ изрядные!..

— Да!.. Ха-ха-ха!.. Тебѣ первому ужъ попало отъ этого вора, казны народной расхитителя. Значитъ, вѣрно, грабитъ онъ тамъ въ свою волю, тянетъ не хуже иныхъ, на кого ополчался въ прежніе годы передо мною?.. А?.. Наживается по малости!

— Ну, нѣтъ, господинъ мой полковникъ! Далеко не по малости! Такъ цапаетъ, какъ, поди и не снилося тебѣ, ни мнѣ, хотя знаемъ мы обычаи правителей нашихъ россійскихъ самые безпардонные, когда они къ денежному ларю припущены

бываютъ!.. Такъ думается, что всѣхъ ихъ князенька нашъ перетакáлъ!..

— Ну!.. Быть ли можетъ, майнъ херценкиндъ! Слышь, и для большаго грабежу большой умъ надобенъ, а, сдается, у нашего Матюши только и были, что длинныя уши...

— Да руки загребущія, да глаза завидущіе... И того довольно, особливо въ Сибири, гдѣ отъ очей твоихъ далеко, господинъ полковникъ. Онъ тамо, слышь, самъ про себя такъ выражаетъ, коли хто ему перечить пытается: „Слова пикнуть не смѣть! Коли я приказалъ, такъ и быть должно! Я вамъ царь и Богъ!"...

— Ого-го! Вонъ ужъ куды полѣзъ князенька... Значитъ, все правду донесъ рябой каналья, котораго я фискалить въ Сибирь послалъ. Тогда остается...

— Еще много остается чево, господинъ полковникъ! Дай досказать. Я и самъ не думалъ, не больно вѣрилъ шпыню—Нестерову. Да какъ пришелъ ко мнѣ князенька, да высыпалъ мнѣ на столъ чуть не съ полпуда песку золотого... да еще тамъ, камней самоцвѣтныхъ штукъ нѣсколько... А взамѣнъ и просить почитай ничего не сталъ, только бы я у тебя постарался, чтобы съ мѣста ево не ворошили... Тутъ я и понялъ, сколько самъ онъ загребаетъ, ежели мнѣ могъ такую прорву удѣлить!.. Да, мнѣ ли одному? Слышно, и на Москвѣ, и здѣсь всѣхъ уже дружковъ объѣздилъ, какъ и меня, тоже не съ пустыми руками... И Шафирова, и Долгорукова, Якова и Головкина, и... Да, самъ знаешь... Имена ихъ, Господи, Ты же вѣси... Вотъ, и раскинь умомъ своимъ, государь мой: откуда все это хапнуто?..

— Да-а!.. Ну, ну, продолжай... А какъ на счетъ того самаго песку золотаго, которымъ онъ тебя посыпалъ?.. Что сказывалъ мой „честный" губернаторъ, а?

— А это онъ не совралъ. Дѣло хорошее, вѣрное. И путь намъ даже указалъ, какъ ты можешь его доношенія тутъ,

въ Питербурхѣ провѣрить. Сказываетъ, у хивинскаго посла можешь въ полной мѣрѣ о томъ золотѣ объ эркетскомъ довѣдаться. И какъ взять его, тоже указалъ.

Подробно, почти слово въ слово повторилъ фаворитъ царю все, что говорилъ ему Гагаринъ.

— Гм... а дѣло то не такъ просто выходитъ, какъ я полагалъ! — послѣ нѣкотораго раздумья проговорилъ царь, окруженный облаками табачнаго дыма.—Сразу судить и убрать его теперь какъ бы и не къ рукѣ... Пока онъ службы не сослужилъ начатой, этихъ розсыпей касаемой...

— И мнѣ такъ мыслится! — осторожно подалъ голосъ любимецъ, умѣющій не только читать въ мысляхъ друга и повелителя своего, но и направлять ихъ незамѣтно, какъ ему это требуется.—Да еще иныя есть причины, коли сказать дозволишь, господинъ полковникъ.

— Ну, ну...

— Первое дѣло, стоило мнѣ заикнуться о взносѣ откупномъ за будущій годъ, а ужъ самъ князь не то согласился, но и отъ себя пожелалъ сумму изрядную внести на расходы твои, на военные... По доброй волѣ, безъ моего настоянія...

— Да-а? Оно, положимъ, Гагаринъ,—не то што наемный австріякъ, вонъ, какъ маршалъ Огильви, голоштанный, только и знающій, что денежки тянуть!.. Своихъ много капиталовъ у князя. Кабы не жадность его,—могъ бы и безъ грѣха прожить... Ну, да это не важно... Дальше говори, что хотѣлъ. Вижу, не кончилъ еще.

— Не кончилъ, да немного осталось. Какъ я ево пощупалъ,—грѣхи за нимъ еще не больно велики числятся... И даже ежели раскопать ихъ,—не великой кары онъ достоинъ; конечно, по-Божески судя, коли помнить, что одинъ человѣкъ только не воруетъ у насъ на Руси,—ты, мой господинъ

полковникъ... Да и то по причинѣ хорошей: можешь рукою властной брать открыто, сколько есть въ казнѣ...

— Счастье твое, Алексашка, что ты и себя не обошелъ, и себя выключилъ изъ моей компаніи на сей разъ, о безкорыстіи говоря. Люблю молодца за обычай: правду умѣетъ сказать, хотя бы и себѣ не сладкую. Такъ, ты думаешь, что рано князя потрошить?

— Совсѣмъ не пора! Онъ, видимое дѣло, сильнѣе черпнулъ, чѣмъ иные, Сибирь свою зная. Такъ и дѣлиться награбленнымъ не прочь. Другого посадишь, онъ меньше воровать самъ станетъ, а по рукамъ мелкихъ казнокрадовъ будетъ расплываться добро народное, какъ и донынѣ было... Такъ я полагаю. Было одно дѣло темное съ камнемъ дорогимъ, самоцвѣтомъ рѣдкимъ. Такъ и то онъ раскрылъ мнѣ.

— Раскрылъ! Что жъ ты не началъ съ этого? Я столько слыхалъ объ амулетѣ диковиномъ... Что съ нимъ, гдѣ онъ!?.

— Здѣсь! Вотъ онъ!

Доставъ изъ камзола шелковый платочекъ, Меншиковъ развернулъ его и осторожно опустивъ на столъ рубинъ, лежащій въ гнѣздѣ мягкой ткани, обратился къ Екатеринѣ, которая, убирая въ шкапъ лишнюю посуду, издали внимательно прислушивалась къ бесѣдѣ.

— Приглядись и ты, царица-матушка. Вещь рѣдкая.

Та подошла, взглянула и, всплеснувъ руками, замерла отъ восторга, только вскрикнуть успѣла негромко:

— Матерь Божія, да это же...

Залюбовался и Петръ чуднымъ камнемъ.

— Вещь рѣдкая! Меньше куды, чѣмъ этотъ приказный вралъ... Но и такихъ рубиновъ ни у себя въ сокровищахъ, ни у чужихъ потентатовъ я не видывалъ... И этотъ камень Гагаринъ?..

— Мнѣ подарилъ. Тебѣ не рѣшился, потому... кровью,

будто бы онъ былъ замаранъ. А мнѣ—и такъ сойдетъ!—со смѣхомъ заявилъ Меншиковъ.

— Счастливъ ты, Алексашка!.. Мы искали, а ты нашелъ!.. Добро... Да еще принесъ похвастать ворованнымъ добромъ... Да, ты что нынче?.. Сдается и не пьянъ, а сердить меня хо...

— Помилосердуй, господинъ полковникъ! Что такъ скоро. Вымолвить дай! Дуракъ ли я, чтобы принести тебѣ такую вещь на показъ? Хотѣлъ бы себѣ оставить, никому бы тогда ни слова! И тебѣ бы не сказалъ. А принесъ я амулетъ сей... ужъ, не посѣтуй, не тебѣ. Царицѣ нашей матушкѣ хочу челомъ ударить этой диковиной! Прими, госпожа полковница! Носи да красуйся нашему „баасу“-хозяину на радость, всему царству на утѣшеніе!..

Всталъ, съ поклономъ подалъ рубинъ Екатеринѣ находчивый фаворитъ.

Та зардѣлась вся отъ радости, но стоитъ въ нерѣшимости: брать, или не брать? То на Петра, то на дивный самоцвѣтъ поглядываетъ, грудь высокая сильно, порывисто вздымается, глаза горятъ. Прекрасна стала въ этотъ мигъ женщина, обычно очень привлекательная, но далеко не красавица.

— Бери, бери, что ужъ!—довольнымъ, ласковымъ тономъ отозвался мужъ на безмолвный вопросъ жены. — Видишь, Богъ не оставляетъ людскихъ дѣлъ безъ оплаты, ни дурныхъ, ни хорошихъ. Не пожалѣла ты, въ осадѣ Прутской сидючи, для моего для выкупа своихъ белендрясовъ и цацъ, которыя для васъ, для бабъ—всево дороже. А тутъ тебѣ изъ Сибири, вѣрнѣе изъ царства Индійскаго — вотъ какой камешекъ Фортуна посылаетъ, что ни у одной монархини такого нѣтъ и въ коронѣ, не то на ожерельяхъ!.. Бери да благодарность сказывай камрату. Поцѣловать даже слѣдуетъ за такой даръ...

Растерянно лепеча благодарность, низко поклонилась Екатерина фавориту, три громкихъ, сочныхъ поцѣлуя прозвучали въ столовой и бывшая Маріенбургская плѣнница, зажавъ рубинъ въ рукѣ, быстро вышла, словно опасаясь, чтобы не передумали, не отняли у нея это сказочное сокровище...

Громкій, веселый хохотъ обоихъ друзей проводилъ осчастливленную женщину.

— Инъ, добро! Такъ и будетъ! — рѣшилъ Петръ.— Погодимъ съ нашимъ губернаторомъ. Ты вѣрно говорилъ. А я и еще вижу помѣхи этому дѣлу. Теперь, когда руки у меня войною связаны, тронешь одного изъ вельможныхъ казнокрадовъ, — всѣ другіе всполошатся, за себя опасаясь. Бучу подымутъ... Гляди, придется и отступать, пока не свободенъ я... А тамъ, какъ полегче станетъ, тогда поглядимъ. Пусть пока владѣетъ Сибирью да намъ больше денегъ несетъ, хоть прямыхъ, хоть ворованныхъ, лѣшій его возьми!..

— Вѣрное слово, господинъ полковникъ. А къ тому часу,—гляди, и новыя вины, грѣхи потяжелѣ этого камня накопятся у князеньки. Того камня не свалитъ онъ съ души своей, какъ этотъ свалилъ черезъ мои руки въ руки царицы-матушки!—довольный своей шуткой, снова разсмѣялся Меншиковъ. — Ужъ тогда ничья заступка ему не поможетъ. Стоитъ щуку въ воду пустить, да волю дать... а жалобъ потомъ на нее не оберешься... Тутъ ее и ловить, кормленую, жирную, да на столъ!..

— Жирную, на столъ!.. Ловко!.. Ну, пускай пока „кормится“! Ха-ха-ха! — поддержалъ любимца Петръ.— Всему, значитъ, своя пора! Тетеревовъ бьютъ по осени; а сибирскихъ губернаторовъ судятъ, прежде имъ время накуралесить давъ! Умно... Только, какъ же съ золотомъ съ песочнымъ? Не ему же все дѣло на волю сдать, не пустить же

мышь въ закрома!.. Вотъ я какъ мыслю: пускай онъ явится, доложитъ мнѣ... и письменную реляцію сдѣлаетъ... Я ему пока ничего не скажу... Пускай старается, дѣло налаживаетъ, какъ онъ тамъ лучше думаетъ... А мы тутъ подыщемъ добраго служаку, офицера вѣрнаго и пошлемъ дѣло вершить... Такъ и будетъ! — самъ одобривъ себя, закончилъ Петръ, тряхнувъ своей тяжелой, большой головой.

И снова бесѣда пошла задушевная, дружеская между царемъ и любимцемъ о разныхъ большихъ и малыхъ дѣлахъ. Особенно жалуется Петръ на единственнаго сына и наслѣдника престола. Слишкомъ не пригоденъ онъ для той важной роли, какую готовитъ ему судьба.

— Умру я—заплачетъ земля! Можетъ, хуже стараго будетъ при сынкѣ при моемъ, при любезномъ! —тоскливо вырвалось у огорченнаго царя и отца.—Что и подѣлать, не знаю! И хворый онъ тѣломъ... И умомъ плохъ... А воли на доброэ вовсе нѣту, только на плохое! Хоть и взаправду чужого призвать наслѣдника, австрійскаго, что ли прынца приходится... Лучше чужой да хорошій, чѣмъ свой да плохой!..

Сказалъ, и ждетъ, что скажетъ на это любимецъ, чутью котораго во многихъ важнѣйшихъ дѣлахъ довѣряетъ Петръ.

Меншиковъ уже не разъ слышалъ подобный вопросъ. И никогда откровеннаго отвѣта не даетъ на него. Совсѣмъ безнадеженъ по его мнѣнію Алексѣй-царевичъ. Но умный царедворецъ знаетъ своего повелителя, знаетъ, какъ сильно, хотя и затаенно любитъ отецъ безпутнаго, неудачнаго сына своего, хотя и суровъ съ нимъ по виду.

И живо отозвался теперь, какъ и всегда, осторожный фаворитъ:

— Э-эхъ, господинъ, другъ мой, полковникъ! Зачѣмъ такъ поспѣшно столь важное, неизмѣримо-великое дѣло рѣшать хочешь! Подумай, можетъ, ежели бы у тебя былъ

такой прославленный, мудрый и могучій отецъ, какъ у нашего царевича... Можетъ, и ты бы до своего совершеннаго возраста одно и дѣлалъ, что баклуши билъ бы, вѣдая, что и безъ тебя все ладно будетъ въ царствѣ, што отецъ тебѣ изрядное наслѣдье оставитъ: державу міровую и казну, и славу, и слугъ надежныхъ, кои помогутъ юному государю первое время нести бремя правленія... А какъ росъ ты сиротою, самъ долженъ былъ чуть не хлѣбъ свой снискивать, али бо жизнь свою боронить отъ злодѣевъ, вотъ и выросъ до сроку готовымъ мужемъ, когда иные принцы со своими фрелинами въ щупаки играютъ... Вина ли то царевича, что послалъ ему Богъ отца великаго, а силы малыя!.. Побереги свою кровь, гей, господинъ полковникъ! Какъ передъ Богомъ тебѣ истиннымъ говорю, что душа мнѣ велитъ... Жалѣй его и жди!.. Еще и ты поживешь, и онъ подростетъ, поумнѣетъ... Времени много впереди... А оно, время—и тебя самого умнѣе, государь мой! Ужъ, не взыщи за правду-матку.

Ничего не отвѣтилъ отецъ, глубоко порадованный всѣмъ, что услышалъ отъ своего умнаго наперстника, всталъ, притянулъ къ себѣ голову Меншикова, крѣпко поцѣловалъ и, потянувшись, спокойно проговорилъ:

— Добро, потолковали! Ступай, погляди, что у меня тутъ творится... А я сосну съ полчасика. Работы еще много нынче предстоитъ...

---

22 мая, чуть че на разсвѣтѣ высадился Гагаринъ на островѣ Котлинѣ, куда царь назначилъ ему явиться на пріемъ.

Пробираясь между свертками смоляныхъ канатовъ, между бочками, тюками, остатками лѣсу и балокъ, еще не убранными съ набережной куда слѣдуетъ послѣ ремонта и нагрузки

кораблей,—очутился, наконецъ, князь у цѣли и вошелъ въ горницу, гдѣ Петръ сидѣлъ за морскими картами, въ сотый разъ обдумывая свои предстоящіе планы и пути. Онъ былъ одинъ. Царица, и здѣсь неразлучная съ мужемъ, еще спала.

Ласково принялъ губернатора-намѣстника Петръ, по старому, дружески, сталъ бесѣдовать, внимательно выслушалъ докладъ, задалъ нѣсколько вопросовъ, прямо задѣвающихъ самую суть дѣла, быстро прочелъ письменный докладъ о золотѣ яркендскомъ, подумалъ немного и тутъ же своимъ крупнымъ, тяжелымъ почеркомъ набросалъ нѣсколько строкъ резолюціи.

Насторожившійся Гагаринъ изъ-подъ руки, твердо-выводящей черту за чертой, читалъ слово за словомъ эту резолюцію, гласившую такъ:

„Построить городъ у Ямышъ-озера, а буде мочно — и выше. А построя ту крѣпость, искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ, пока лодки пройти могутъ, и оттого итти далѣе до города Эркети и онымъ искать оного дѣла. Для сего опредѣлить 2000, или по нуждѣ полторы. Также сыскать изъ шведовъ нѣсколко человѣкъ, хотя года на три, которые умѣютъ инженерства, артилеріи; также кои хотя мало умѣютъ около минераловъ; также и афицеровъ нѣсколко, однако-жъ, чтобъ ихъ было не болѣе трети противъ своихъ. Маіа въ 22 день 1714 года. На Котлиномъ острову“ [1]).

По мѣрѣ чтенія прояснялось лицо князя, явно озабоченное до того времени.

— Бери, подай въ Сенатѣ твой докладъ и пусть учинятъ по сему!—подвигая Гагарину листъ, проговорилъ Петръ, невольно улыбаясь тому, какъ прояснилось лицо Гагарина, который благоговѣйно посыпалъ пескомъ желанную резолю-

---

[1]) См. «Памятники Сибирской исторіи XVIII в.», т. II, № 39, стр. 135.

цію, тщательно сложилъ бумагу и спряталъ ее бережно въ боковой карманъ камзола.

И князь, видя, что вся гроза минула и дѣло идетъ какъ нельзя лучше, совсѣмъ просіялъ лицомъ и душою, свободнѣе заговорилъ съ государемъ.

Плата откупная за годъ впередъ, вносимая губернаторомъ, и личный даръ его, тоже довольно-значительный, были приняты самымъ милостивымъ образомъ, даже поцѣловалъ его Петръ и назвалъ добрымъ другомъ и вѣрнымъ слугою царя и отечества. Царица встала, между тѣмъ, и Гагаринъ былъ приглашенъ раздѣлить раннюю трапезу царя и царицы.

Обласканный, осчастливленный, онъ уѣхалъ, съ облегченнымъ сердцемъ и не менѣе — легкимъ, крѣпкимъ, дубовымъ, окованнымъ сундукомъ, который изъ Сибири ѣхалъ биткомъ набитый золотомъ...

Веселый, возбужденный, развернувъ передъ Келецкимъ резолюцію, князь ему въ десятый разъ повторялъ:

— Твоя правда была!.. Бояться еще нечего! Меншиковъ хорошо помогъ! Вишь, резолюція какая! Все по моему! Мнѣ дается воля афицеровъ брать, своихъ и шведовъ, и полки сбирать... И, видишь: на три года шведовъ тѣхъ подряжать надо! Понимаетъ государь, что затѣя эта не малая, не быстротечная! И ужъ коли плѣннымъ шведамъ терминъ на три года положенъ и упроченъ, ужели я на этотъ же срокъ полагаться не могу, что не тронутъ и меня!.. Ха-ха-ха!.. А за эти три года... мало ли что!.. И я могу помереть, и...

Остановился, не договорилъ Гагаринъ. Понимаетъ его секретарь и безъ лишнихъ словъ. И, тоже довольный, потирая свои тонкіе пальцы, смѣется негромко:

— Хе-хе-хе!.. Да, вельможный пане ксенже!.. Заставилъ-таки мой панъ эту распутницу-Фортуну пану яснѣйшему глазками щурить да улыбнуться помилѣе!..

— Заставилъ, да!.. Но,—внезапно отуманясь, съ глубокимъ вздохомъ совсѣмъ иначе проговорилъ скупой князь:— но—сколько это стоило! За такую уйму золота и любая честная богиня, либо земная женщина и больше бы дала, чѣмъ одну улыбку. Поглядимъ, что еще будетъ. А пока— радоваться надо, твоя правда, Зигмундъ!..

И ликовалъ Гагаринъ, несмотря на досадныя мысли о томъ, какой дорогою цѣною досталась новая удача.

Онъ не зналъ, что въ тотъ же день подписалъ Петръ и отдалъ своему ординарцу, подполковнику Ивану Дмитріевичу Бухгольцу, другую бумагу, заранѣе приготовленную. Вотъ ея полный текстъ [1]):

„Указъ подполковнику, господину Бухалту. Понеже доносилъ намъ сибирскій губернаторъ, господинъ князь Гагаринъ, что въ Сибири близъ калмыцкаго города Еркета, на рѣкѣ Дарьѣ, промышляютъ песочное золото.

1. Для того ѣхать тебѣ въ Тоболскъ и взять тамъ у помянутаго господина губернатора 1500 человѣкъ воинскихъ людей и съ ними итить на Ямышъ-озеро, гдѣ велѣно дѣлать городъ. И, пришедъ къ тому мѣсту, помянутыхъ людей въ той новостроенной крѣпости и около ее, гдѣ возможно, розставить на зимовье, для того, чтобъ на будущую весну паки возможно было скоряя съ тѣми людьми собравшись итить далѣе къ помянутому городку Еркету.

2. И какъ на будущую весну собравшись съ тѣми людьми пойдете отъ Ямыша къ Иркетю, то накрѣпко смотрите того, чтобъ дорогою итить такою, гдѣ бъ была для людей выгода. Также въ нѣкоторыхъ удобныхъ мѣстахъ, а имянно при рѣкахъ и при лѣсахъ, дѣлать редуты для складки провіанту и для камуникацій и чтобъ редутъ отъ редута разстояніемъ болше не былъ, какъ дней по шести или по

---

1) См. «Памятники Сибирской исторіи», т. II, № 11, стр. 35–36.

недѣли времени отъ одного къ другому было на проходъ, и въ тѣхъ редутахъ оставливать по нѣсколку людей по своему разсмотрѣнію.

3. А когда Богъ поможетъ до Еркета дойтить, тогда трудитца тотъ городокъ достать. И какъ онымъ, съ помощію Божіею, овладѣете, то оный укрѣпить. И провѣдайте подлинно, какимъ образомъ и въ которыхъ мѣстахъ по Дарьѣ рѣкѣ тамошніе жители золото промышляли.

4. Потомъ также старатца провѣдать о устьѣ помянутой Дарьи рѣки, куды оная устьемъ своимъ вышла.

5. Сыскать нѣсколько человѣкъ изъ Шведовъ, которые искусныи инженерству, артилеріи и которыя въ минералѣхъ разумѣютъ, которыхъ съ воли губернаторской взять. Также и въ протчемъ во всемъ дѣлать съ воли и совѣту губернаторского.

6. Протчее поступать, какъ доброму и честному человѣку надлежитъ во исполненіе сего интересу по мѣсту и коньюнктурамъ.

У сего—приписано собственною царскаго величества рукою:

„На галерѣ святыя Наталіи, въ день 22 маіа, 1714. Петръ".

Дней черезъ пять явился къ Гагарину первый оберъ-полицеймейстеръ новой столицы, Девіеръ, сынъ португальскаго еврея, поселившагося въ Россіи, гдѣ онъ и его потомки нашли свое счастіе.

Сверкая своими красивыми, восточными глазами, пріятно улыбаясь и изгибаясь полнымъ, но стройнымъ станомъ, затянутымъ въ военный мундиръ, посланный Петра поздравилъ Гагарина съ благополучнымъ прибытіемъ въ „Парадизъ" и сообщилъ, что царь на нѣсколько часовъ пріѣхалъ сюда, желая проводить домой Екатерину и здѣсь проститься съ нею передъ

отплытіемъ въ море. Гагарина-же немедленно приглашаетъ къ себѣ поговорить объ дѣлахъ, губернатору извѣстныхъ.

Всполошился опять, встревожился Гагаринъ и сильно билось у него сердце всю дорогу до маленькаго дворца въ Лѣтнемъ саду, гдѣ находилась царская чета.

Здѣсь Петръ показалъ князю копію съ указа, даннаго Бухгольцу, и объяснилъ, что посылаетъ особаго человѣка для выполненія важнаго дѣла, только желая облегчить самого намѣстника Сибири, у котораго и такъ дѣлъ не мало... Но Бухгольцу приказано подчиняться Гагарину, ничего не дѣлать безъ его совѣтовъ, а князя проситъ царь—помогать подполковнику не только по буквѣ указа, писаннаго наскоро, но во всей полнотѣ собственнаго разумѣнія и доброжелательства къ самому Петру и къ родинѣ, которой многія выгоды предстоятъ отъ удачнаго исхода этой экспедиціи.

Подполковнику велѣно ѣхать немедленно, но онъ раньше долженъ явиться къ Гагарину, получить подробныя наставленія и необходимыя полномочія, чтобы въ Тобольскѣ въ отсутствіе Гагарина не затормозилось какъ-нибудь это важное и срочное дѣло.

Гагаринъ разсыпался въ обѣщаніяхъ и клятвахъ: душу положить, только было бы все сдѣлано по мысли государя! А въ душѣ твердо и безповоротно рѣшилъ: во что бы то ни стало помѣшать Бухгольцу успѣшно выполнить данное ему порученіе.

Улыбка преданности и умиленія, съ которою слушалъ Гагаринъ Петра, съ которою вышелъ отъ него,—сразу смѣнилась гримасой бѣшеной ярости, едва князь очутился одинъ въ своей каретѣ.

Онъ—открылъ розсыпи, задумалъ дѣло, составилъ подробный, прекрасный планъ... А этотъ планъ у него украли, посылаютъ другого человѣка, независимо отъ князя,—выполнить блестящую затѣю. Гагаринъ будетъ лишенъ и славы,

и выгодъ, какія уже улыбались ему, если бы такъ грубо не вырвали у него изъ рукъ дѣла, созданнаго имъ-же!..

И Меншиковъ хорошъ! Вызналъ планъ—и Бухгольцу въ указѣ буквально поручено все, что намѣтилъ сдѣлать самъ Гагаринъ!

Отъ злости багровѣлъ толстякъ, колотилъ кулаками по упругимъ подушкамъ сидѣнья кареты, царапалъ ногтями плотную, шелковую обивку, топалъ ногами, такъ, что едва не выбилъ дна въ экипажѣ. Но всѣ эти порывы дали выходъ ярости, наполняющей грудь князя, и домой онъ прибылъ значительно успокоенный, даже былъ въ состояніи обсуждать вмѣстѣ съ Келецкимъ, неожиданно-создавшійся, новый порядокъ вещей.

Умный совѣтникъ постарался успокоить князя, примирить его съ совершившимся событіемъ, указавъ на выгодныя стороны этого неожиданнаго вмѣшательства въ золотые планы Гагарина.

— Ясновельможный князь правъ, вещь неслыханная! Предательство низкое!—вторилъ сначала ему Келецкій, а послѣ въ иномъ совершенно направленіи повелъ свою журчащую, баюкающую рѣчь.

— А ежели подумать,—по-французски продолжалъ секретарь,—изъ этой непріятности можно тоже извлечь не мало утѣшенія и добра! Первое: теперь и Меншиковъ и самъ царь долженъ чувствовать себя немного виноватымъ передъ вашимъ сіятельствомъ. Это далеко не безполезно. Второе, Бухгольцу для виду, конечно, придется помогать... но...

Эта остановка сказала Гагарину, что и секретарь отлично понимаетъ, какъ легко будетъ помѣшать непріятному человѣку въ его работѣ...

— Ну, хорошо!—почти успокоясь, заговорилъ князь:—этого сплавимъ; а намъ другого пришлютъ...

— Не поспѣютъ... Постарается ваше сіятельство,—и дѣло

будетъ сдѣлано безъ чужихъ рукъ... И всѣ выгоды будутъ таки у васъ, ни у кого болѣе... А, между тѣмъ, подъ знакомъ этой экспедиціи—многое возможно осуществить въ смыслѣ вербовки полковъ, сбора провіанта и фуража, запасовъ амуниціи и боевыхъ снарядовъ... Словомъ, всего, что такъ необходимо имѣть на всякій случай. Царь не молодъ и здоровьемъ плохъ... Самъ князь говорилъ, что въ послѣднее свиданіе на Котлинѣ онъ выглядѣлъ очень плохо... Кто знаетъ?..

— Ничего никто не знаетъ!—перебилъ Гагаринъ.— Его и самъ... Богъ не разберетъ. Сегодня бы ты его видѣлъ! Глаза сверкаютъ, лицо загорѣлое... говоритъ, какъ топоромъ рубитъ, по горницѣ шагаетъ,—полъ дрожитъ! Онъ и меня, и тебя, и всѣхъ переживетъ еще!.. И ждать этого нечего намъ, пожалуй...

— А этого не дождемся,—можетъ, что иное подойдетъ! Неспокойно и здѣсь... А тамъ, въ вашей Сибири, князь... такое можетъ подняться, что онъ и самъ будетъ радъ отказаться отъ дикихъ краевъ, гдѣ только мятежи и рѣзня...

— Не откажется. Онъ тоже знаетъ, какія богатства даетъ этотъ край...

— Ну, такъ не будемъ и гадать... Надо дѣлать, какъ для себя лучше... А тамъ—судьба дастъ послѣдній приказъ!.. Пока—нѣтъ ничего тревожнаго на горизонтѣ. Приняли васъ хорошо, угрозъ никакихъ... Вы по старому—хозяинъ у себя на губернаторствѣ... А этотъ подполковникъ?.. Вы, конечно, и сами знаете, какъ надо быть съ нимъ..,

— Ну, еще бы! Не учить ли меня хочешь!—съ неожиданнымъ жестомъ высокомѣрія кинулъ своему совѣтнику Гагаринъ.—Я ужъ не ребенокъ...

И, дѣйствительно, когда Бухгольцъ въ тотъ же день явился къ Гагарину просить указаній по дѣлу и вѣрительныхъ грамотъ къ тобольскимъ властямъ, князь принялъ его очень любезно, ласково, надавалъ кучу совѣтовъ, написалъ

указъ новому коменданту Тобольска, Трауернихту, который смѣнилъ больного Карпова, чтобы тотъ исполнялъ все по указу, данному Бухгольцу. Далъ приказъ въ Москву, чтобы изъ сибирской казны выплатили прогоны на дорогу ему и его спутникамъ...

Подполковникъ ушелъ очарованный и въ ту же ночь поскакалъ въ Москву и дальше, спѣша въ далекую, незнакомую ему Сибирь за новымъ „золотымъ руномъ“ и славой. И не зналъ онъ, что вмѣстѣ съ нимъ, даже опередя его,—понеслись частныя письма и приказы Гагарина: какъ можно меньше спѣшить съ дѣломъ снаряженія отряда и ждать пріѣзда Гагарина, въ то же время не открывая Бухгольцу этой всей махинаціи.

Слѣдомъ за подполковникомъ выѣхалъ и самъ Гагаринъ въ Москву, гдѣ у него были еще служебныя дѣла и хлопоты по сбыту собственныхъ товаровъ, привезенныхъ цѣлымъ обозомъ и назначенныхъ для отправки въ Гамбургъ и на другіе рынки Европы.

ГЛАВА III.

Походъ Бухгольца.

Взявъ назначенныхъ ему отъ Петра 8 человѣкъ сержантовъ и солдатъ-преображенцевъ въ самомъ концѣ іюня выѣхалъ Бухгольцъ въ Москву, гдѣ задержался довольно долго, пока изъ военной канцеляріи прикомандировали къ нему необходимый штатъ офицеровъ: одного маіора, двухъ капитановъ, двухъ поручиковъ и двухъ прапорщиковъ. Гагаринъ, въ „Парадизѣ“ уже сдѣлавшій распоряженіе о вы-

дачѣ ему прогоновъ до Москвы на 20 лошадей, въ Москвѣ, по своемъ пріѣздѣ—принялъ Бухгольца и далъ ордера на полученіе дальнѣйшихъ подъемныхъ денегъ изъ доходовъ Сибирскаго Приказа, всего 500 рублей на весь путь до Тобольска и на первое время жизни въ этомъ городѣ. Было еще выдано ему съ офецерами 200 ведеръ „простого вина", которое они тутъ же, конечно, продали съ уступкой, за 200, вмѣсто 240 рублей, считая казенную цѣну въ 1 р. 20 копеекъ.

Въ августѣ лишь, воднымъ путемъ тронулся изъ Москвы со своимъ штабомъ Бухгольцъ, добрался такъ до Чусовой, а оттуда уже лошадьми поѣхалъ и прибылъ въ Тобольскъ только 13 ноября, того же 1714 года. Здѣсь, въ ожиданіи Гагарина, онъ и его спутники прожили до 10 января, 1715 года „безъ команды", какъ потомъ писалъ онъ царю. Наконецъ, явился губернаторъ, успѣвшій въ Петербургѣ и, особенно, въ Москвѣ закончить всѣ свои служебныя и личныя дѣла. Тогда только походъ за золотымъ пескомъ сталъ какъ будто налаживаться понемногу.

По крайнѣй мѣрѣ, Гагаринъ и всѣ, окружающіе его, чиновники, приказные, военныя власти Тобольска и другихъ городовъ выражали въ бумагахъ и лично полную готовность выполнять волю Петра и сдѣлать все, чего хотѣлъ Бухгольцъ. Но, непонятнымъ образомъ, самые удачно зачатые шаги, самыя рѣшительныя и обдуманныя мѣры—оканчивались неудачей и разваломъ. Полкъ „казачьихъ дѣтей", сформированный съ цѣлью пополнять изъ него гарнизоны въ новосооруженныхъ крѣпостяхъ,—правда, былъ собранъ быстро и легко, всѣмъ назначили оклады, поверстали людей на службу царскую... Но недѣли не прошло, какъ ряды новобранцевъ порѣдѣли, больше чѣмъ на половину. Кто сказался больнымъ, кто прямо пустился на утекъ, едва пошли по городу, неизвѣстно откуда возникшіе, слухи, что предстоитъ не походъ, а бойня, что русскихъ уже поджидаетъ цѣлое войско въ

30,000 человѣкъ, хорошо-вооруженныхъ наѣздниковъ, калмыкъ и киргизовъ, которые даже на этотъ разъ соединились со своими вѣчными врагами, каменными кайсаками, только бы не пустить „московъ“ къ завѣтному золотому озеру...

Разбѣгаться стали и солдаты-пѣхотинцы, и драгуны, даже изъ „старожитныхъ“, давнишнихъ служакъ...

— Умирать-то зря кому охота!—говорили они...

А бѣжать было не трудно. Сибирь велика, пути открыты на всѣ четыре стороны! Повсюду принимаютъ безъ дальнихъ спросовъ „гулящихъ людей“, бродячую вольницу, благо, рабочія умѣлыя руки дороги въ обиходѣ сибирскомъ, промышленномъ и городскомъ... Даже оффиціально, на договорахъ эти буйныя головы, бродяги и вольница—подписывались своимъ, новоявленнымъ на Руси, „званіемъ“: „гулящій человѣкъ руку приложилъ»...

Много хлопотъ было, пока нашлось достаточное число „артиллеристовъ“, людей, которые хотя немного были знакомы съ орудійной пальбою, умѣли зарядить и разрядить пушку. А ужъ съ заготовленіемъ инвентаря, аммуниціи, пороху, ядеръ, свинцу и остальныхъ военныхъ припасовъ, съ подвозомъ муки, зерна, солонины, крупъ и всякихъ другихъ запасовъ такая путаница и затяжка пошла, что Бухгольцъ много разъ готовъ былъ бросить все и, кинувшись въ перекладню, скакать въ Россію, вынести гнѣвъ царя, что угодно, только бы избѣжать этой приказной волокиты, упорной, жестокой и холодной, сплошь и рядомъ переходящей въ явное издѣвательство...

Какъ нарочно, на бѣду Бухгольца дошли въ Тобольскъ вѣсти о повсемѣстныхъ и сильныхъ волненіяхъ, охватившихъ ясачныя племена Сибири: остяковъ, тунгусовъ, якутовъ, коряковъ и юкагиръ. Зашевелились сильнѣе обычнаго и вольные, кочевые народы, живущіе въ сосѣдствѣ съ бывшимъ царствомъ Кучума. Шиши, или шпіоны-перебѣжчики

стали доносить, что готовятся къ большимъ походамъ и нападеніямъ на россіянъ и у киргизовъ, и у дико-каменныхъ казаковъ, и въ калмыцкой сторонѣ.

Среди инородцевъ появился даже русскій монахъ, Игнатій Козыревскій по имени, уже и раньше извѣстный, какъ смутьянъ и поджигатель бунтовъ въ средѣ казаковъ, не довольныхъ своею службой и произволомъ начальства. Убійство Атласова, Петра Чирикова, Оськи Липина и многихъ другихъ „прикащиковъ“ и смотрѣльщиковъ ясака, всегда сопровождавшееся грабежомъ,—связывали съ происками и поджигательствами этого монаха. А теперь онъ сталъ мутить инородцевъ, собиралъ въ большія орды ихъ разбросанныя малолюдныя зимовки и юрты.

Видя свою численность и силу, осмѣлѣли инородцы, обычно покорные и робкіе, стали, по примѣру казаковъ, нападать и на своихъ-же земляковъ, только принявшихъ христіанство, убивали, грабили мѣха, котлы, оружіе, рыболовныя и звѣринныя снасти, все, что могло найтись въ бѣдномъ обиходѣ дикаря-охотника. А потомъ стали нападать и на уединенныя, слабыя по гарнизону, острожки, держали ихъ въ осадѣ по долгу, пока русскіе, пріѣвъ свои запасы, расстрѣлявъ почти весь порохъ,—снимались и уходили къ своимъ городамъ, оставляя передовые посты, острожки и крѣпостцы во власти ликующихъ побѣдителей, хотя бы потомъ дорого пришлось заплатить за временную побѣду безразсуднымъ, почти безоружнымъ кочевникамъ, посмѣвшимъ затѣять борьбу съ русской властью, имѣющей въ своемъ распоряженіи тысячи обученныхъ людей, идущихъ съ „огневымъ боемъ“ на лучниковъ-дикарей...

— И какъ можно допустить даже до начала таковыхъ безпорядковъ! — возмущался Бухгольцъ, услыхавъ, что часть отряда, уже сформированная для него, послана на усмиреніе такихъ разсѣянныхъ бунтовъ.—Есть-же и люди на мѣстахъ.

Могутъ сами собираться въ отряды посильнѣе, што-бы разгонять шайки мятежныя...

— Нельзя тѣмъ отрядамъ изъ своихъ остроговъ выходить. Каждый, гдѣ посаженъ, долженъ сидѣть, охранять постъ! Иначе снова зальютъ окраины пашенныя эти дикари буйные и назадъ попятятъ нашихъ хрестьянъ!—возразилъ подполковнику Трауернихтъ, хорошо знакомый съ давнишнимъ строемъ мѣстной жизни.

Къ нему, какъ къ коменданту Тобольска, чаще всего пришлось обращаться начальнику затѣянной экспедиціи. И теперь онъ, все таки, не успокоился отвѣтомъ спокойнаго, разсудительнаго нѣмца, обрусѣлаго по виду, но сохранившаго многія прирожденныя черты тевтонскаго племени.

— А на што-же аманàты у васъ, господинъ камандантъ, спросить еще дозвольте! Полонъ дворъ здѣшній аманàтскій всякими косорылыми да косоглазыми... И поить ихъ, и кормить, и одежу имъ давать надо отъ казны ево царскаго величества... за то, што родичи ихніе бунтуютъ и россіянъ вырѣзываютъ!.. Взять, перевѣшать всѣхъ разомъ, да передъ тѣмъ на хорошемъ огонькѣ поджарить, шкуры двѣ спустить съ каждаго... Што бы страхъ и грозу навести на родичей тѣхъ аманатовъ!.. Вотъ, и не посмѣютъ бунтовать!

— Хуже будетъ! Первое дѣло, аманатовъ эти собаки не истинныхъ даютъ, не самыхъ лучшихъ своихъ людей, какъ при договорѣ съ тайшами, съ ханами да съ ихними старшинами постановлено бываетъ. По ихъ словамъ—это все дѣти самихъ хановъ, либо братья, дяди и родичи ихніе и самые первые люди изъ племени... А потомъ и узнается, что наберутъ изъ подлыхъ людей кого попало и выдаютъ за бояръ за своихъ, везутъ намъ въ аманаты. Ежели мы тѣхъ заложниковъ и прикончимъ, имъ горя мало! А по всему краю крикъ пойдетъ, што мы уговоръ нарушили, заложниковъ беззащитныхъ и безвинныхъ губимъ!.. Тогда и вовсе можно

общаго мятежу ожидать! А ты не кипятись, господинъ подполковникъ. Все сдѣлаемъ... Путь тебѣ предстоитъ тяжелый, опасный... Передохни у насъ. Или не весело живется? И вина, и бабъ вдоволь... Князь-губернаторъ съ тобою какъ привѣтливъ да ласковъ! Чего торопиться? Есть поговорка: поспѣшишь, міръ насмѣшишь... Помаленьку-полегоньку— оно лучче гораздо!..

Скрѣпя сердце, противъ воли пришлось Бухгольцу слѣдовать доброму пріятельскому совѣту... Время шло, попойки и картежная игра смѣнялась оргіями съ тобольскими „хорошуньями". Губернаторъ самъ часто устраивалъ шумныя сборища, которыя оканчивались райскими ночами... А, между тѣмъ, неизвѣстно откуда зарожденное и наплывающее,— росло и зрѣло общее недовольство, охватившее и въ самомъ Тобольскѣ почти всѣхъ, начиная съ первыхъ чиновъ управленія, у которыхъ вырваны были изъ лапъ многіе жирные куски, и до послѣдняго ярышки приказнаго или новобранца-воина, взятаго изъ хаты, отъ сохи и снаряжаемаго въ какой-то, никому ненужный, непонятный походъ, сулящій, по общему говору, однѣ муки и полную погибель...

Гагаринъ не только зналъ о всеобщемъ ропотѣ, но словно доволенъ былъ его наростаніемъ, не принималъ на дѣлѣ никакихъ мѣръ для улаженія многихъ, ежедневно— возникающихъ острыхъ вопросовъ, столкновеній, треній между отдѣльными лицами и цѣлыми отраслями внутренняго управленія краемъ. Только на словахъ онъ успокаивалъ тѣхъ, кто рѣшался прійти къ нему самому со своими жалобами, тревогами и опасеніями...

Но слова мало помогали, потому что былъ нарушенъ цѣлый рядъ существенныхъ и крупныхъ интересовъ у множества лицъ... А Задоръ и его пріятели, которыхъ батракъ-коноводъ настраивалъ по своему,—шныряли въ низахъ народныхъ, тамъ тоже готовя что-то неожиданное,

грозное... Гагарину Задоръ докладывалъ о всѣхъ своихъ успѣхахъ и здѣсь, и въ тундрахъ, гдѣ монахъ Игнатій работалъ съ нимъ за одно. Но освѣщалъ онъ эти всѣ „успѣхи“ по своему, увѣряя, что низы, какъ одинъ человѣкъ, встанутъ за князя, защитника своего, за охранителя старой вѣры и обычаевъ стародавнихъ, прародительскихъ... Двуличный смутьянъ-предатель убѣдилъ намѣстника, что движеніе назрѣваетъ противъ „Антихриста“—табачника, противъ подмѣненнаго царя, который, по всей видимости, и Русь православную, и богатую Сибирь рѣшилъ обратить въ бусурманство и привести къ поклоненію діаволу...

Такъ тянулись недѣли и мѣсяцы...

Наконецъ, 20 іюля наступилъ, желанный для Бухгольца, мигъ, насталъ день отъѣзда его съ отрядомъ изъ Тобольска, день, наступавшій и отмѣняемый уже такъ много разъ!

Цѣлую ночь не спалъ Бухгольцъ, ворочался на узкой койкѣ въ своей каютѣ на самомъ большомъ изъ дощаниковъ флотиліи, отведенномъ для него и для остальныхъ офицеровъ. Задолго до свѣту вышелъ онъ наверхъ, сталъ смотрѣть, какъ закопошились люди, готовясь къ общему отплытію.

Первые—водоливы и матросы показались на палубахъ дощаниковъ, затемнѣли въ лодкахъ, на всѣхъ судахъ, стоящихъ у берега широкимъ, длиннымъ караваномъ, состоящимъ изъ 33-хъ большихъ барокъ и 27-ми ладей поменьше.

Флажки и флаги трепались по воздуху, колеблемые разсвѣтнымъ вѣтеркомъ. Востокъ алѣлъ и золотился... На берегу показались первыя группы солдатъ, драгунъ и артиллеристовъ, ночевавшихъ въ отведенныхъ имъ городскихъ и пригородныхъ квартирахъ. Быстро подходили люди къ сборному пункту съ разныхъ сторонъ.

Офицеровъ не было видно. Прощальную пирушку устроилъ для нихъ вчера вечеромъ Гагаринъ. Самъ Бухгольцъ едва

успѣлъ уйти оттуда около полуночи, сославшись на нездоровье. А остальные продолжали пировать... Но къ отвалу, конечно, они не опоздаютъ. Тѣмъ болѣе, что торжественный молебенъ назначенъ передъ отплытіемъ. И для него здѣсь, на берегу, на мѣстѣ поровнѣе—раскинута просторная походная церковь, идущая тоже въ далекія степи съ отрядомъ...

Изъ плотной крашенины устроенъ длинный, широкій шатеръ, поддерживаемый особыми стойками. Крестъ надъ входомъ и надъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ алтарь—говоритъ всѣмъ о назначеніи этого шатра.

Взошло солнце, подернувъ полосами живаго, текучаго блеска и пламени рѣку, пронизавъ лѣса золотыми, теплыми лучами, обливая свѣтомъ и сверканіемъ бѣлыя стѣны Тобольска, золотыя главы его церквей.

Въ ожиданіи полнаго сбора команды и прибытія своихъ офицеровъ, градскихъ и военныхъ властей съ Гагаринымъ во главѣ, какъ это было назначено наканунѣ,—Бухгольцъ сошелъ на берегъ и остановился противъ крайнихъ барокъ, на которыя еще подвозили и догружали послѣднія бочки, ящики и тюки.

Окидывая взоромъ огромный караванъ, эти барки и лодки, нагруженныя до верху оружіемъ, порохомъ и всякимъ добромъ, видя, что три тысячи людей строятся на берегу, готовясь перейти на дощанники и плыть по его приказу за тысячи верстъ въ невѣдомыя пустыни, въ непріятельскій край,—Бухгольцъ позабылъ, испытанныя имъ до сей поры, обиды, огорченія и непріятности, чувствовалъ, что радость, свѣтлая и горделивая, переполняетъ ему грудь, вызывая даже слезы на глазахъ.

Дѣйствительно, богато снаряженъ и снабженъ былъ отрядъ.

2000 фузей со штыками и мушкетоновъ, столько же

палашей, 1000 бердышей для артиллеристовъ, пики рогаточныя и копья капральскія, затѣмъ—13 мортиръ и 40 пушекъ мѣдныхъ и чугунныхъ разной величины—составляли арсеналъ отряда.

Къ этому было запасено желѣза 1500 пудовъ, 2000 пудовъ дроби и свинцу, 700 пудовъ пушечнаго и ружейнаго пороху, 1500 бомбъ и 32000 гранатъ и ядеръ разнаго калибра.

Огромнымъ табуномъ пошли впередъ къ Тарѣ, по берегу подъ наблюденіемъ достаточнаго количества конюховъ и казаковъ,—1500 коней, закупленныхъ по довольно—высокой для того времени цѣнѣ, по 3 р. 50 копѣекъ за голову. И собственные кони казаковъ, ѣдущихъ въ отрядѣ, тоже идутъ съ драгунскимъ обозомъ.

Затѣмъ 2300 пудовъ свинины соленой, 8000 четвертей муки, крупъ, толокна и сухарей, 1500 ведеръ вина, 500 пудовъ соли и соотвѣтственное количество коровьяго масла въ боченкахъ, уксуса, сала говяжьяго и постнаго масла припасено было на первое время для прокормленія людей. А потомъ новые запасы прибудутъ изъ попутныхъ городовъ, чтобы обезпечить продовольствіе ратниковъ.

Кромѣ этихъ, главнѣйшихъ статей, ничего не было забыто, что могло оказаться нужнымъ, или пригоднымъ въ походѣ. Были запасы амуниціи, кромѣ той, которая выдана людямъ вмѣстѣ съ обмундированіемъ, захватили воскъ для церковныхъ свѣчей, 3000 сальныхъ свѣчей, взяли нитокъ, иголокъ и кожъ сыромятныхъ, веревокъ и тесьмы, олова, стали и мѣди красной, 1000 листовъ бѣлаго желѣза для покрытія жилищъ въ новыхъ крѣпостяхъ, селитры и сѣры про запасъ, гвоздей и пакли, бумаги писчей и для пыжей, кузнечныя принадлежности, кирки и ломы плотничьи и столярные инструменты, цѣлую „обалторію“, т. е. лабораторію

для нуждъ артиллеріи, для горныхъ развѣдокъ и пробирнаго дѣла.

Рогожи, холсты, сѣдла и кашеварныя принадлежности, котлы, чумички, треноги желѣзные, безмены, косы и цѣпы для умолота, рѣшета и пряжа шерстяная, смола, деготь и войлоки,—все это было уложено по мѣстамъ, переписано и должно было пойти въ дѣло на пути и тамъ, на мѣстѣ назначенія, если удастся достичь береговъ завѣтнаго озера Эркета и золотоносной Аму-Дарьи рѣки...

Въ сотый разъ провѣряетъ въ памяти Бухгольцъ эти запасы, вспоминаетъ, не позабыто ли еще чего-нибудь необходимаго, важнаго?.. Но, кажется, все въ порядкѣ...

На огромную сумму въ 75,000 рублей сложено разнаго добра на судахъ флотиліи, готовой къ отходу, а на наши цѣны — это равняется цѣлому полумилліону рублей, потому что деньги въ тѣ годы цѣнились въ шесть разъ дороже, чѣмъ теперь.

Но до конца похода, конечно, не хватило запасовъ и еще 40000 рублей было истрачено изъ казны, роздано въ видѣ жалованья людямъ, пошло на покупку провіанта. Особые четыре комиссара ѣдутъ съ отрядомъ, расходуютъ деньги, ведутъ счетъ всему, что получается и выдается въ походѣ. Всего въ 115.000 рублей обошлась эта экспедиція казнѣ. [1]).

Солнце быстро поднялось надъ дальними лѣсами, надъ вершинами горъ и стало довольно сильно пригрѣвать многолюдный отрядъ, развернувшійся тѣсными цвѣтистыми рядами передъ походною церковью и вокругъ нея, на зеленѣющихъ откосахъ рѣчнаго берега, когда Бухгольцъ тоже подошелъ сюда отъ барокъ, убѣдясь, что тамъ все въ полномъ порядкѣ.

Нѣсколько офицеровъ, преимущественно—шведовъ, здоровяковъ, крѣпкихъ ногами и головой, уже были на мѣстахъ

---

[1]) См. тамъ же.

при своихъ взводахъ. Только красныя ихъ лица, хриплые голоса и мутные глаза говорили о безсонной ночи и жестокой попойкѣ, въ которой они принимали участіе. Стали подъѣзжать верхомъ и на линейкахъ остальные господа начальники, россіяне. Этихъ нужно было поддерживать, пока они слѣзали съ сѣдла или выходили изъ долгуши, а затѣмъ невѣрными шагами направлялись къ своимъ ротамъ и батальонамъ. Бухгольцъ поморщился, но рѣшилъ сдержаться въ эту послѣднюю минуту.

Наконецъ, собрались всѣ. Полковой священникъ, тоже не отставшій отъ своихъ сослуживцевъ-офицеровъ во время отвальной, устроенной губернаторомъ,—былъ на мѣстѣ, бодрился, старался твердо держаться на ногахъ и только порою потряхивалъ головой, на которой длинные волосы мокрыми, длинными прядями липли къ затылку и къ плечамъ. Это холодной водой приказалъ себя окатить раза два отецъ Кириллъ, чтобы освѣжиться передъ службой...

Не хватало только властей изъ города и поручика Трубникова, котораго особенно рекомендовалъ Гагаринъ Бухгольцу, какъ опытнаго и расторопнаго офицера, особенно—пригоднаго для неизбѣжныхъ впереди, сношеній съ князьками и ханами кочевыхъ враждебныхъ племенъ, по владѣніямъ которыхъ придется проходить отряду.

— Онъ ужъ, Ѳедя мой, побывалъ въ ихъ лапахъ—заявилъ Бухгольцу Гагаринъ, — знаетъ всѣ ихъ обычаи, сноровки и уловки... Вотъ, пусть самъ тебѣ скажетъ, какъ уходилъ отъ азіатовъ!

Трубниковъ описалъ Бухгольцу свой неудачный походъ къ озеру Кху-Кху-Норъ, захвативъ слушателя простымъ, но яркимъ описаніемъ испытаныхъ приключеній и бѣдъ и былъ назначенъ адъютантомъ при отрядѣ.

Подполковникъ уже начиналъ терять терпѣніе, когда вдали показался цѣлый поѣздъ, впереди—конвой Гагарина,

потомъ онъ самъ въ коляскѣ, митрополитъ, схимонахъ Ѳеодоръ въ каретѣ, недавно замѣнившій Іоанна, подъ котораго успѣлъ-таки подвести подкопъ Гагаринъ, находясь въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Оберъ-комендантъ, комендантъ, совѣтники и дьяки Губернской канцеляріи, офицеры полка, остающагося въ Тобольскѣ, капитаны пригородныхъ ротъ, попы соборные и городскіе выборные слѣдовали за первыми двумя въ экипажахъ, на дрожкахъ и верхами. И неизбѣжный Нестеровъ тутъ-же со своими подручными.

Гагаринъ, тоже освѣженный поутру холодной ванной и снадобьями, которыя припасалъ для него въ подобныхъ случаяхъ Келецкій, ѣхалъ молча, недовольный, хмурый, съ желтымъ, помятымъ лицомъ, съ дремотнымъ взглядомъ, не подымая всю дорогу глазъ на своихъ двухъ спутниковъ: Келецкаго и Трубникова, занимающихъ переднее сидѣнье.

Только когда коляска, вынырнувъ изъ лощины, поднялась на перевалъ и готовилась спуститься къ берегу, гдѣ пестрѣли ряды войскъ у храма-шатра, князь лѣниво, словно нехотя процѣдилъ Трубникову:

— Такъ, гляди, Ѳедя... сослужи службу! Я въ долгу не останусь! Помни все, что я тебѣ толковалъ нынче... Ежели, Богъ дастъ, утремъ носъ этому навозному франту Бухалту... Придется ужъ самимъ намъ за дѣло браться. Самъ понимаешь: тебѣ все поручу... И выгоды, и похвала царская, и слава отъ людей,—все твое!.. Мнѣ—золота только навезешь поболѣ, — вотъ мы и сквитаемся... Умненько дѣло стряпай... Гляди...

— Да ужъ... Коли далъ пароль, такъ держать буду!— рѣшительно отозвался Трубниковъ, совершенно трезвый на видъ, несмотря на то, что и онъ не отставалъ отъ товарищей во время ночныхъ возліяній.—Не ради своей одной выгоды, а изъ преданности вашему превосходительству!.. Какъ благодѣтелю моему постоянному и...

— Ну, ладно! Знаю, вѣрю... Пріѣхали... вылазь и мнѣ подсоби. Что-й-то ноги у меня нынчѐ. Старъ, видно, становлюся...

Выйдя съ помощью Трубникова изъ экипажа, Гагаринъ принялъ рапортъ Бухгольца, первый двинулся къ походной церкви, гдѣ уже митрополитъ съ попами облекались въ привезенныя съ собою ризы. Свита двинулась за Гагаринымъ. Солдаты, драгуны въ своихъ красныхъ и васильковыхъ кафтанахъ съ камзолами того же цвѣта, въ лазоревыхъ и красныхъ штанахъ, въ гренадерскихъ шапкахъ, расцвѣченныхъ синими, зелеными и красными сукнами,—протянулись живымъ, стройнымъ частоколомъ передъ шатромъ, полы котораго спереди и съ боковъ были откинуты, позволяя видѣть въ немъ алтарь, совершаемое богослуженіе и блестящую свиту офицеровъ и приказныхъ чиновъ, окружающую губернатора.

Дальше толпились почетные обыватели, принимающіе участіе въ проводахъ. Казаки въ своихъ темныхъ кафтанахъ и красноверхихъ папахахъ — развернулись позади регулярныхъ войскъ, какъ живая однотонная рамка и фонъ для колоритныхъ рядовъ, стоящихъ впереди. Толпы народу, успѣвшія сбѣжаться изъ окрестныхъ посадовъ, изъ города, отовсюду, — темнѣли немного подальше красивыми пятнами на зелени отлогихъ береговъ Иртыша.

Кончилась недолгая служба. Ѳеодоръ сказалъ отряду теплое, напутственное слово, окропивъ раньше ряды святой водой. По чаркѣ вина взяли въ руки начальники. Согни добровольныхъ маркитантовъ и свои дежурные по ротамъ стали обносить чаркою ряды. Грянули залпы ружейные, грохнули пушки со стѣнъ и отъ воротъ Тобольска. Завѣяли, заколыхались новые 20 знаменъ, рисованныхъ искусно на холстѣ, а не писанныхъ на доскахъ, какъ было раньше у сибирскихъ казаковъ и въ регулярныхъ полкахъ. Гобои военнаго оркестра рѣзко подали свои гортанные, беззастѣн-

чивые голоса, напоминающіе не то однотонный, протяжный крикъ нетрезвой бабы, обиженной кѣмъ-то въ полѣ, не то вой похотливой волчицы, звучащій на опушкахъ лѣсныхъ по ночамъ раннею весной...

Каждый батальонъ двинулся къ той баркѣ, которая ему была раньше назначена, и сходни погнулись подъ мѣрными шагами сотенъ и тысячъ ногъ...

2700 человѣкъ, не считая тѣхъ, кто пошелъ съ лошадьми, — размѣстились на 17-ти дощаникахъ и въ 10 ладьяхъ, которыя побольше. Сначала всѣ было сгрудились на лѣвомъ борту, глядящемъ къ берегу, но суда сильно накренились и окрики старшихъ заставили солдатъ разсыпаться по всей палубѣ на каждомъ суднѣ. На передовой баркѣ взвился государственный штандартъ, грохнула пушечка, поставленная здѣсь на носу, ей отвѣтила другая, съ кормы... Десятью выстрѣлами салютовала отходящая флотилія городу и тѣмъ, кто остался на берегу, махая руками, шапками, платками, посылая пожеланія и благословенія отъѣзжающимъ...

Особенно выдѣлялись изъ общаго гула и шума плачъ, вой и голоса бабъ и дѣвокъ, провожающихъ своихъ мужей, жениховъ и возлюбленныхъ въ дальній, долгій и опасный путь!..

Медленно, на веслахъ движется караванъ вверхъ по Иртышу, противъ быстрой рѣчной струи... И долго, далеко провожаютъ его по берегу толпы людей, больше женщины и дѣвушки, желая хотя издали въ послѣдній разъ передъ разлукой наглядѣться на своихъ желанныхъ, ненаглядныхъ кормильцевъ-поильцевъ или сердечныхъ дружковъ.

Долго шла въ этой толпѣ и салдинская поповна, Агаша, тоже попавшая на проводы. Въ толпѣ офицеровъ, мелькающихъ на передовой баркѣ, силится она различить знакомую постать, милыя черты Ѳеди... А онъ, въ свою очередь, прислонясь у борта, ищетъ глазами любимую дѣвушку въ той вереницѣ женскихъ фигуръ, которая вьется по берегу,

то появляясь на солнцѣ среди чистыхъ полянъ, то исчезая среди прибрежныхъ частыхъ зарослей и лозняка...

Но рѣка широка, воздухъ пронизанъ свѣтомъ. Больно и глядѣть на сверкающую подъ лучами рѣку... Спотыкается нога дѣвушки... Она, какъ и другія, начинаетъ отставать отъ каравана, который не плетется по извилистымъ прибрежнымъ тропочкамъ, а плыветъ прямой рѣчною гладью... Какъ нарочно, попутный вѣтерокъ повѣялъ съ сѣверо-востока; разомъ голый лѣсъ мачтъ рѣчнаго каравана забѣлѣлъ парусами-крыльями... Надулись легонько паруса, словно груди лебедей, и быстро стали рѣзать носы ладей и барокъ рѣзвую, пѣнистую встрѣчную струю рѣчную... Уходитъ, убѣгаетъ, таетъ караванъ въ просторѣ сіяющей рѣки... Остановилась Агаша, машетъ въ послѣдній разъ рукой, шепчетъ послѣдній привѣтъ.

— Миленькой, дружочекъ мой!.. Храни тебя Господь!..

Гагаринъ примѣтилъ, какъ побѣжала поповна за караваномъ, дождался, пока вернулась она, чтобы отвезти ее въ слободу, куда и самъ собирался въ гости, отдохнуть послѣ сутолоки и угара послѣднихъ дней.

Наблюдая во время пути за своей возлюбленной, которая даже не могла притвориться и сидѣла печальная, молчаливая, съ заплаканными глазами, съ поблѣднѣлымъ, прекраснымъ лицомъ,—князь, улыбаясь въ душѣ, подумалъ:

— А въ пору я паренька услалъ... При немъ, поди, и дѣлу моему съ Агашей былъ бы конецъ. Выходитъ, я двухъ зайцевъ однимъ пыжомъ шибанулъ. „Дружку"—Бухалту помощничка такого далъ, который ему поможетъ шею свернуть... А тутъ—свободнѣе стало вокругъ моей лебедушки, не придется мнѣ на край постели тѣсниться, третьему мѣсто давать...

И, довольный, посапываетъ Гагаринъ, пригрѣтый, раз-

моренный утреннимъ тепломъ; наконецъ и совсѣмъ задремалъ, склонясь головою на плечо своей спутницѣ.

А та сидитъ, не шевелясь, заплакать хочетъ и не смѣетъ, вздыхаетъ только часто, протяжно и глубоко...

Обыкновенно въ мѣсяцъ и 5 дней совершается путь отъ Тобольска до Ямышъ-озера; а отрядъ Бухгольца затратилъ на этотъ переходъ, вмѣстѣ съ частыми остановками и роздыхами ровно вдвое и только 1-го октября прибылъ на мѣсто, когда уже начались холода и могли ударить внезапно морозы.

Пока люди валили лѣсъ для стѣнъ и построекъ, пока шведы инженеры и зодчіе выбирали удобное мѣсто, разбивали землю по планамъ подъ городокъ-крѣпость, до 29 октября всѣмъ пришлось жить на баркахъ, хотя на рѣкѣ уже пошло сало и она могла стать каждую минуту. Жили и на берегу, въ наскоро-сложенныхъ баракахъ, шалашахъ и землянкахъ, вырытыхъ въ сухомъ грунтѣ, въ прибрежныхъ холмахъ.

29 ноября дружно принялась за установку стѣнъ, за постройку „квартеръ“, то-есть, жилыхъ помѣщеній, казармъ, амбаровъ, конюшенъ и мастерскихъ, а черезъ 12 дней упорнаго, но веселаго труда, въ которомъ принимали участіе всѣ люди отряда, даже кашевары и конюхи въ свободные отъ прямого своего дѣла часы, работа была кончена. Всѣмъ пріятно было быстро согрѣть озябшее тѣло, постукивая топоромъ, подкатывая и складывая одно на другое—готовыя, притесанныя бревна, завершая вѣнцы срубовъ; да и сама по себѣ тянула всѣхъ спорая, дружная работа, плоды которой тутъ же выявлялись, росли не по днямъ, а буквально по часамъ въ видѣ стѣнъ городскихъ и прочныхъ зданій, покрытыхъ свѣжимъ тесомъ, такъ вкусно-пахнущимъ и бле-

щущимъ подъ лучами осенняго дня, или одѣтыхъ щеголеватыми листами бѣлаго желѣза, которыми крылись склады пороху, ядеръ, картечи и башни приворотныя, высоко-поднятыя надъ раскатами и стѣнами крѣпостцы.

Здѣсь перезимовалъ отрядъ среди полнаго почти бездѣлья, поправляя кое-что, готовя вьюки для долгихъ сухопутныхъ переходовъ. Даже маленькія пушки должны были вьючиться на лошадей по двѣ на каждую лошадь, словно сумы переметныя въ старину.

Охотой занимались много и съ увлеченіемъ. Свѣжая дичь всегда была въ лагерѣ для цѣлаго отряда, какъ и для офицеровъ. Кромѣ казенной чарки водки, солдаты ухитрялись еще добывать простое и „двойное“ вино у разъѣзжихъ торговцевъ, которые часто заглядывали въ новый, многолюдный, военный городокъ. А ужъ про офицеровъ и говорить нечего. Пьянство, азартныя игры, ссоры и грубыя связи съ калмычками сосѣднихъ улусовъ—заполняли у нихъ всѣ долгіе, сумрачные зимніе дни.

Но вотъ потянуло тепломъ съ юговостока, отъ озера Чанъ, изъ-за высокихъ предгорій Змѣиныхъ горъ... Повѣяло весною, которая дружно и быстро наступаетъ въ этихъ мѣстахъ. Закипѣла опять работа, позабылась зимняя скука и отупѣніе, стали готовиться въ дальнѣйшій путь.

На средину апрѣля назначали выступленіе; въ началѣ марта уже послалъ Бухгольцъ Трубникова къ Эрдень-Журыхтѣ, калмыцкому контайшѣ, и къ другимъ владѣтельнымъ ханамъ и князькамъ съ письмами и для устнаго успокоенія этихъ сторожкихъ дикарей. Надо было увѣрить, что не противъ этихъ хановъ съ ихъ племенами идетъ большой русскій отрядъ, а съ мирными цѣлями: произвести развѣдки въ мѣстахъ нахожденія золотого песку у верховьевъ Иртыша.

Такое предупрежденіе особенно было необходимо въ настоящую минуту, потому что еще весною прошлаго года,

задолго до выступленія отряда Бухгольца во всѣ концы и края сибирскихъ степей, черезъ рѣки и горы, въ самые дальніе кочевки и улусы по обѣимъ сторонамъ Иртыша до самаго истока за озеромъ Зайсанъ и выше—прокатилась одна тревожная вѣсть: 10.000 москововъ съ Темиръ-башемъ, „желѣзнымъ генераломъ“, посланнымъ отъ самаго царя,—идутъ раззорять калмыцкіе и киргизскіе улусы. Стариковъ будутъ жечь, мужчинъ-батырей, удалыхъ наѣздниковъ перестрѣляютъ, перерѣжутъ. Дѣвокъ и бабъ возьмутъ себѣ, въ добычу, какъ баранту, вмѣстѣ со всѣмъ скотомъ, верблюдами и лошадьми. А дѣтей и юношей силой заставятъ ѣсть свинину, принять крещеніе и осквернить мечети и прахъ отцовъ своихъ, правовѣрныхъ мусульманъ, или наивныхъ, но искреннихъ буддистовъ.

Какъ будто въ кварталахъ Тобольска, населенныхъ инородцами,—впервые народился этотъ слухъ, пущенный своими же, русскими людьми, въ родѣ Задора и его пріятелей, сознательно или слѣпо оказавшихъ услугу планамъ Гагарина относительно помѣхи походу Бухгольца. Мѣсяца не прошло, какъ волнующіе слухи разнеслись на сотни на тысячи верстъ кругомъ, потому что какъ разъ весною разъѣзжались изъ Тобольска кочевые улусники-торговцы, и бухарскіе, и китайскіе купцы, особенно склонные разносить всякіе слухи и вѣсти по бѣлому свѣту...

И вѣсти эти скоро вернулись въ Тобольскъ въ видѣ сообщеній о скопленіяхъ кочевыхъ шаекъ у верховьевъ Иртыша и по обѣимъ его сторонамъ, отъ Зайсана— почти до Семиполатинской, недавно отстроенной еще небольшой крѣпостцы... До Бухгольца, наконецъ, съ разныхъ сторонъ стали доходить эти же тревожные слухи. И еще въ Тобольскѣ рѣшилъ онъ послать вѣстника къ кочевымъ ханамъ. Для этихъ порученій особенно рекомендовалъ Гагаринъ тогоже Трубникова. Теперь, когда дурныя вѣсти дошли до на-

пряженнаго слуха Бухгольца,—онъ едва дождался первыхъ дней потеплѣе и въ началѣ марта поскакалъ Трубниковъ съ вѣрительными письмами въ широкую, синѣющую безъ конца передъ глазами, степь, въ Барабу, направляясь къ дальнимъ улусамъ, гдѣ, какъ было извѣстно, находился сейчасъ контайша Эрдени.

Конечно, ѣхалъ посолъ Бухгольца не одинъ. Съ нимъ былъ посланъ писарь полковой, Кононовъ, Чжанъ-Шалъ, крещеный калмыкъ, вмѣсто толмача, и три казака: Алешка Ждановъ, Филька Мухоплевъ и Силантій Пиленко, трубачъ.

Страннымъ показалось этимъ спутникамъ, что офицеръ направилъ путь не прямо на востокъ, черезъ холмы въ открытую степь, а сталъ подниматься по берегу Иртыша къ его истокамъ и озеру Зайсану, вокругъ котораго разбросано немало калмыцкихъ кочевокъ.

Но здѣсь же, какъ зналъ каждый сибирякъ, часто бродятъ шайки воинственныхъ киргизовъ Каменной Орды. Почти вѣчно воюютъ между собою эти два племени, родные по крови, но различные по вѣрѣ и обычаямъ, одни—буддисты, другіе мусульмане. И даже во время перемирія, какое теперь настало между двумя народами,— не могутъ удержаться удальцы киргизы, разбойники и воры по природѣ; переплывъ на своихъ горбоносыхъ, неутомимыхъ коняхъ Иртышъ, покидая его лѣвый берегъ, гдѣ владѣнія Хаипъ-хана Магома-Батура, повелителя Дико-Каменной орды, появляются „барантачи“ обычно по ночамъ на правомъ борегу, во владѣніяхъ калмыковъ, нападаютъ на одинокія юрты, на небольшіе улусы, угоняютъ скотъ, прихватываютъ и плѣнниковъ и снова исчезаютъ за рѣкою. А тамъ, въ горахъ и въ степяхъ родныхъ легче найти червонецъ, затерянный въ пескѣ, чѣмъ этихъ удальцовъ, которымъ не страшенъ даже гнѣвъ ихъ собственнаго повелителя-хана...

На вторую же ночь наѣхала такая шайка на Трубни-

кова и его людей, отдыхавшихъ вокругъ большого костра. Человѣкъ 20 всадниковъ стали со всѣхъ сторонъ приближаться къ костру, оцѣпивъ его широкимъ кольцомъ, чтобы оставаться внѣ выстрѣла, дальнобойныхъ по тому времени, фузей, хватающихъ на 300—400 шаговъ.

Вотъ одинъ всадникъ отдѣлился отъ общаго кольца и, припавъ за шею лошади, подъѣхалъ поближе, зорко слѣдя за группой „москововъ", очертанія которыхъ рѣзко чернѣли на фонѣ яркаго пламени костра.

— Гей! что за люди?—крикнулъ всадникъ, приблизясь такъ, что можно было переговариваться свободно.—Зачѣмъ вы здѣсь? Откуда?.. Сейчасъ давайте отвѣтъ.

Толмачъ не успѣлъ еще перевести Трубникову вопроса, который и безъ того понятенъ былъ офицеру и тремъ его конвойнымъ, какъ заговорилъ одинъ изъ нихъ, Пиленко, держа на прицѣлѣ свою фузею, какъ и всѣ остальные.

— Отвѣчать ему, што-ли ча, господинъ потпорутчикъ?.. Разомъ сыму съ коня разбойничью башку эту бритую!.. прикажите „огонь..", пра! Што съ ими калякать... Пра!

— Молчи! Видишь, еще надъѣзжаютъ собаки... ихъ уже съ полсотни наберется, а насъ шестеро... да и то на этого—плоха надежда!—поведя глазами въ сторону Чжанъ-Шала, толмача, негромко отозвался Трубниковъ.—Темно въ степи; намъ отъ огня плохо во тьму стрѣлять... А имъ хорошо... Если начнемъ костеръ гасить,—они тутъ и налетятъ!.. Надо потолковать съ ними... Такъ, смирно сидите, пока они не близко подбѣжали... Я самъ спрошу!..

И громко по-калмыцки крикнулъ Трубниковъ передовому всаднику:

— Гей!.. А вы что за ночные люди? Барантачи-разбойники?..

— Нѣтъ! Мы посланы разъѣздомъ отъ нашего хана пресвѣтлаго, отъ Хаипъ-Батуръ-Магома. Посланцевъ Эрдени-

контайши калмыцкаго провожали на этотъ берегъ, теперь возвращаемся къ нашему хану. Давайте-же отвѣтъ: вы кто такіе?..

— А мы посланы къ вашему хану и къ Эрдени Журыхтѣ отъ свѣтлѣйшаго князя, губернатора Сибири и Намѣстника его царскаго величества съ большими вѣстями. Такъ вы берегитесь трогать насъ!—пригрозилъ Трубниковъ. — Лучше примите вѣсти, передайте ихъ вашему хану, а насъ пустите нашимъ путемъ.

Всадникъ молча стоялъ на мѣстѣ нѣсколько мгновеній и вдругъ, выпрямясь на сѣдлѣ, повернулъ къ кучкѣ своихъ, которая темнѣла на вершинѣ ближняго холма, за цѣпью всадниковъ, окружившихъ костеръ. Очевидно тамъ были начальники шайки, теперь уже достигающей почти ста человѣкъ. То и дѣло изъ темноты ночной выплывали всадники и чаще, тѣснѣе становилось ихъ кольцо, широкое и рѣдкое вначалѣ.

Черезъ двѣ-три минуты снова подъѣхалъ всадникъ, уже не укрываясь, какъ раньше, за шею лошади.

— Мой господинъ, Таанàтъ-бай, сказать изволилъ: если правдивы слова ваши и нѣтъ грязи на языкѣ у васъ,— онъ желаетъ самъ проводить пословъ сибирскаго большаго начальника, намѣстника бѣлаго царя, къ своему повелителю, Мамай-салтану, сыну Абулхаиръ-хана, брата Хаипъ-Магома-хана. По волѣ Аллаха — недалеко за рѣкой стоитъ Мамай-салтанэ со своими воинами, которыхъ многія тысячи. Желаешь ли, посолъ, сдѣлать такъ, какъ говоритъ мой господинъ, Таанатъ-бай?..

Переглянулся со своими Трубниковъ, выслушавъ киргиза.

— Вотъ оно што! Уже и тутъ, у насъ подъ бокомъ племянникъ ханскій съ цѣлой ордою... У этихъ вонъ, и фузеи видны за плечами... Ничего не подѣлаешь. Надо на миръ идти... Поѣдемъ къ Хаипу сперва, потома и къ кон-

тайшѣ доберемся, коли Богъ дастъ! — рѣшительно проговорилъ Трубниковъ и крикнулъ:

— Ладно! Присылайте сюда одного изъ вашихъ, какъ аманата, что не тронете насъ, если мы выйдемъ къ вамъ съ миромъ... Тогда и мы оружіе спрячемъ, ружья повѣсимъ за спину, къ вамъ подъѣдемъ для разговора дружескаго.

Опять скрылся всадникъ, а черезъ нѣсколько минутъ явился онъ же и прямо въѣхалъ въ группу „москововъ", которые ожидали, сидя на коняхъ. Онъ былъ безъ копья, старинный мушкетъ торчалъ въ чахлѣ за плечами; не было видно за поясомъ ни пистолей, ни кинжала.

Двинулись теперь всѣ семеро къ той группѣ всадниковъ, которая маячила вдали, на холмѣ среди сумрака ночнаго. Киргизъ былъ въ серединѣ. Кольцо всадниковъ уже разомкнулось во многихъ мѣстахъ и они тоже потянули гуськомъ къ вершинѣ холма.

Быстро закончились переговоры. Сѣдой Таанàтъ-бай, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ и глазами, сверлящими, казалось, самую душу, — привѣтствовалъ „москововъ" и предложилъ отдохнуть до утра въ одной изъ войлочныхъ палатокъ, которыя быстро стали разбивать его уздени. А на разсвѣтѣ придется переправиться черезъ рѣку и ѣхать къ Мамай-салтану, стоящему въ пяти-шести переходахъ отъ берега со своими улусниками и другими батырями, снарядившимися на войну, когда прошла вѣсть, что ведетъ на нихъ свое войско русскій начальникъ.

Спокойно проспали въ шатрѣ русскіе, не то почетные гости, не то — плѣнники, потому что сильная стража всю ночь охраняла ихъ сонъ. На зарѣ тронулись въ путь и черезъ недѣлю Трубниковъ очутился въ большомъ лагерѣ Мамай-султана. Поздно было, когда достигли они киргизскаго кочевья, но Трубникову не дали даже передохнуть и часа черезъ два, среди глубокой ночи — ввели въ обширную, убран-

ную коврами, юрту племянника ханскаго, который сидѣлъ на кошмахъ въ своей высокой шапкѣ, обвернутой бѣлой чалмой съ драгоцѣнной пряжкой по серединѣ.

— Кто ты и что скажешь, посланецъ?—задалъ вопросъ черезъ толмача Мамай-салтанэ.

Трубниковъ объявилъ ему свое званіе, сказалъ о порученіи, данномъ Бухгольцемъ, показалъ письмо, надписанное къ контайшѣ, и добавилъ, что можетъ его отдать только самому Эрдени, но и для Хаипъ-хана имѣетъ порученіе тайное и важное отъ губернатора Сибири.

— Могу и тебѣ сказать объ этомъ порученіи... Но самъ я плохо владѣю вашей рѣчью, боюсь, не напутать бы. Есть ли при тебѣ надежный толмачъ, который не выдастъ того, что я скажу,—никому на свѣтѣ, кромѣ тебя и хана-Хаипа-Магомы-Батура?

Задумался немного, тяжеловатый на видъ и не быстро соображающій, тучный киргизъ съ крохотными, заплывшими жиромъ, глазами. Потомъ крикнулъ что-то въ сосѣднее отдѣленіе палатки, а толмачу, бывшему тутъ раньше, далъ знакъ уйти.

Пятясь, съ низкими поклонами, скрылся толмачъ; а изъ за войлока, дѣлящаго юрту пополамъ, выскользнулъ худенькій, сѣдой мулла въ зеленой чалмѣ, означающей, что онъ побывалъ на гробѣ Магомета и числится ходжой. Маленькое, сморщенное личико уже приняло пергаментный видъ, беззубый ротъ провалился, ушелъ глубоко внутрь, придавая бабье выраженіе этому лицу, съ рѣдкими волосками, торчащими вмѣсто усовъ и бороды. Но глаза, живые, быстрые, были еще ясны, полны ума и блеска.

Очевидно, онъ долженъ былъ подслушивать за прикрытіемъ, что здѣсь будетъ происходить? а теперь вошелъ, ласково улыбаясь, привѣтливо кивая Трубникову, въ то же время продолжая худыми пальцами безостановочно перебирать зерна

янтарныхъ четокъ, висящихъ у него на рукѣ, беззубымъ ртомъ шепча беззвучныя молитвы.

— Здоровъ, бачка!—наконецъ, переставъ кивать, обратился онъ къ Трубникову. — Добрый часъ, добрый урусъ, приходи! Храни тебя Аллахъ и вашъ Исса!.. Сказывай свой дѣла... Я шалтай-балтай могу по вашъ, по московъ. Панимай яхши...

Сказалъ, затихъ, слушаетъ, четки перебираетъ, губами шевелитъ, ровно не живой, а искусно сдѣланный истуканчикъ.

Трубниковъ негромко заговорилъ:

— Письма везу я хорошія отъ моего начальника, подполковника Бухгольца. Да самъ онъ не совсѣмъ правдивый и добрый человѣкъ... Пишетъ онъ контайшѣ о мирѣ. Проситъ пропуска до Зайсана озера и далѣй. А у него въ рукахъ запечатанный пакетъ отъ самого царя. И раскрыть тотъ пакетъ онъ долженъ только на мѣстѣ, когда придетъ въ Эркеть-городъ... А какъ тамъ онъ укрѣпится, — еще къ нему будутъ на помочь люди посланы. И тогда съ двухъ концовъ пойдутъ наши на вашихъ людей. А губернаторъ, князь Гагаринъ еще недавно вамъ о мирѣ писалъ, и вы ему писали, и на томъ шерть [1]) давали, какъ и наши посланные вамъ ручались вѣрой нашей, что миръ будетъ между улусами вашей орды и калмыцкими и между войсками, да людьми сибирской стороны, которые подъ начальствомъ губернатора князя Матвѣя Петровича. Того ради и сказалъ мнѣ князь: ѣхать сперва къ контайшѣ, письма ему Бухольцевы отдать, да и свое слово сказать, остеречь!.. А тутъ меня твои люди перехватили. Не хотѣлось мнѣ спора и драки затѣвать. Думаю: пускай раньше ты, всѣ улусники и ханъ хаипъ-Магомà узнаютъ невѣрность Бухольцеву и остерегутся... Вотъ что я долженъ былъ открыть самому Хаипъ-хану. Ты теперь ему

[1]) Шерть—присяга.

все передай, а меня отпусти къ контайшѣ. Надо, чтобы его люди тоже готовы были. Одинъ ты—не сладишь съ нашими, больно много насъ, почитай, тысячъ шесть!—удвоилъ умышленно цифру Трубниковъ и замолчалъ, ждетъ отвѣта.

Передалъ старый мулла Мамай-салтану слова „уруса" и стали оба тихо совѣщаться между собой. Наконецъ пришли къ рѣшенію. Старикъ, еще ласковѣе улыбаясь Трубникову, еще чаще закивалъ головой, которая, въ зеленомъ тюрбанѣ, казалась слишкомъ тяжелой и большой для тонкой высохшей шейки муллы.

— Яхши!.. Харшо, бачка! Аллахъ много добра дастъ, што правду любишь... И для губернатора вашего тоже много богатства и здоровья дастъ!.. И тебѣ дары будутъ... А къ контайшѣ пока тебя пускать нельзя... Надо, чтобы ты ѣхалъ къ самому Хаипъ-Магома-Батуръ-хану. Ему все говори. А къ контайшѣ мы можемъ другого человѣка посылать... Тоже вашъ, урусъ. Онъ давно, раньше тебя пришла... Твое слово сказала, а мы не вѣрила... Теперь вѣрила. Эта уланъ вашъ, урусъ была прежде, теперь—нашъ стала... Моссельменъ теперь... А мы съ эта уланъ еще будемъ свой узденъ посылать, хорошъ человѣкъ... Ему будетъ вѣрилъ контайша. Вмѣстѣ будемъ походъ дѣлать, не будемъ твой Темиръ-башъ, Буколтъ до Эркетъ-Норъ допущать... Воевать ево будемъ!..

— Да неможно этого никакъ. Гдѣ еще тамъ вашъ Тургустанъ-городокъ, въ которомъ проживаетъ ханъ-Хаипъ?! Пока вы меня доведете, пока што!.. А подполковникъ уже будетъ у своего мѣста!..

— Нѣтъ, не бойся!.. Мы и то походъ дѣлали, еще ничего вѣрно не слыхамши... И Хаипъ-Магома-Батуръ, ханъ нашъ свѣтлый, не въ Тургустанѣ... Поближе гораздо... Тоже съ войскомъ на готовѣ... Туда мы тебя въ недѣлю довеземъ. А человѣкъ вашъ, который къ намъ перешелъ, онъ тутъ... Я его позову!—черезъ муллу объявилъ Мамай-салтанэ офицеру.

— Што дѣлать! Видно, такъ и надо!—съ досадой пожалъ плечами тотъ и, по знаку Мамая, занялъ мѣсто на кошмѣ, поодаль, закурилъ поданную ему трубку, чтобы сократить время ожиданія.

Черезъ нѣсколько минутъ высокій, стройный человѣкъ, одѣтый по-киргизски, вошелъ въ юрту и, низко поклонясь Мамай-салтанэ, — обернулся съ поклономъ къ Трубникову, которому сразу показалось знакомо густо-загорѣлое, но не Калмыцкое лицо вошедшаго.

— Челомъ бью господину порутчику, Ѳеодору Максимычу!—громко, весело прозвучалъ знакомый голосъ.

— Сысойко!

— Онъ самый и есть!

— Да какъ ты попалъ сюды?..

— Такъ же само, какъ и ваша милость, съ вѣстями важными отъ господина губернатора. Да мнѣ, слышь, не больно повѣровали эти... люди добрые!—кинувъ взглядъ на муллу, который насторожилъ уши, слушая быструю бесѣду «урусовъ»,—сказалъ Задоръ. А, вотъ, ты—счастливѣе. Я знаю, тебѣ тута придется оставаться, а меня—хотятъ къ контайшѣ слать. А я ужъ и прежде побывалъ у нево... И тамо народъ взбулгачилъ... Такое же войско на-готовѣ стоитъ. Поди, и безъ упрежденья нашего теперь навалятся на господина Бухалта... Не дадутъ ему дальше продираться. Повернетъ въ Питеръ не солоно хлебавши, коли только живъ ошшо будетъ!.. Давай, все-таки, письмо къ Эрденю. Велятъ мнѣ ѣхать поутру, не одному, съ большою ордой, съ ихъ дворянами важными, чтобы крѣпче миръ замирить съ контайшею на эту пору, пока нашего Бухалта не выпрутъ изъ Ямышъ-городка...

— Ну, нечего дѣлать, бери, вези! — отдавая Задору письмо, хмуро проговорилъ Трубниковъ.—Што говорить тамъ надо—не учу тебя. Самъ знаешь, не хуже меня...

— Сдается... А што прикажешь, господинъ подпоручикъ, дома сказать, друзьямъ и знакомымъ, когда я поверну въ Тоболескъ? Какъ видно, раньше тебя тамъ буду, — не то дружески, не то съ затаенной насмѣшкой спросилъ Задоръ.

— Што? Кланяйся всѣмъ, хто обо мнѣ спроситъ.. Чево же болѣ?..

Еще суровѣй стало лицо офицера, скорбь и досада пролегла въ складкахъ между бровей, въ углахъ плотно-сжатаго рта.

Хочется ему передать особый, горячій привѣтъ Агашѣ, тѣмъ болѣе, что близокъ бывшій батракъ, теперь — отщепенецъ мусульманинъ, къ поповскому дому на Салдѣ. Но что-то, словно противъ воли, помѣшало Трубникову.

— Скажи тамъ, штобы старались выручать меня поскорѣе, ежели эти... пріятели задержутъ тута надолго... Отъ нихъ всево станется...

— Скажу, скажу! Ужли пріятеля въ неволѣ оставлю... Да и самъ господинъ князь-губернаторъ такъ милостивъ къ твоему благородію... Не даромъ такое важное порученіе поручилъ... Вызволитъ, коли што...

И, обернувшись къ Мамай-салтану, бойко по-киргизски заговорилъ Задоръ:

— Вотъ, письмо я получилъ, какъ видишь, господинъ! Когда угодно, могу въ путь сбираться.

— Хорошо. А теперь—иди къ себѣ и твоего пріятеля возьми съ собою, пусть онъ отдохнетъ съ пути... Завтра еще потолкуемъ всѣ вмѣстѣ передъ твоимъ отъѣздомъ.

Поклонился по восточному Задоръ и вышелъ съ Трубниковымъ, тоже отдавшимъ почтительный поклонъ племяннику ханскому.

А тотъ еще долго толковалъ со своимъ совѣтникомъ-муллой о неожиданномъ гостѣ и о мудреныхъ дѣлахъ, со-

вершающихся въ этомъ обширномъ мірѣ по волѣ Аллаха.

Послѣ пасхальной заутрени, отслуженной попомъ Кирилломъ въ той же походной церкви-шатрѣ, раскинутой въ стѣнахъ крѣпостцы-городка у Ямышъ-озера, пока придетъ время построить настоящую церковку, — весело разговѣлся отрядъ, всѣ почти люди хватили лишнее ради великаго Свѣтлаго Праздника, раньше, чѣмъ пойти на покой послѣ долгой ночной службы. Даже часовые, разставленные на постахъ, и тѣ вполпьяна пошли на мѣста. Утѣшаются, что до свѣта не далеко, когда дневная смѣна прійти должна. Но и остерегаться особенно нечего, какъ думаютъ они. Правда, пока ѣхали по Иртышу караваномъ, часто виднѣлись вдали, и на правомъ, и на лѣвомъ берегу—кучки всадниковъ, которые время отъ времени появлялись на горизонтѣ, словно желая провѣрить путь каравана, затѣмъ исчезали въ просторѣ степей, или въ лѣсныхъ зарosляхъ, подбѣгающихъ къ берегамъ рѣки. Не разъ и осенью появлялись эти развѣдчики, когда шла стройка Ямышева городка. Свои конные патрули, разосланные по обоимъ берегамъ Иртыша, доносили о большихъ отрядахъ кочевниковъ, которые виднѣлись порой, или натыкались они на признаки ночевокъ, на остатки лагерныхъ стоянокъ, покинутыхъ уже довольно сильными отрядами, судя по примѣтамъ и конскимъ слѣдамъ.

Но зимніе холода загнали по домамъ, по дальнимъ улусамъ кочевниковъ, тихо было всю зиму. Охотники, заходившіе и заѣзжавшіе верхами порою очень далеко,—не видѣли больше вражескихъ слѣдовъ. И весною—все было, повидимому, покойно кругомъ.

Прежнія опасенія неожиданнаго нападенія ослабѣли, разъѣзды посылались все рѣже, не охватывали широкаго

круга, какъ раньше. Кочевники успѣли усыпить недовѣріе „московъ“ и тѣ довольно безпечно встрѣтили вешнее солнце и тепло, готовясь къ дальнѣйшему походу. Въ крѣпостцѣ долженъ былъ остаться небольшой гарнизонъ изъ казаковъ, который теперь и несъ сторожевую службу, а остальные казаки охраняли весь косякъ лошадей отряда, пущенныхъ въ степь, у стѣнъ городка, на первую, вешнюю траву... Больше полутора тысячъ коней разсыпалось по степи и, подъ охраной сотни верховыхъ, днемъ паслось, а по ночамъ — загонялось въ нѣсколько огромныхъ загоновъ, устроенныхъ подъ самыми городскими стѣнами. И до утра, сидя у костровъ, сторожили ихъ люди, пустивъ въ ночное на пастбище своихъ верховиковъ, занятыхъ цѣлыми днями.

Разговѣвшись тутъ же, у костровъ всѣмъ, что принесли изъ города товарищи, сидѣли очередные сторожа въ пасхальную ночь и мирно толковали о предстоящемъ походѣ, вспоминали домъ, семью, а то и сказки слушали, страшные, увлекательные вымыслы, которые такъ хорошо умѣютъ разсказывать иные изъ нихъ.

Костры ярко пылали, кидая въ черное ночное небо миріады искръ вмѣстѣ съ клубами дыму и пламени отъ горящаго, сухого валежника. Свѣтъ заставлялъ жмуриться, слѣпилъ глаза и еще чернѣе и непрогляднѣе казалась степная даль, одѣтая ночнымъ туманомъ и мглою.

Вдругъ какой-то гулъ послышался со стороны степи. Не то потокъ воды катится и падаетъ съ высоты на валуны, перекатывая ихъ, не то земля загудѣла, прерывисто и тяжко дыша... Все ближе рокотъ неясный, все тверже и отчетливѣе мѣрные удары чего-то тяжкаго, твердаго о грудь земли... И быстро вдали стали обозначаться очертанія большого табуна неосѣдланныхъ коней. Неизвѣстно почему, невѣдомо откуда неслись кони. Можетъ-быть, мирно паслись за сотню верстъ, но что-то грозное всполошило, напугало ихъ... Напа-

деніе барсовъ, волковъ, или пожаръ степной?.. Кто знаетъ! Но сюда скачетъ табунъ; уже видно, какъ вѣютъ гривы по вѣтру среди неяснаго, предразсвѣтнаго сумрака, средь полусвѣта, полутьмы, дрожащей, невѣрной, какъ глаза продажной прелестницы... Голыя спины у скакуновъ; такъ кажется, по крайней мѣрѣ... Только что-то порою затемнѣетъ, словно тащутъ они за собой каждый какую-то непонятную ношу, не то живую, не то мертвую... Или это волки присосались, впились въ шеи лошадямъ и тѣ несутъ на себѣ свою смерть, изнемогая въ послѣднемъ стремленіи, въ этомъ бѣшеномъ бѣгѣ? Или рыси сидятъ на самыхъ загривкахъ и уже пьютъ горячую алую кровь, пока ноги скакуновъ не подкосились и не грохнули они на траву, орошая ее струями жаркой, остро-пахнущей крови?.. Сообразить, разобрать не успѣли сторожа, какъ ужъ совсѣмъ близко подскакалъ табунъ, мчавшійся раньше широкимъ полукругомъ, а теперь—сбившійся въ нѣсколько растянутыхъ рядовъ, словно эскадроны конницы на ученьѣ.

И неожиданно поднялись человѣческія фигуры изъ-за лошадиныхъ шей, всадники крѣпко сидятъ, втиснувшись искривленными ногами въ голыя бока неосѣдланныхъ лошадей. Гикнули всѣ разомъ! Стрѣлы посыпались на сторожей, грянули выстрѣлы, засвистали копья, пущенныя мѣтко сильной, привычной рукой... Едва успѣли схватиться за свои ружья казаки... Но пока ихъ наставили на рогатки, пока выбили огонь, стрѣляя на удачу,—нѣсколько изъ сторожей уже легло ранеными; а нападающіе, раздѣлясь на три части, дѣлаютъ свое дѣло. Одни—со сторожами перестрѣливаются; другіе—залегли передъ воротами крѣпостцы, въ которой уже слышно смятеніе, тревога, рокотъ барабановъ и звуки голосовъ... Эти должны задержать выходъ людей изъ крѣпости, пока третій, самый многочисленный отрядецъ — ломаетъ загоны, выгоняетъ въ степь лошадей... Вотъ ужъ всѣ полторы

тысячи коней на свободѣ. Прирожденные коноводы-пастухи, калмыки и киргизы—окружили сбитый въ кучу табунъ, гикнули—и погнали его впередъ, въ необъятную степь, которая уже свѣтлѣть начинаетъ, ожидая солнечный восходъ.

Отъ выстрѣловъ, отъ гика и крика ошалѣли кони, мчатся впередъ, поднявъ хвосты, распустя гривы... А за ними совсѣмъ демонами мчатся погонщики-монголы...

Сообразили въ крѣпостцѣ, наконецъ, что случилось... Выстрѣлы ружейные со стѣнъ и изъ башенъ грянули вслѣдъ убѣгающимъ врагамъ. Потомъ и пушечный ударъ прокатился въ тихомъ предразсвѣтномъ воздухѣ. Но отъ этихъ залповъ и пушечной стрѣльбы еще больше обезумѣли, и безъ того напуганные, кони... Правда, пули и картечь уложили нѣсколько враговъ, упало и лошадей около десятка. Зато остальныя еще безумнѣе ринулись впередъ, такъ что даже еле поспѣваютъ за табуномъ его новые господа-захватчики.

Не отважился Бухгольцъ сейчасъ же выслать изъ крѣпостцы людей, не зная, нѣтъ ли засады кругомъ. Ждать рѣшилъ до утра, тѣмъ болѣе, что безъ коней и не догонятъ его люди уносящихся всадниковъ... А нападающіе, пользуясь этимъ, почти безъ потерь—скрылись изъ виду также быстро, какъ и появились...

Дождался утра Бухгольцъ. Выслалъ людей на развѣдки. Неутѣшительныя вѣсти принесли люди.

Куда ни глянутъ глазомъ, на этомъ и на другомъ берегу — дымятся костры, видны отряды вражескіе, которые еще держатся поодаль изъ опасенія орудій, стоящихъ на стѣнахъ Ямышъ-городка... Но ночью они ближе подберутся, правильную осаду поведутъ, всѣ выходы и пути отрѣжутъ русскимъ изъ городка. Только къ рѣкѣ, къ водѣ и останется одинъ свободный путь. Нѣтъ у степныхъ кочевниковъ подходящихъ суденъ, чтобы и тутъ поставить сильную заставу...

— Въ отóку попали мы, господинъ подполковникъ!— доноситъ пятидесятникъ, старый сибирякъ, самъ производившій развѣдку. — Одно и есть—по рѣкѣ скорѣе назадъ уходить!..

Ничего не отвѣтилъ Бухгольцъ, отпустилъ развѣдчиковъ.

— Трубку мнѣ долговидную! — приказалъ онъ своему денщику, взялъ подзорную трубу, пригласилъ двухъ-трехъ офицеровъ-шведовъ, знакомыхъ съ инженернымъ дѣломъ, съ правилами фортификаціи, стратегіи, и вышелъ на башню.

Не солгали развѣдчики. При свѣтѣ дня — видно, что осажденъ городокъ отовсюду отрядомъ, по крайней мѣрѣ, тысячъ въ 10 человѣкъ.

Нападать на городокъ, отлично-укрѣпленный, они, конечно, не рѣшатся. Но и на нихъ нельзя пойти безъ лошадей. Конные будутъ ускользать отъ удара, заѣзжать могутъ сзади, со всѣхъ сторонъ и поражать, особенно—по ночамъ, въ степи... Надо сидѣть за стѣнами, пока есть запасы боевые и съѣстные припасы. А потомъ?!.

Думать не хочется сейчасъ Бухгольцу объ этомъ „потомъ"...

Однако, пришлось подумать, и очень скоро... Ночью ушли изъ городка, очевидно спустясь со стѣнъ, или подкопавшись гдѣ-нибудь, нѣсколько инородцевъ, которыхъ не мало въ отрядѣ, и крещенныхъ и некрещенныхъ, въ качествѣ конюховъ, слугъ, кашеваровъ, шорниковъ и всякого рода мастеровыхъ. Есть и среди ратниковъ десятка два крещенныхъ, но совсѣмъ еще не обрусѣлыхъ туземцевъ.

Можно ли положиться на нихъ! И предавать они могутъ всякій шагъ отряда, и запасы пороховые взорвать способны, или подмочить, попортить оружіе... Мало ли что! Одинокій врагъ въ своемъ собственномъ станѣ, да еще затаенный, лукавый, безпощадный—опаснѣе тѣхъ тысячъ враговъ, которые темнѣютъ за стѣнами, порою въ разсыпную

подскакиваютъ близко, джигитуютъ у самыхъ стѣнъ, вызывая на единоборство батырей—урусовъ, увертываясь отъ пуль, посылаемыхъ въ этихъ головорѣзовъ, какъ въ жаркій полдень увертывается отъ оводовъ легкій степной конь...

И пришлось уступить общимъ настояніямъ, сдѣлать такъ, какъ подсказывало и собственное благоразуміе. Ночью, безшумно спустились къ рѣкѣ люди, что могли, нагрузили на суда, остальное—подожгли вмѣстѣ съ городкомъ, съ его стѣнами и зданіями...

Сами усѣлись какъ попало и быстро, внизъ по теченію подгоняемые сильными ударами веселъ, поскользили дощаники и ладьи, пущенные по самой серединѣ рѣки, чтобы больше обезопасить людей отъ выстрѣловъ изъ ружей и тучи стрѣлъ, какую пустили въ уходящихъ враги, мѣтко цѣля въ барки, ярко озаренныя среди ночной тьмы заревомъ огромнаго пожара, охватившаго Ямышъ-городокъ.

Задолго до возвращенія всего отряда вѣсть о неудачѣ Бухгольца дошла до Тобольска. Принесъ ее первый Задоръ, уже очутившійся здѣсь въ своемъ обычномъ видѣ и доложившій подробно Гагарину какъ о своихъ приключеніяхъ, такъ и о томъ, что Трубникова задержали у дикой орды и послали къ самому Хаипъ-хану, не совсѣмъ, очевидно, довѣряя русскому офицеру.

— Ничего, вернемъ малаго!—улыбнулся Гагаринъ какъ-то странно, загадочно.—Не оставимъ его тамо долго, чтобы тутъ кто не скучалъ... А тебѣ—за службу спасибо! И награда вотъ!

Принялъ тугой кошель, кланяется, благодаритъ Задоръ, а самъ глядитъ на князя, переминается.

— Что еще надо? Говори, Сысоюшко.

— Слышалъ я, пока не было меня тута, пріѣзжалъ изъ

Рассеи полковникъ, князь Долгоруковъ, словно бы съ розыскомъ какимъ... Не противъ твоей ли милости новые навѣты?

— А тебѣ што?—вопросомъ на вопросъ откликнулся князь.

— Да, сдается, знаю я, откеда вѣтеръ дуетъ, противный твоему вельможному сіятельству. Фискалишка этотъ, шишъ проклятый, Ивашка Нестеровъ... Онъ мутитъ!.. А я... Случается, встрѣчаемся съ имъ. Онъ по ночамъ часто бродитъ, гдѣ и я бываю... И ежели твоей милости на пользу было бы, такъ я его, какъ курченка...

Не договорилъ одинъ, не отзывается другой, думаетъ что-то. Потомъ негромко заговорилъ:

— Благодарствуй за вѣрность и охоту добрую, Сысоюшко... Нѣтъ, лѣшій съ нимъ! Князя, што пріѣзжалъ,— я не боюся! Свой братъ! хотя и „Долгорукой“, по истинѣ, да и у меня сундуки не пусты... Какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ. Мнѣ зла не будетъ отъ него. Онъ царю скажетъ за меня, а не противъ. А что тутъ Ивашкины слезы есть, и это ты вѣрно угадалъ. Да—трогать не стоитъ гадину, руки марать!.. Его не будетъ, другого пришлютъ. А онъ пока не страшенъ... По службѣ—доноситъ, что слышитъ... Чертъ съ нимъ! Будемъ знать да остерегаться... Да такъ дѣлать надо, чтобы страху не имѣть передъ царемъ и Богомъ.

Говоритъ, а у самого—губы дрогнули, словно отъ кривой усмѣшки.

— Што толковать! Твоя правда, свѣтлѣйшій князь! А, все же, поопасайся ты гада! Я слышалъ, онъ такое на тебя взвести думаетъ... И сказать боязно...

— Что?.. говори. Лучше знать заранѣе... и мѣры взять.

— Изволь. Первое, будто ты отъ себя теперь съ Хиной и съ западными государствами большій торгъ повелъ, чѣмъ

сама казна торгуетъ... И будто бы деньги тѣ, прибытки всякіе тебѣ надобны на великое дѣло... Вотъ, ты Шведовъ наймалъ, давалъ имъ оклады... А этотъ гадъ сказываетъ, готовишь въ нихъ себѣ вѣрныхъ людей, какъ война начнется у тебя...

— У меня, съ кѣмъ... еще война?..—нахмурясь, быстро спросилъ Гагаринъ.

— Съ Рассеей, съ царемъ самимъ, у коего ты задумалъ Сибирь отнять...

— Ха-ха-ха!

Смѣется губернаторъ, но смѣхъ его звучитъ какъ-то странно, дѣлано.

— Дальше.

— Хочешь, будто, старину здѣсь водворить... и тѣмъ людей закупаешь... И кочевыхъ хановъ задариваешь... И оклады верстаешь зря, сыплешь золото, чего-то ожидаючи...

Выждавъ, видя, что Гагаринъ молчитъ, Задоръ совсѣмъ тихо продолжалъ:

—. Оно, вѣрно... слово тебѣ стоитъ сказать... и...

— Молчи! Не болтай попусту!.. И хотѣлъ бы я чего такого... такъ еще не пора!—значительно проговорилъ Гагаринъ.—А тѣмъ болѣй, что я и не хочу, не думаю. Пусть болтаетъ шпынь, языкомъ треплетъ. Видимое дѣло, подачки новой хочетъ! Шутъ съ нимъ, кину горсть-другую въ его пасть несытую, вотъ и примолкнетъ'..

— Добро бы... А мнѣ сдается, онъ и рубли возьметъ, и свое вести будетъ, по старому... У Іуды свой расчетъ... Право, лучше бы...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вижу, преданный ты человѣкъ... И можешь знать, что я тебя никогда не оставлю... А пока-иди!.. Ты куды, въ слободу теперь?

— Куды-же инако... Домой, къ попу Семену. Не поизволишь ли сказать тамъ чего?

— Кланяйся. Скажи, буду дней черезъ пять. Все недосугъ. А зайдетъ рѣчь о... о Ѳедѣ... Любитъ его попъ, и Агаша дружила съ нимъ. Успокой, скажи: вернемъ его скоро обратно...

— Добро!

Поклонился при этомъ Задоръ, чтобы не видѣлъ Гагаринъ невольной глумливой насмѣшки, прозмѣившейся по лицу батрака.

— Челомъ тебѣ бью, князь-бояринъ милостивый!..

Еще разъ поклонился—и вышелъ Задоръ.

Исхудалая, измученная, сидитъ на своей постели Агаша, озаренная только свѣтомъ лампады у кіота въ углу. Слушаетъ разсказъ Задора, который сидитъ тутъ же, на краю, не то довольный, не то озлобленный.

— Вотъ, слышь, каковы дѣла у меня... Бросилъ я нашу вѣру хрестьянскую... Буданцемъ сталъ! Буддой Бога звать у калмыковъ-то... И дали мнѣ много всякаго добра у хана, и въ жены онъ мнѣ свою, неблизкую родную пожаловалъ, и слугъ, и коней, всякой всячины... А я и ошшо могу брать женъ, хоть пять, хоть десять! Да самъ не хочу... Одну только еще возьму... Тебя!.. Пойдешь ли со мною? Ханшей тамо станешь, княгиней ихней, буданской, калмыцкою... Не одинъ тамъ я такой... Есть и Зеленовскій, полякъ, и нѣмцы, и шведы. На ихнихъ дѣвкахъ поженились, калымъ большой взяли, нынѣ господами живутъ... Поѣдемъ, люба!..

— Нѣтъ, Сережа, не пойду... Отца не кину, вѣры не смѣню... Грѣхъ!..

— Грѣхъ! Вѣра? Ха!.. И никакой тута смѣны нѣтъ! Ихній Богъ, что и нашъ. На небесахъ сидитъ, правду любитъ... Ни бурхановъ у нихъ, ни идоловъ. Только одно обличье Будды. Такъ они Бога своего зовутъ .. Какая же измѣ-

на вѣры?.. Богъ у всѣхъ одинъ... А зато не подвластной дѣвченкой проживешь, а сама приказывать людямъ станешь... Ѣдемъ, слышь!

— Нѣтъ... Можетъ, ты и правъ... Да я не могу... Вонъ, второю женою быть зовешь, а тамо и еще наберешь... Куды я тогда, какъ постарѣю?.. Знаю обычаи ихніе... Пока женка молода, потоль и въ ласкѣ... Нѣтъ... Не хочу!

— Ишь, какая умная. А не слыхала, што у насъ тута хрещеные по много бабъ держутъ?.. И дома, и на сторонѣ... И дѣвки наши, не то бабы,—тоже двоихъ-троихъ мужей знаютъ, да не явно, а потайно, крадучись... Такъ лучше жъ прямо, а?..

Не отвѣчаетъ дѣвушка, только крупныя слезы градомъ падаютъ изъ глазъ, окруженныхъ темными кольцами.

— Да што съ тобою?.. Али, и впрямь, больна была безъ меня... скажи...

— Была... и теперь недужится...—торопливо отозвалась дѣвушка.—Я... слышь...—совсѣмъ тихо заговорила она, покраснѣвъ до корней волосъ,—я... тута порошки твои пила, што ты давалъ про всякъ случай... помнишь? Недѣли нѣтъ, какъ пріймала... Еще не въ себѣ послѣ нихъ. Много крови ушло.

— Воотъ што!.. Ну, такъ я и тревожить тебя не стану!—протяжно отозвался Задоръ.—Ишь, какое дѣло!.. Неужъ князенька такъ сумѣлъ?.. Чудно! Меня, чу, не было... А, можетъ, и ты по „будански“ жить тута стала безъ меня?—не то шутливо, не то съ угрозой вырвалось у Задора.

Задрожала, помертвѣла дѣвушка такъ, что стало жалко и загрубѣлому батраку.

— Ну, ну! Не трепыхайся, кралечка моя! Шутки шучу я... А, слышь, порошечки-то каковы! Какъ рукой сняло... хворь-то твою, которая дѣвкамъ словно бы и не подобаетъ. Ха-ха-ха!.. Ничего! Одинъ Богъ безъ грѣха... Я самъ въ

грѣхахъ—по уши завязъ и вылазить не сбираюсь! Што ужъ мнѣ тебя судить?.. Ну, прости, Христа ра... Нѣ! По новому сказать надо. „Омъ-мани падъ-ме хумъ“!.. Такъ буданцы сказываютъ свою мольбу... Спи, отдыхай... Я ужо приласкаю тебя, какъ совсѣмъ оздоровѣешь... Тогда сызнова и потолкуемъ, хочешь ли въ степь со мною?.. Али будешь тутъ сидѣть, ждать... у моря погоды!.. Прости!..

Ушелъ Задоръ. Агаша сошла съ постели, кинулась передъ иконами на колѣни и до утра молилась о далекомъ другѣ, просила Бога, скорѣе бы освободилъ онъ изъ неволи раба своего, Өеодора...

ГЛАВА IV.

Послѣдняя ставка.

Прошло еще два года.

Много событій, крупныхъ и мелкихъ, пронеслось за этотъ срокъ и въ Сибири, и на Руси.

Убитый, подавленный неудачей, вернулся Бухгольцъ, прожилъ до зимы въ Тобольскѣ, бродилъ повсюду, словно еще надѣясь, ожидая чего-то, пока не вернулся изъ морского похода Петръ и не вызвалъ къ себѣ, въ Петербургъ неудачника.

Все по чистой правдѣ разсказалъ онъ царю, не скрылъ, что считаетъ одного Гагарина виновникомъ такой ужасной неудачи, но не имѣетъ тому прямыхъ доказательствъ въ рукахъ. Развѣ можетъ указать, что еще при немъ—губернаторъ Сибири сталъ продолжать дѣло, начатое подполковникомъ, только немного иначе. Послалъ раньше пословъ и

къ дико-каменнымъ казакамъ, и кь калмыцкимъ тайшамъ, завѣряя ихъ въ дружбѣ, объясняя случай съ Бухгольцемъ какимъ-то недоразумѣніемъ... Въ то же время отъ себя послалъ съ людьми подполковника Ступина, который настроилъ рядъ маленькихъ „остроговъ", подобрался къ тому же Ямышъ озеру и двинулся къ Зайсану, откуда прямой путь за золотомъ Эркета.

Слушаетъ, соображаетъ Петръ, сопоставляетъ доклады Бухгольца съ доносами Нестерова, который прямо передаетъ слухи, будто отъ Гагарина пошли злыя внушенія, поднявшія кочевниковъ противъ подполковника съ его отрядомъ...

Совсѣмъ иное доложилъ Долгорукій, посланный царемъ на ревизію Сибири. По его словамъ, на мѣстахъ тамъ все идетъ хорошо. Гагарина любятъ, боятся; а новый губернаторъ старается укрѣплять власть царя въ полудикомъ краю, изыскиваетъ средства пополнитъ казну безъ особаго обремененія обывателей, именно такъ, какъ любитъ это Петръ. И если нашелъ тамъ ревизоръ нѣкоторые непорядки и злоупотребленія, то они исходятъ не отъ Гагарина, напротивъ, онъ борется съ ними съ первыхъ дней пріѣзда своего въ Тобольскъ.

— А полкъ лишній драгунскій, 1000 человѣкъ почти,— зачѣмъ завелъ князь?.. Съ кѣмъ воевать собирается?—вдругъ задалъ вопросъ царь.

— И ничего не завелъ лишняго!—быстро отвѣчаетъ Долгорукій, у котораго на всякій спросъ свое слово заранѣе приготовлено, по общему совѣту съ Гагаринымъ.—Просто гварнизонъ тобольскій былъ, почитай, цѣликомъ взятъ Бухалтомъ въ походъ. А тутъ непокойно стало кругомъ. Надо было людей верстать, для городской обороны и для разсылокъ. А когда въ скорости и тѣ люди вернулись, которые шли съ Бухалтомъ на два, на три года,—и оказалось, что

много ихъ стало съ прежними... Помаленьку князь и распускаетъ лишнихъ.

— А зачѣмъ ссоритъ князь Журухту съ Хаипъ-ханомъ? Къ войнѣ обоихъ подбиваетъ, когда ранѣй мирить ихъ пытался да въ согласіе приводить... Не знаешь ли?

— И то слышалъ!—живо подхватилъ князь, языкъ которому густо позолотилъ Гагаринъ.—Какъ вышла бѣда съ Бухалтомъ, и сталъ думать губернаторъ, што лучше этимъ двоимъ между собою рѣзаться, чѣмъ въ дружбѣ жить, крѣпнуть силами да на насъ, на русскихъ, зубы оскаливать, ножи точить... Пусть двое дерутся, а онъ радоваться будетъ, на ихъ рознь глядя... Вотъ какъ говорилъ мнѣ князь Матвѣй Петровичъ.

— Слышу... вижу: хорошо ты запомнилъ рѣчи его умныя. Ну, добро! Спасибо за службу...

Отпустилъ царь продажнаго слугу, но не успокоился.

Однако, и заняться вплотную дѣломъ Гагарина не было времени. Война со шведами стояла на самомъ переломѣ, на крутомъ рѣзу...

Только складывалъ Петръ въ своей памяти все, что касалось Гагарина и великой, богатой Сибири, чтобы въ болѣе удобное время заняться обоими.

Видя, что отъ Петра нѣтъ особенно грозныхъ вѣстей, смѣлѣе сталъ Гагаринъ проявлять полноту и силу власти своей въ Сибири, стараясь пустить здѣсь поглубже корни.

Даже съ Нестеровымъ завязалъ дружбу, сталъ задаривать фискала, полагая, что молчаніе, царящее со стороны „Парадиза"—обусловлено, въ извѣстной мѣрѣ, и хорошими отзывами продажнаго ревизора, не подозрѣвая, что Нестеровъ отписываетъ подробно Петру обо всѣхъ „дарахъ и закупахъ" губернатора, подобно Меншикову желая этимъ пріобрѣсти большее довѣріе государя. А въ своихъ доношеніяхъ—по

прежнему сообщалъ все, правдивое и ложное, что только могъ услышать и вызнать о губернаторѣ.

Насталъ 1718 годъ. Еще раньше дошли въ Тобольскъ дивныя вѣсти: исчезъ было безслѣдно царевичъ Алексѣй со своей любовницей, простой дворовой дѣвкой Афроськой, которую подсваталъ ему его бывшій учитель, потомъ—приспѣшникъ, Никифоръ Вяземскій.

Сынъ изъ-за границы писалъ Гагарину осторожно, условными знаками, что родился у молодой царицы сынъ; а это дало мысль Петру окончательно отстранить отъ престола первенца, какъ слабосильнаго и слабоумнаго, и заточить его навѣки въ монастырь. Желая избѣгнуть такой участи, царевичъ Алексѣй скрылся у австрійскаго императора, но былъ найденъ и возвращается домой.

Друзья изъ Москвы и Петербурга въ то же время сообщили Гагарину, что на него надвигается большая гроза. „Близкимъ“ людямъ Петръ очень рѣзко отзывался о князѣ и говорилъ, что ждетъ лишь удобнаго времени, дабы разсчитаться съ хитрымъ „сибирскимъ царькомъ“, какъ онъ выразился, за всѣ лукавства, хищенія и неправды великія противъ сибирскихъ людей и самого царя.

Гагаринъ понялъ, что „*близкіе люди*“—это Меншиковъ и Екатерина, которыхъ князь при каждомъ удобномъ случаѣ буквально осыпалъ подарками огромной цѣны. И если они рѣшились такимъ кружнымъ путемъ предупредить Гагарина о грозящей опасности, значитъ, послѣдняя велика и отвратить ея не могутъ даже оба, „*близкіе*“ царю, человѣка...

Днями и ночами голову ломалъ Гагаринъ, отыскивая способъ уладить дѣло, одолѣть тайныхъ и явныхъ враговъ, которые, очевидно, взяли большую силу у Петра... Призывалъ онъ на совѣтъ Келецкаго, толковалъ и съ Нестеровымъ, который часто заглядывалъ къ „благодѣтелю“, изъ-

являя самую рабскую покорность и собачью преданность. Даже съ задоромъ заводилъ рѣчи о неожиданной опалѣ, которая, весьма возможно, ожидаетъ князя со стороны Петра, потому что окружающіе завидуютъ положенію сибирскаго губернатора, имѣющаго возможность „золото лопатами грести“...

Келецкій совѣтывалъ на время — перемѣнить всю систему управленія, снова дать больше воли подчиненнымъ, вернуть имъ возможность наживаться по старому и тѣмъ— создать себѣ естественныхъ защитниковъ вмѣсто враговъ, какими были почти всѣ сибирскіе чины и служилый людъ по отношенію къ „жадному губернатору“, желающему все захватить въ свои лапы... Затѣмъ— надо ѣхать въ Петербургъ, просить объ отпускѣ за разстроеннымъ здоровьемъ, или хотя бы о замѣнѣ другимъ лицомъ на время. Этотъ другой сразу очутится въ худшихъ условіяхъ. Давать царю того, что давалъ Гагаринъ, — онъ не сможетъ и князя неизбѣжно призовутъ снова править краемъ, который только въ его рукахъ даетъ, необычайные до этого времени, доходы.

— Умно, да канительно!.. Позовутъ назадъ, либо нѣтъ?— еще бабушка наворожила да на двое положила. Научать тутъ люди и новаго, какъ ему быть, по моимъ слѣдамъ какъ идти, деньги грести... Нѣтъ, подумаемъ еще!.. Да и въ Питербурхъ безъ зову ѣхать боязно... а съ зовомъ—и вовсе страшно... Посидимъ лучше здѣсь тихимъ манеромъ...

Нестеровъ увѣрялъ, что тревожные слухи—вздоръ. Онъ, фискалъ, — хорошо пишетъ про благодѣтеля... А ему царь вѣритъ больше, чѣмъ всѣмъ вельможамъ своимъ...

— И не думай ни о чемъ, благодѣтель! Живи, какъ жилъ въ свое удовольствіе, тѣшь свою душеньку, радуй насъ, смердовъ послѣднихъ, рабовъ твоихъ! Разъ жить на свѣтѣ! Такъ что тамъ печалить себя задарма, еще ничего не видя...

Хотѣлъ бы вѣрить Нестерову Гагаринъ, и самъ былъ онъ

склоненъ легко смотрѣть на жизнь, избалованный вѣчной удачей. Но смущали князя глаза фискала, которые или по сторонамъ предательски бѣгали, или, если ужъ глядѣли въ глаза князю, такъ загорались какими-то искорками, не то собачьяго страха, не то дьявольской глумливости...

А Задоръ, послушавъ князя, прямо отрубилъ:

— Послѣдніе, видно, приходятъ свѣтлые деньки твои, князь-государь, коли самъ не спохватишься... Не ѣзди туда самъ, а и позовутъ, тоже уприся... Хворь, молъ, либо што! Да надо поспѣшить, на здѣшнемъ ружейномъ заводѣ пусть поболѣ ружей дѣлаютъ... Въ годъ ихъ и то не болѣ 1000 стряпаютъ эти копуны твои, мастера ружейные... А надо больше!.. Купить бы гдѣ за рубежами, али изъ Москвы подъ какой-либо отговоркою вытребовать... Да у Демидовыхъ свинцу, желѣза взять, да зелья больше наготовить... да пушекъ... И ждать потомъ дурныхъ вѣстей не съ пустыми руками... Разумѣешь, благодѣтель?.. А людей?.. Ихъ найдемъ!.. Я со дружками со своими—въ мѣсяцъ цѣлу Сибирь подниму, лишь бы знали люди: за кѣмъ идутъ?.. Все едино: помирать! Такъ, хоша не въ казематахъ царскихъ, тамъ, въ Питерѣ, въ болотѣ вонючемъ, чухонскомъ... А сюды царь и послать-то не сможетъ силы ратной... На Шведа ему людишекъ не хватаетъ... подъ бокомъ трудно воевать... Гдѣ же здѣсь што сдѣлать, когда и городъ-то отъ города на многія сотни верстъ! Вонъ, тута люди въ гости на праздники за 300 верстъ катятъ, на тройкахъ, мчатся такъ, что духъ замираетъ!.. А ужъ военную команду не погонишь на тройкахъ... Пѣшкомъ-то они не скоро къ намъ дойдутъ, а по пути—и лѣса, и горы, и болота есть!.. Найдемъ мѣсто — спать уложить незванныхъ гостей!..

Развиваетъ Задоръ широкій планъ междуусобной войны, большого народнаго раскола, разрухи государственной; а у

самого лицо покраснѣло, глаза засверкали, какъ у кошки въ ночной темнотѣ, ноздри вздрагиваютъ, раздуваются.

Даже страшенъ показался Гагарину этотъ парень — бродяга, постоянно веселый, услужливый, балагуръ и пѣвунъ залихватскій.

— Добро... я еще помыслю!..—медленно говоритъ Гагаринъ совсѣмъ не то, что думаетъ. Но онъ боится сразу оборвать смѣльчака, отвергнуть его планы, чтобы тотъ на князя не повелъ нападенія, какъ дерзаетъ повести на кой-кого повыше. И совсѣмъ ласково продолжаетъ хитрый, уклончивый вельможа:

— Ты, Сысоюшко, еще походи, повызнай: такъ ли все оно, какъ самъ думаешь?.. Сколь много народу готово противъ новизны всякой встать, за старину, за вѣру древнюю?.. Шепни тамъ одному, другому, что надо... Только съ разборомъ, клятву взявъ, что не выдастъ тотъ человѣкъ ни тебя... ни... другихъ... Понялъ?.. А тамо и придешь, мнѣ скажешь... Ужо и поглядимъ...

Ушелъ Задоръ, исполняя желаніе Гагарина; снова пустился колесить по городамъ и поселкамъ сибирскимъ, по скитамъ потаеннымъ раскольничьимъ, много добрыхъ вѣстей припасъ; но ужъ не суждено ему было передать тѣ вѣсти князю, свидѣться хотя бы разокъ еще съ ласковымъ губернаторомъ Сибири.

Въ апрѣлѣ того же, 1718 года явился въ Тобольскъ гонецъ отъ самого Петра, денщикъ его, полковникъ, князь Волконскій, грозную вѣсть сообщилъ, отъ которой затрясся Гагаринъ, хотя не его лично касалась она.

— Анлевировали цесаревича и Апроську ево, посланные отъ государя, графъ Петръ Толстой да капитанъ Александръ Румянцевъ, выманули ево изъ крѣпости неапольской Сентъ-Эльмы, въ которой онъ укрывался вмѣстѣ съ дѣвкою своею, съ Апроськой, сидючи подъ опекой тестя,—

австрійскаго цесаря, и привезли обоихъ въ Москву. Здѣсь спервоначала обошлось дѣло. Только подстрекателямъ къ побѣгу плохо пришлося. Розыскъ въ Суздаль перекинулся, гдѣ въ монастырѣ бывшая царица Евдокія, теперь инока Елена проживала. Невзначай туды прискакалъ преображенскій бомбардиръ, капитанъ поручикъ, Скорняковъ-Писаревъ.

— Гришка-запивоха?..

— Онъ самый... Въ люди вышелъ! Разыскалъ столько, что и саму царицу-иноку подъ арестъ взялъ, и епископа Досифея, и ключаря тамошняво монастырскаго, Пустынина, Ѳеодора, да пѣвчаго же, Ѳедьку Журавскаго... Да, подъ конецъ, — притянули и любовника ейнаго, Степана Глѣбова, съ которымъ снюхалась царица-инока черезъ поповъ тамошнихъ... Погодя — и епископа Ростовскаго, Досифея загребли... Кончилось тѣмъ, что сана ево лишили и колесовали, вмѣстѣ съ Кикинымъ, Глѣбовымъ, съ попомъ Пустынинымъ и съ Ѳедькой Журавскимъ, который Глѣбова къ царицѣ водилъ да письма переносилъ злодѣйскія... И еще многихъ казнили, либо ноздри рвали и сослали въ разныя мѣста... Скоро и къ тебѣ ихъ повезутъ... А, слышь, Авраама Лопухина, родного брата же разведенной царицы, также клеймили и въ ссылку ево; и Собакина Григорья не пощадилъ. А княгиню Настасью Голицыну да Варвару Головину — при цѣломъ полку обнажить да батогами бить велѣлъ, а потомъ въ монастыри разослалъ. И царицу иноку Елену въ монастырь же въ строгій, въ Старую Ладогу вывезъ... Тамъ она подъ стражей сидитъ... Долгорукіе оба брата, особливо Василій—тоже врюхались. Василья и теперь томятъ подъ замкомъ; слышно, — сюда пошлютъ въ ссылку ево, къ тебѣ-же... И Семена Щербатовыхъ, князька... И... Э! всѣхъ не перечтешь!..

— Господи! — только и вырвалось у Гагарина.

— Пожди, не вздыхай. Не все еще... Теперь и сестру, царевну Марью Алексѣевну на допросы позвалъ... Чуть не

дыбой стращалъ!.. А, подъ конецъ сызнова за сына взялся. Отлученіе царевича отъ наслѣдья и трона давно оглашено было... [1]). А теперь полный судъ по формѣ пойдетъ... Больше 130 человѣкъ однихъ судей назначено. Вотъ списокъ ихъ, я захватилъ для тебя... Гляди, тутъ и твоя фамилія... И тебя зоветъ. Долженъ ты царя съ его сыномъ непокорнымъ разсудить... Читай, гляди!..

Взялъ листъ Гагаринъ, руки у него дрожатъ, въ глазахъ помутилось. Но, пересиля себя, началъ онъ проглядывать имена. Дѣйствительно, всѣ первые люди въ государствѣ собраны тутъ; начиная съ Александра Меншикова, свѣтлѣйшаго князя, „сердечнаго друга", затѣмъ шли имена графа Апраксина, старика генералъ-адмирала и второго, Петра, канцлера Головкина, сенаторовъ, князя Якова Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина, барона Шафирова, Стрешнева, князей Петра и Дмитрія Голицыныхъ, Петра Толстого, ближняго стольника, Ромодановскаго, Самарина, Чернышева, Головина, маршалла Адама Вейде, бояръ Салтыкова, Бутурлина, губернатора Москвы Кирилла Нарышкина, губернатора Сибири, Гагарина, генералъ-полицеймейстера Антона Девьера, вице губернаторовъ Архангельска, Азова, полковниковъ, маіоровъ, даже флота-поручиковъ, Меншиковыхъ и многихъ другихъ людей, всѣхъ знаній и состояній, изъ лучшаго дворянства имперіи.

Опустилъ листъ Гагаринъ, рта раскрыть нѣтъ силы. Да и въ головѣ пусто, словно водою налили ему черепъ и потонули въ ней всѣ мысли и воспоминанія...

Молчитъ и Волконскій. А потомъ, совсѣмъ тихо заговорилъ:

— Надо ѣхать! Видишь, дѣло неотложное... Да, это еще не бѣда... А, слышь, и тебя есть касаемое... Какъ ужъ собрался я съ приказомъ царскимъ къ тебѣ, — позвалъ меня

---

[1]) См. приложеніе № 1.

государь и говоритъ: „Ты—побудь до самого отъѣзда князя... Хоть боленъ скажись... А тамъ—покажешь вотъ этотъ мой приказъ и всѣ его бумаги, все, что есть въ дому, соберешь, опечатаешь и слѣдомъ за нимъ—сюда вези поскорѣе... Есть у меня большія жалобы на губернатора... Такъ, нужно улики имѣть!“... Я ордеръ принялъ, абшидъ взялъ, откланялся... А меня по пути и перенимаетъ... самъ понимай, кто?! И такъ ласково говоритъ: „Слышь, князенька! За кѣмъ вина не живетъ! А Гагаринъ добрый человѣкъ и подводить его грѣшно! какъ пріѣдешь, прошу тебя: не таись отъ него, скажи твое посольство тайное. Онъ самъ тебѣ отдастъ, што надо... А ты ужъ не забирай огуломъ... Понялъ? „Я подумалъ, да и согласился! Руку мнѣ цѣловать дали! Совсѣмъ ужъ тутъ я спасовалъ... Ну, вотъ, по приказу той высокой персоны и дѣлаю... Открываю тебѣ тайну свою, порученіе царское строгое. Можетъ, мнѣ за это смерть будетъ... а отказать не могъ ей!..

Теперь оба замолкли. Только часы громко тикаютъ, большіе, англійской работы, стоящіе на особой подставкѣ у стѣны.

Наконецъ тяжело поднялся съ мѣста Гагаринъ, въ поясъ поклонился Волконскому, обнялъ его, поцѣловалъ крѣпко.

— Спасибо, старый другъ! Вижу, есть добрые люди на свѣтѣ и пріятели нелицемѣрные... Самъ я выдамъ тебѣ бумаги, это вѣрно... Ну, и, тамъ, остальное... Вези, передавай, чтобы, значитъ, приказъ исполнить царскій... Не утаю ничего... А пока я собираться стану въ путь, ужъ не откажи, у меня поживи... Прослѣди за „преступникомъ“!—горько улыбаясь сказалъ онъ. И, взявшись за голову, продолжалъ:

— А теперя... не взыщи! Отъ добрыхъ отъ вѣстей отъ питерскихъ—вовсе голова раскололась моя!.. Виски завинтило, просто смерть!.. Пойду, прилягу, можетъ, пройдетъ. Да и тебѣ съ дороги поотдохнуть не мѣшаетъ!.. Я велю тебя проводить...

Важный дворецкій по цѣлому ряду покоевъ провелъ гостя на половину, назначенную для особенно-важныхъ гостей.

Волконскій быстро заснулъ.

А Гагаринъ до утра совѣщался съ Келецкимъ, дѣлалъ распоряженія. Слуги въ домѣ тоже не спали, изъ кабинета, изъ опочивальни князя, изъ кладовыхъ, изъ подваловъ выносились какіе-то сундуки, укладки, ящики и складывались на повозки, въ экипажи, въ дрожки. Цѣлый обозъ скоро выстроился на заднемъ дворѣ губернаторскаго дворца. Лошади быстро и безшумно были выведены, запряжены; десятка два верховыхъ окружили обозъ, когда онъ выѣхалъ изъ заднихъ воротъ и въ темнотѣ ночной быстро направился къ Салдинской слободѣ, къ дому попа Семена.

Келецкій и Феодоръ Трубниковъ, всего недѣлю назадъ вернувшійся изъ почетнаго своего плѣна,—провожаютъ обозъ, какъ довѣренные люди Гагарина...

И только на другое утро, почти къ полудню, когда прискакалъ изъ Слободы усталый, измученный, не спавшій всю ночь, Трубниковъ и разсказалъ Гагарину, какъ доѣхалъ обозъ до цѣли, какъ размѣстили тамъ всѣ сундуки и тюки,—тогда лишь вздохнулъ посвободнѣе князь и съ улыбкой, съ громкими шутками сталъ водить денщика царскаго, гонца нежданнаго по своему, наполовину опустѣлому, дворцу, раскрывая всѣ двери, показывая всѣ похоронки и углы.

Не осталось здѣсь уже ничего такого, чего не желалъ бы или опасался Гагаринъ показать посланному Петра.

Изъ этихъ остатковъ Волконскій отобралъ и запечаталъ очень немногое, что ему показалось подороже, или поинтереснѣе для царя. Остального не тронулъ.

— Самъ ужъ припрячь, Матвѣй Петровичъ, что подороже у тебя!—сказалъ Волконскій.—Не грабить же тебя хочетъ царь... Ему, видно, бумаги какія-либо нужны... Такъ, я и взялъ, что мнѣ сдается поважнѣе.

Говоритъ, самъ улыбается лукаво.

За это, вернувшись къ себѣ вечеромъ въ спальню, нашелъ на столѣ Волконскій большую шкатулку, тюленьей кожей обитую, ключъ въ замкѣ торчитъ и надписано на бумажкѣ рукой Гагарина:

„*На поминки отъ друга благодарнаго*».

Рзскрывъ шкатулку, Волконскій увидѣлъ ряды червонцевъ, стопки цѣлыя, на 10.000 рублей ровно. Заперъ онъ шкатулку и подъ кровать ее поставилъ, улыбается лукаво и весело. Хорошо спалось ему въ эту ночь на мягкой постели, подъ стеганнымъ атласнымъ покрываломъ, которое оказалось не лишнимъ, несмотря на то, что май близко.

А Гагаринъ въ ту-же ночь самъ отправился въ гости къ попу Семену.

Позвали дѣда Юхима, и Агаша тутъ же, Келецкій, Трубниковъ.

Разсказалъ Гагаринъ о своемъ вынужденномъ отъѣздѣ въ Россію, о своихъ опасеніяхъ.

— Если тутъ, какъ я жду, безъ меня пріѣдутъ рыться въ моемъ дому,—хочу отъ чужихъ рукъ уберечь понадежнѣе кое-что... Можетъ, и сюда пожалуютъ развѣдчики... Слѣдятъ за мною, поди, въ десять глазъ... Тотъ же Ивашка Нестеровъ пронюхаетъ, что сюды я возы посылалъ! Такъ нельзя ли повѣрнѣе похоронку найти?.. Вотъ, помню, говорили вы про тайникъ могильный, откуда ты, дѣдъ, вещи рѣдкія вынесъ, ихъ Агашѣ подарилъ... Не скажешь ли мнѣ, гдѣ та похоронка?.. Туды хочу я спрятать, что подороже для меня...

— Можно сказать! — отвѣчаетъ угрюмый старикъ.—Благо, Сысойки нѣту въ дому... При—емъ бы, все одно, хошь и не прячь! Все вызнаетъ и унесетъ, ворюга... А теперя — схоронимъ,—и чертъ не найдетъ!.. Недалеко и тайникъ тотъ... На берегу, слѣва отъ дороги на Арамильскую слободу... хошь сейчасъ можно ѣхать туды... къ свѣту все обладимъ...

— Ладно!.. Такъ снаряжай повозки двѣ... А я скажу Зигмунду, что взять надо.

Вышелъ Юхимъ. Молчитъ Агаша. Попъ Семенъ мрачнѣе тучи сидитъ.

Заговорилъ Трубниковъ.

— Неужели, ваше превосходительство, никакъ остаться нельзя? Ну, хворью отговориться, либо какъ, чѣмъ на явную опасность ѣхать... А тамъ, спустя время.

— Охъ, невозможное дѣло, Ѳеденька! Не знаешь ты государя. Съ нимъ упрямиться начать,—хуже будетъ! Слышалъ, никого онъ не жалѣетъ, ни жены бывшей, ни сестры родной, ни сына-первенца... Такъ ужъ со мною?! Цѣлый полкъ пришлетъ, понесутъ меня, хотя бы и на смертномъ одрѣ... Покорностью да кротостью—лучше съ нимъ... Да и на друзей еще я надѣюсь. Видно, не миновать ѣхать! И то скажу: много разъ голова на ставкѣ моя бывала, да вывозила кривая. Авось и теперь, послѣднюю ставку не проиграю Фортунѣ причудницѣ, а что-либо еще отъ нея возьму!..

— Дай Богъ!—отозвался Трубниковъ.

— Аминь!—пробасилъ, обычно молчаливый при Гагаринѣ, отецъ Семенъ.

Только Агаша, сидѣла молча, пригорюнившись, словно не замѣчала окружающихъ, а видѣла что-то вдали, за стѣнами этой горницы...

— Все готово, ѣхать можно!—объявилъ Юхимъ, появляясь въ горницѣ.

— А! хорошо. Пойдемъ, Зигмундъ... Ты говорилъ, что сундучки и укладки, помѣченные мною, стоятъ въ моей горницѣ?.. Идемъ, старикъ, съ нами, и двоихъ парней позови посильнѣй... Сундучки небольшіе да тяжелые... Пускай поосторожнѣй сносятъ съ телѣги...

Ушли втроемъ они. Попъ Семенъ къ шкапчику прошелъ

въ своей горенкѣ, досталъ штофъ, налилъ стаканъ, выпилъ, крякнулъ.

— Ухъ! Кхе-кхе!.. Сонъ, было, морилъ... а, вотъ, теперь легше стало... Надо, значитъ, и мнѣ собираться въ путъ... Юхимъ сказывалъ, что придется тамъ подсобить... А людей брать нельзя.

— Да... ѣдемъ, отецъ Семенъ... Веселѣе будетъ!—отозвался Трубниковъ.

— И я съ вами!—рѣшительно заявила Агаша. Здѣсь одна не останусь... Страшно мнѣ што-то!.. Да и поглядѣть охота... какъ это все тамъ?..

— Ну, извѣстно, дѣвки народъ цикавый!—отозвался отецъ.—Да, поди, князь дозволитъ... Поѣзжай, по мнѣ... Только, вотъ, какъ домъ-то?..

— Надолго ль! Домъ запремъ до утра...

— И то... Иди, просить у князя... Ужли не возьметъ!..

Быстро выбѣжала изъ горницы дѣвушка, обдавъ горячимъ взглядомъ Трубникова, словно поманивъ за собою.

Тотъ, какъ бы противъ воли,—такъ и потянулъ слѣдомъ за Агашей. Дѣвушка поджидала въ сѣняхъ, обняла, крѣпко прижалась, поцѣловала дружка беззвучно, но горячо и зашептала:

— Уѣзжаетъ старый... Волюшка намъ... То-то!.. Ужъ никуды не отпущу я тебя!..

ГЛАВА V.

Салдинскіе клады.

Небеса свѣтлѣютъ на востокѣ.

Чуть окрасились края облаковъ, медленно скользящихъ въ бездонной синевѣ. Вѣтеръ предразсвѣтный зашевелилъ,

неподвижные до этихъ поръ, листья деревьевъ и кустовъ на берегу Курдюмки-рѣки.

Двѣ крѣпкихъ, укладистыхъ телѣги стоятъ у невысокаго, съ округлою вершиной, холма, который подымается почти у самой воды среди лѣсной заросли.

Кони, не выпряженные изъ телѣгъ, наклоня головы, пощипываютъ сочную траву, вздрагивая порой всею кожей, встряхивая головами, словно желая услышать серебристыя трели своихъ бубенцовъ и колокольцовъ. Но ихъ нѣтъ. Тихо подъѣхали къ холму по лѣсной дорогѣ люди.

Юхимъ правилъ передовыми лошадьми. Во второй телѣгѣ кучеромъ сѣлъ Трубниковъ. Здѣсь-же, на кучѣ сѣна, покрытаго коврами и мѣхами, сидѣлъ Гагаринъ съ Агашею рядомъ. А передъ ними, вздымаясь грудой, лежали сваленныя укладки и сундучки. Вторая телѣга нагружена еще больше и попъ Семенъ съ Келецкимъ еле примостились тамъ среди клади.

Всѣ сошли у холма и быстро поднялись на его ровную, словно по лекалу, округленную вершину. Здѣсь лежало много каменныхъ плитъ, порою громоздясь одна на другую. Нельзя было понять: занесло-ли ихъ сюда въ незапамятныя времена въ тѣ дни, когда еще ледяныя горы носились по водамъ, покрывавшимъ теперешнюю сушу, и роняли на дно камни, унесенные съ высокихъ горныхъ кряжей, откуда скользнули въ воду эти ледяныя громады, или ужъ гораздо позже рука человѣка притащила издалека и уложила рядами огромныя глыбы на вершинѣ одинокаго холма?

Чуть пониже самой маковки холма—виднѣлось цѣлое сооруженіе изъ темныхъ плитъ. Четыре изъ нихъ—лежали, полуушедшія въ землю, образуя какъ-бы люкъ, ведущій кудато. А пятая—покоилась сверху на этихъ четырехъ, какъ лежитъ подъемная дверь на ходу въ подполье. Верхній конецъ этой пятой плиты былъ свободенъ, лежалъ поверхъ другихъ,

а нижній словно—словно вдвинутъ былъ подъ выступъ камня, лежащаго подъ нимъ съ этой стороны.

— Вотъ и могильникъ... и похоронка моя!—ткнувъ носкомъ тяжелаго, подкованнаго сапога въ верхній камень, сказалъ Юхимъ.—Подъ этимъ камнемъ.

— Подъ камнемъ?—недовѣрчиво отозвался Гагаринъ.— Но его и всѣмъ намъ не поднять. Какъ же ты одинъ могъ?..

— Всѣмъ!—протянулъ насмѣшливо дѣдъ.—Если еще и коней припряжете, такъ не стянете той плиты а ни на пядень! А вотъ, какъ я проберусь въ нутро да открою „замокъ", такъ и вчетверомъ ее посунемъ, куды надо!..

— Въ середину холма?.. Что-же, ты сквозь землю пройдешь, что-ли?.

— Можетъ и скрозь землю... Ось, дивитесь!..

И старикъ спустился до половины холма, гдѣ росла прямо изъ него могучая, вѣковая лиственница, словно бокомъ прислоненная къ холму, такъ что одна половина ствола высоко поднималась надъ землею; а съ другой стороны вѣтви висѣли надъ самой вершиной холма. И здѣсь подъ нижними вѣтвями въ темномъ, бугристомъ стволѣ—чернѣлъ большой провалъ, отверстіе дупла, образовавшагося съ годами въ стволѣ такой ширины, что два человѣка не могли бы обхватить его руками даже и туть, на высотѣ девяти аршинъ надъ землею.

Юхимъ, волоча за собой довольно длинный и крѣпкій шестъ съ нарубками, захваченный изъ дому, подошелъ къ отверстію дупла, которое съ вершины холма можно было достать рукою. Опустивъ въ это отверстіе четырехъ-аршинный шестъ, ушедшій туда цѣликомъ, старикъ съ силой и ловкостью, какихъ и ожидать нельзя было отъ него,— вскарабкался на дерево, спустилъ сперва ноги въ отверстіе и скоро весь скрылся, спускаясь на дно пустоты по своему шесту, какъ по лѣстницѣ.

Скоро оставшіеся на холмѣ, услыхали какую-то возню именно подъ тою плитой, которая лежала поверхъ остальныхъ четырехъ. Словно желѣзомъ ударили снизу по ней три-четыре раза. Всѣ вздрогнули, застыли, не сводя глазъ съ плиты, ожидая, что вотъ-вотъ она заскользитъ и откроетъ могильныя тайны.

Но плита лежала неподвижно. А за плечами у нихъ снова забасилъ дѣдъ Юхимъ.

— Ну, стоять нечего... Я „замокъ" снялъ, надо двери отчинять!.. Берить ломы, хлопцы!..

Густо помазавъ для чего-то саломъ камни, лежащіе выше плиты,—взявъ одинъ изъ четырехъ ломовъ, тоже захваченныхъ имъ, старикъ первымъ уперся снизу въ плиту. Она словно зашевелилась легонько...

Трубниковъ, Келецкій и отецъ Семенъ послѣдовали примѣру дѣда. Плита, дѣйствительно, довольно легко заскользила по нижнимъ камнямъ, благодаря обильной смазкѣ саломъ. Подъ нею—затемнѣло большое отверстіе,—ходъ, прорытый въ холмѣ, ведущій въ какое-то подземелье.

Когда дверь-камень была отодвинута совершенно,—показался довольно отлогій скатъ, ведущій въ глубину. Тамъ было темно, будто-бы сама ночь притаилась на днѣ провала. А тѣни деревьевъ, стоящихъ кругомъ,—словно тоже скользили безпрерывно туда одна за другою, сильнѣе сгущаясь на глубинѣ.

Юхимъ, выкресавъ огонь, раздулъ трутъ, зажегъ восковую свѣчу, припасенную за пазухой, далъ и другимъ по свѣчѣ. Молчаливой процессіей, словно въ катакомбы древняго храма, сошли всѣ по тропинкѣ на дно провала. Тамъ было довольно просторно; вырытая въ основаніи холма, пещера—выложена была по бокамъ, почернѣлыми отъ лѣтъ, тяжелыми брусьями, вродѣ подземнаго жилья. На каменномъ полу чернѣлъ пепелъ отъ истлѣвшей, старой хвои,

попавшей сюда очевидно изъ боковаго хода, узкаго и низкаго, гдѣ съ трудомъ, согнувшись, могъ пройти человѣкъ. Ходъ велъ между корнями лиственницы въ дупло дерева. А эти толстые, мощные корни выглядывали здѣсь изъ-подъ земли, какъ черныя змѣи, склубившіяся въ смертельной борьбѣ.

Всѣмъ стало жутко въ огромной пустой могилѣ: особенно—когда въ углу пришедшіе разглядѣли груду всякихъ костей и, даже,—цѣлый остовъ небольшого животнаго, побѣлѣлый отъ времени.

— Какъ-же ты открылъ плиту, дѣдъ?—противъ воли не громко спросилъ Гагаринъ, словно онъ былъ не въ пустомъ подземельи, а въ храмѣ во время торжественнаго служенія.

— А, вотъ, гляньте... Эти длинные, тяжелые два камня, што похожи на засовы... А, вотъ, въ верхнемъ камнѣ, что лежитъ подъ плитою, въ емъ—двѣ пазухи... И въ плитѣ есть двѣ пазухи, противъ этихъ... Когда плиту сдвинешь на мѣсто, да эти два камня вставишь въ четыре пазухи концами,—такъ засовы и не даютъ двинуться плитѣ... А снизу можно вытащить оба запора. Тогда и плита скользитъ кверху по нижнему, гладкому камню... вотъ, какъ вы видѣли. Да, теперь—не время толковать... Будемъ сносить вещи...

Старикъ первый вернулся къ телѣгамъ, съ Трубниковымъ вмѣстѣ взялъ за желѣзныя скобы одну тяжелую укладку и они осторожно стали спускаться съ нею въ тайникъ.

Попъ Семенъ съ Келецкимъ тоже принялись за дѣло, выбирая ношу по силамъ.

Гагаринъ и Агаша остались внизу; князь указывалъ, какъ ставить ящики и сундуки, наполненные золотой, серебряной посудой, золотымъ пескомъ и, просто, червонцами и рублевиками. Онъ говорилъ, какъ складывать тюки съ рѣд-

кими мѣхами, прочно упакованными въ сухія кожи. Тайникъ былъ совершенно сухой, сырость не грозила попортить дорогихъ шкурокъ.

Агаша оглядывалась съ любопытствомъ и вдругъ различила въ дальнемъ углу тайника что-то, похожее на дверь. Вѣрнѣе, это былъ тяжелый щитъ, сколоченный изъ толстыхъ, широкихъ брусьевъ и вставленный въ каменную нишу.

— Глянь, князенька, што тута?—позвала она Гагарина.

Гагаринъ поглядѣлъ и съ тѣмъ-же вопросомъ обратился къ Юхиму.

— Такъ... склепъ тамъ невеликій... съ костяками съ людскими... Могилы. Лучче не рушить!—неохотно отозвался старикъ.

— Ничего... Ты знаешь, какъ открыть эту дверь?.. Такъ раскрой... Я не могу!—дергая за тяжелое, желѣзное, изъѣденное ржавчиной, кольцо приказалъ Гагаринъ.

— Сколько ни тянуть за кольцо, а ее нихто не отворитъ, ежели не знать сноровки,—также понуро отозвался Юхимъ.— Гей, паничу, тяните за кольцо посильнѣе... А ты, батько Семене,—дай мнѣ, вонъ лежитъ ломикъ, да помогай...

Взявъ небольшой ломъ, Юхимъ уперся острымъ концомъ въ среднее, узкое бревно, которое выдавалось между двухъ остальныхъ, составляющихъ дверь. На этомъ среднемъ бревнѣ, словно для украшенія, были грубо вырѣзаны шишки хвойнаго дерева. Въ одну изъ нихъ уперся ломикомъ могучій старикъ и сталъ нажимать на бревно снизу вверхъ. Оно, несвязанное съ двумя остальными, словно ушло на два-три вершка въ верхнюю обвязку двери, гдѣ была выдолблена пустота, невидная снаружи. Дверь стала медленно поварачиваться на своихъ деревянныхъ пятахъ,

потому что съ одной стороны обвязка оканчивалась двумя выступами, заостренными и входящими въ два гнѣзда, выдолбленныхъ вверху и внизу въ каменной нишѣ, которую и закрывала эта древняя дверь.

Когда она раскрылась, оказалось, что щиты, составляющіе дверь, достигаютъ полуаршина толщины и пробить такую преграду можно было-бы только хорошимъ пушечнымъ выстрѣломъ, да еще не однимъ. Открылся и секретъ механизма этой двери, которая имѣла почти одинаково въ вышину и въ ширину около трехъ аршинъ. Среднее бревно—выступало снизу сквозь толстую обшивку. Стоило дверь прикрыть,—бревно опускалось въ свое сквозное гнѣздо и попадало въ довольно глубокій выемъ, выдолбленный въ каменномъ полу. Тогда, не поднявъ средняго бревна на должную высоту,—невозможно было раскрыть и двери.

Пещера, немного поменьше первой, была за этой дверью; въ ней царила полная тьма. Юхимъ обратился къ Трубникову.

— Панычу, подержить дверь... А я свѣту дамъ...

— Зачѣмъ держать?.. Она и такъ можетъ,—замѣтилъ Гагаринъ.

— Нѣ! Ось, подивитесь!..

Старикъ отпустилъ край двери и она, очевидно повѣшенная съ умышленнымъ уклономъ, медленно стала захлопываться, причемъ среднее узкое бревно, служащее мощнымъ засовомъ,—съ легкимъ шумомъ заскользило по гладкому каменному полу пещеры, увлекаемое общей тяжестью двадцати-пудовой двери.

— Вотъ какъ тутъ все прилажено... съ виду просто... а хитро!—покачивая головой, замѣтилъ Гагаринъ.

Трубниковъ въ это время уже взялся за край и придержалъ дверь. Юхимъ первый вступилъ во второй склепъ, озаряя его двумя свѣчами, которыя поднялъ надъ головою.

За нимъ—шелъ Гагаринъ и Келецкій. Попъ Семенъ издали боязливо заглядывалъ въ отверстіе двери. Агаша, словно нечаянно прижавшись плечомъ къ Трубникову, осталась около него.

Понемногу глаза освоились съ полумракомъ и вошедшіе различали въ глубинѣ у стѣны два каменныхъ гроба, крышки съ которыхъ были сняты.

Подойдя ближе, Гагаринъ и его спутники увидѣли въ этихъ гробахъ остатки двухъ скелетовъ, изъ которыхъ одинъ былъ значительно больше другого. Кости частью истлѣли, а уцѣлѣлыя—совершенно почернѣли. Только черепа сохранились получше да тазовыя кости и голени. Но эти останки буквально были покрыты золотыми украшеніями дивной работы, усаженными крупными самоцвѣтами. На черепахъ—темнымъ блескомъ стараго золота сверкали высокія, восточнаго образца, тіары; ниже, гдѣ раньше была шея и грудь,—протянулись звенья ожерелій и золотыхъ латъ, или бляхъ, служащихъ для украшенія царской одежды. Широкіе золотые пояса съ драгоцѣнными каменьями, потемнѣлыми за долгіе вѣка пребыванія подъ землею, тяжелые браслеты ручные и ножные, перстни съ брилліантами и рубинами, сіяющими даже и при слабомъ свѣтѣ восковыхъ двухъ свѣчей,—цѣпочки, унизанныя камнями,—все это лежало нетронутымъ.

Старикъ, очевидно, не хотѣлъ тревожить сонъ мертвецовъ и взялъ для Агаши только то, что лежало вокругъ гробовъ, а не въ нихъ...

Гагаринъ онѣмѣлъ отъ восторга. Первымъ его движеніемъ было собрать всю эту груду сказочныхъ богатствъ и взять съ собою... Но мысль, что его могутъ арестовать на пути, отнять все, что при немъ, это соображеніе образумило князя. Отогнавъ искушеніе, онъ только осторожно коснулся

всѣхъ вещей, приподнялъ ихъ, чтобы камни заиграли при огнѣ; но раньше приказалъ зажечь побольше свѣчей.

Вглядываясь въ тонкій чеканъ и рѣзьбу поясовъ, тіаръ, князь вдругъ, вздрогнулъ.

На розовомъ крупномъ брилліантѣ, украшающемъ тіару скелета, который поменьше, были врѣзаны тѣ-же загадочные два знака, какъ и на рубинѣ, теперь уже попавшемъ въ пухлыя, бѣлыя руки Екатерины...

Молча показалъ Гагаринъ Келецкому на брилльянтъ. Тотъ взглянулъ, кивнулъ головою и протянулъ руку ко второй тіарѣ, украшающей черепъ болѣе крупныхъ размѣровъ.

— И тамъ тоже... Пусть вельможный князь приглядится...

Дѣйствительно, на сапфирѣ, еще большемъ, чѣмъ рубинъ, попавшій къ Гагарину отъ Васьки Многогрѣшнаго, тамъ синѣли тѣ же два знака: „Земля ждетъ"!..

Рѣшивъ не трогать пока сокровищъ, оставить ихъ мертвецамъ до своего возвращенія, Гагаринъ взялъ только изъ меньшаго гроба большой перстень съ изумрудомъ чуднаго блеска, который по своей величинѣ долженъ былъ нѣкогда покрывать полъ-пальца невѣдомой царицѣ, кости которой лежатъ рядомъ съ останками ея супруга-царя...

На изумрудѣ—тѣ же два знака бросились въ глаза князю, когда онъ дрожащей рукою надѣвалъ кольцо на мизинецъ другой руки.

— Сюда и мои ларцы поставимъ. Мертвые пускай берегутъ ихъ!—овладѣвъ собою, распорядился Гагаринъ.

Всѣ принялись за прежнюю работу, въ этомъ, второмъ склепу, у стѣны складывая ношу, одну за другой...

Солнце уже поднялось надъ синей полоской дальнихъ лѣсовъ, когда кончена была переноска. Сама тяжело захлоп-

нулась дверь, отпущенная Агашей, которой пришлось держать ея край, пока сносились сверху и устанавливались на мѣстахъ сундучки, тюки и ларцы. Потомъ всѣ кромѣ Юхима черезъ первое подземелье гуськомъ вышли на вершину холма, съ наслажденіемъ вдохнули въ себя прохладный, ароматный, лѣсной воздухъ послѣ гнили и праха могильнаго, которымъ дышали два часа...

Медленно сдвинули тяжелую плиту на прежнее мѣсто. затѣмъ слышно было, какъ дѣдъ возился, вставляя снизу свои каменные замки въ гнѣзда плиты... Наконецъ, и онъ появился изъ отверстія дупла, сѣлъ на телѣгу; Гагаринъ съ Агашей снова оказались вмѣстѣ, позади старика. Они тронулись впередъ; вторая телѣга съ попомъ, іезуитомъ и Трубниковымъ —покатила за ними.

— А скажи, дѣдъ, какъ ты напалъ на эту могилу?— спросилъ Гагаринъ, молчавшій до сихъ поръ.

И безсонная ночь утомила его, и въ первый разъ пришлось ѣхать въ такомъ неудобномъ экипажѣ. Но лѣсная дорога была мягка, тряски почти не ощущалось, а живительный утренній воздухъ, пропитанный ароматами травъ, цвѣтовъ и нагрѣтой солнцемъ хвои, вливалъ бодрость въ каждую грудь. И князь встряхнулся, дрёма разсѣялась, захотѣлось самому говорить и слышать людскую рѣчь.

— Якъ я на нее напалъ?.. А—рысь меня навела!— полуобернувшись заговорилъ дѣдъ. — Бачили, костякъ тамъ лежитъ. То рысь була... Я вышелъ ее искать, бо вонà стала ягнятъ у насъ рѣзать... Вже лѣтъ 10 будетъ назадъ... а то и больше... Гонялся за нею, пока въ это дупло не загналъ. Ну, думаю, — ты не уйдешь теперь... Обошелъ дерево съ холма, влѣзъ на сучья, сунулъ дуло въ дупло, да какъ тарарахну картечью!.. Думаю: конецъ!.. Пождалъ немного... хотѣлъ уже лѣзть за рысью, а изъ дупла дымъ повалилъ. Это листья загорѣлися отъ выстрѣлу... Ну, ду-

маю,—сгорѣла, голубушка!.. Жду еще, пока дымъ пройдетъ... Гляжу, а онъ ужъ изъ-подъ этѣхъ камней повалилъ, потянулся струйками... Эге,—думаю себѣ,—изъ дупла подъ деревомъ, подъ кореньями—ходъ въ эту могилу, либо въ холмъ пробитъ... Туды, значитъ, и рысь ушла... Можетъ, она между корнями и вырыла себѣ ходы... Какъ дымъ прошелъ, я сунулъ ружье въ дупло, не досталъ дна. Сломилъ тогда деревцо подлиннѣе... Ковыряю по дну—не слышно, чтобы рысь тамъ мертвая лежала... Я еще хвои, листьевъ приволокъ, въ дупло набилъ ихъ и подпалилъ... Долго горѣло. Дымъ сталъ изъ-подъ камней клубами валить... Слышу, подъ середнимъ камнемъ что-то возится... царапаетъ камень... Рысь, значитъ... А тамъ—и затихло... Отъ дыма ошалѣла... Я и ушелъ... Вернулся на другой день, полѣзъ въ дупло, передъ собою—рогатину держу съ пикой... Вижу—дыра... Я пошелъ по ней... Вдругъ—провалъ... Еле удержался на краю... Выкресалъ огонь, свѣчку зажегъ, гляжу—моя рысь лежитъ клубкомъ, подохла отъ дыму. А мураши по ней уже ползаютъ... Ажъ черно! Я оглядѣлся... кости увидалъ... Это рысь добычу таскала для своихъ котятъ, когда тѣ были у нея... А потомъ... и другое увидѣлъ... Вещи всякія... и двери... Понемногу—все и разыскалъ: что да какъ?..

Умолкъ старикъ. Трусятъ лошади легкой рысцой, чтобы на кореньяхъ не сильно встряхивало телѣгу. Вотъ и дорога большая, что мимо слободы пролегла.

Вышелъ изъ телѣги Гагаринъ, пѣшкомъ пошелъ со своими, какъ будто на утреннюю прогулку выходили они, подышать чуднымъ воздухомъ въ прохладномъ, темномъ бору, а не ѣздили нарушать молчаніе и покой позабытой могилы...

Часть VI.

Расплата.

ГЛАВА I.

Строгій судія.

3-го мая выѣхалъ изъ Тобольска Гагаринъ съ Волконскимъ и Келецкимъ, шумно, пышно, какъ всегда, только поѣздъ прислуги и вещей, посланный впередъ, былъ не такъ великъ. Самое дорогое и цѣнное—лежало, сокрытое кладомъ въ древнемъ могильникѣ у Салдинской слободы, или припрятано было въ усадьбѣ попа Семена въ надежныхъ похоронкахъ и подвалахъ, которые обычно засыпались землею. Только изрѣдка двери ихъ откапывались и раскрывались для принятія новаго добра, пришедшаго, по большей части, дурными путями; а тамъ — снова засыпались и прикрывались дерномъ, раскрытые среди ночи, узкіе входы въ обширные подземные срубы.

Только часть тюковъ и сундуковъ гагаринскихъ осталось наверху, въ амбарахъ и кладовыхъ.

— Если придутъ безъ меня іуды, будутъ спрашивать тебя, попъ: „Что укрылъ здѣсь господинъ губернаторъ, отъѣзжая изъ Тобольска?“—ты имъ и покажешь этотъ хламъ... Они возьмутъ и оставятъ тебя въ покоѣ съ дочкой!

Такъ училъ попа передъ отъѣздомъ своимъ Гагаринъ, хорошо знающій обычаи сыска и характеръ Петра.

Часть бумагъ и вещей, опечатанная Волконскимъ —шла съ вещами полковника и съ багажомъ самого князя. Но на этотъ разъ и князь взялъ съ собою немного мѣховъ, серебра, посуды средней цѣнности, такое, чего не жаль было бы потерять, если на пути, или въ Петербургѣ вздумаютъ рыться среди вещей губернатора. Наконецъ,—довольно всякой рухляди оставалось въ домѣ, на виду для ожидаемыхъ ревизоровъ, въ амбарахъ и въ сараяхъ; посуда, утварь, тюки мѣховъ, ковровъ, товары шелковые, рога маральи, пряности,—всего понемногу. Ключи были оставлены у дворецкаго, вмѣстѣ съ описью вещей. Только особенно-важныя бумаги, письма китайскихъ министровъ, калмыцкихъ хановъ и другихъ князей, тайные отчеты, которые велъ самъ князь по своимъ огромнымъ операціямъ разнаго свойства, письма отъ друзей и единомышленниковъ своихъ, вплоть до коротенькихъ посланій Меншикова, — чего Гагаринъ не могъ положить въ подземелья, не рѣшался брать съ собою или довѣрить кому-нибудь, все это онъ спряталъ въ небольшомъ потаенномъ шкапу, о которомъ зналъ только захожій мастеровой, работавшій въ кабинетѣ подъ личнымъ надзоромъ Гагарина. Но и мастерокъ не зналъ, для чего онъ рубитъ нишу, обшиваетъ ее досками и ладитъ шкапчикъ съ плотными дверьми. Потомъ князь при помощи Келецкаго оклеилъ дверцу тѣми же обоями, какими былъ оклеенъ и весь покой. И самый зоркій глазъ не могъ бы угадать, что за тяжелымъ диваномъ, стоящимъ у стѣны—есть надежная, скрытая похоронка, наполненная важными документами.

Устроивъ такъ дѣла, успокоенный немного, пустился въ путь Гагаринъ. Почти подъ самой Тюменью его смутила странная встрѣча. Подъ вечеръ, на широкомъ тракту, недавно поправленномъ для проѣзда губернаторскаго,—показа-

лась встрѣчная почтовая телѣжка, тарахтящая и громыхающая на быстромъ ходу. Ямщикъ погонялъ коней, а тѣ неслись, какъ только умѣютъ мчать сибирскіе кони.

Въ телѣжкѣ, какъ можно было разглядѣть изъ окна кареты,—сидѣлъ одинокій проѣзжій въ картузѣ и армякѣ, какіе обычно надѣваютъ въ дорогу купцы; но держался онъ на сидѣньи совсѣмъ не по-купечески, прямо, какъ привычно военнымъ, особенно курьерамъ и фельдъегерямъ, постоянно висящимъ надъ спиной и загривкомъ ямщиковъ, чтобы тяжелыми кулаками побуждать ихъ къ быстрой ѣздѣ.

Поровнявшись съ каретой, проѣзжій снялъ быстро свой картузъ, какъ и всѣ это дѣлаютъ при встрѣчѣ съ хозяиномъ Сибири. Но также быстро покрылъ онъ голову; а лицо его еще глубже ушло въ поднятый воротникъ армяка, и тройка быстро скрылась изъ глазъ позади кареты въ невѣрномъ полусвѣтѣ, полусумракѣ наплывающей бѣлой ночи...

— Што за дьяволъ!—вырвалось у Волконскаго, смотрѣвшаго на дорогу изъ окошка съ лѣвой стороны кареты.— Купецъ, а безбородый! И, вотъ, хоть побожиться, — двѣ капли воды похожъ на нашего Пашкова, на Егора...

— На денщика государева?—тревожно спросилъ Гагаринъ, выйдя изъ своего дремотнаго раздумья, обычно овладѣвающаго княземъ въ пути.

— Вотъ, вотъ. Да нѣтъ... быть не можетъ! Показалось мнѣ!..

И, успокоясь, Волконскій снова откинулся на мягкія подушки широкаго сидѣнья, способнаго замѣнить постель, притихъ, задремалъ.

Но Гагаринъ не успокоился, наклонясь къ Келецкому, онъ тихо шепнулъ по французски:

— Вотъ оно... чего я боялся!.. Второй посолъ; да еще такъ его послали, чтобы безъ меня онъ нагрянулъ... Какъ ты думаешь, Зигмундъ?

— Должно быть, такъ, мой князь... Да, мы, вѣдь, тоже приняли свои мѣры. И не слѣдуетъ безпокоить себя лишними думами...

— Положимъ... А все-таки, думается!.. Знаешь, коли неудача,—отъ родной сестры можно хворь захватить нехорошую... Ну, да будь они всѣ трижды прокляты!

Съ этимъ полувосклицаніемъ снова откинулся назадъ Гагаринъ и погрузился въ свои думы.

Ни онъ, ни Волконскій — не ошиблись. Это, дѣйствительно, скакалъ въ Тобольскъ второй денщикъ Петра, лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Егоръ Пашковъ, тайно ото всѣхъ посланчый слѣдомъ за Волконскимъ съ порученіемъ: провѣрить, какъ исполнитъ тотъ свое дѣло? И съ приказомъ,— забрать до послѣдней бумажки, до самой малоцѣнной вещи, что только найдетъ въ домѣ Гагарина послѣ него. Также велѣно было Пашкову разыскать и взять все, что могъ бы губернаторъ передъ отъѣздомъ передать въ чужія руки или спрятать внѣ своего жилища.

Пашковъ, свободный отъ воздѣйствія Гагарина, бывшаго теперь далеко, — точно исполнилъ приказъ Петра. Много помогъ ему Нестеровъ, котораго долженъ былъ призвать Пашковъ, знающій о фискалѣ отъ самого царя.

Шпіонъ, словно чутьемъ провѣдавъ о прибытіи тайнаго ревизора, безъ зову явился къ царскому посланцу, едва тотъ въѣхалъ въ домъ губернатора. Съ Нестеровымъ вмѣстѣ обшарилъ пріѣзжій цѣлый домъ, оставилъ только ненужный хламъ, а все остальное — приказалъ нагрузить на барки, везти водою до Верхотурья, потомъ—дальше въ Петербургъ.

Разнюхалъ фискалъ и завѣтный шкапчикъ въ стѣнѣ, потому что дня два ходилъ по дому, выглядывалъ, постукивалъ, выспрашивалъ осторожно прислугу. Особенное вни-

маніе обратилъ шпіонъ на кабинетъ Гагарина. Здѣсь у стѣны, гдѣ диванъ, увидѣлъ легкіе остатки мусору, не дочиста унесенные мастеромъ и потомъ — Келецкимъ... Диванъ былъ мгновенно отодвинутъ, стѣна выстукана... И съ торжествомъ, своими руками раскрылъ нишу фискалъ при удивленномъ Пашковѣ, подалъ ему связки бумагъ, значеніе которыхъ было ясно при первомъ взглядѣ...

И на Салдинскую слободу указалъ Пашкову шпынь; тамъ тоже побывали они. Но, благодаря хитрости Гагарина,— взяли только то, что и было раньше обречено на жертву княземъ. Попа Семена и Агаши Пашковъ не тронулъ, не имѣя на то приказаній.

Нестеровъ же указалъ пріѣзжему: у кого изъ служащихъ и начальниковъ можно найди точныя свѣдѣнія о проступкахъ Гагарина по управленію краемъ.

Больше трехъ дней собиралъ и записывалъ показанія Пашковъ. И, наконецъ, въ концѣ недѣли помчался обратно, довольный удачнымъ исполненіемъ важнаго порученія, даннаго Петромъ. Хотя прямыхъ уликъ не было въ рукахъ у Пашкова, но косвенныхъ и очень сильныхъ — безъ числа!.. А большаго и не нужно, если Петръ предрѣшилъ, что слѣдуетъ почему-нибудь построже расправиться съ сибирскимъ губернаторомъ, который, по общему отзыву, больше имѣетъ доходовъ отъ этой „губерніи", чѣмъ Петръ отъ цѣлаго царства. Къ тому же Русь до Урала — и объемомъ гораздо меньше, чѣмъ богатая, необъятная Сибирь.

14 іюня, прямо къ засѣданію суда, къ допросу царевича попалъ въ Петербургъ Гагаринъ. 19 числа онъ вынужденъ былъ видѣть второй допросъ Алексѣя, пытку измученнаго, худого юноши, которому было дано 25 ударовъ „на вискѣ". Больнымъ вернулся князь домой.

А еще 5 дней спустя—прибылъ въ столицу Пашковъ,

никому не показываясь,—явился прямо къ царю и отдалъ подробный отчетъ о своемъ розыскѣ.

Это случилось 24 іюня, въ тотъ самый день, когда въ Сенатѣ долженъ былъ состояться приговоръ Верховнаго Суда по дѣлу царевича.

Пашковъ увидѣлъ Петра послѣ безсонной, мучительной ночи, съ воспаленными глазами, съ желтымъ, обрюзглымъ лицомъ. Царь тупо поглядѣлъ на него и хрипло пробормоталъ:

— Гагаринъ?.. Да, да... знаю!.. Хорошо... Послѣ... повечеру... Теперь мнѣ нѣтъ часу... Ступай!

Самъ вскочилъ, велѣлъ подать одноколку, быстро покатилъ къ Сенату, гдѣ съ семи часовъ утра стали съѣзжаться члены Верховнаго Суда, учрежденнаго Петромъ для разбора этого тяжкаго, неслыханнаго процесса, гдѣ царь-отецъ, во имя правъ народа на лучшую участь,—боролся на смерть съ собственнымъ сыномъ, правленіе котораго и, даже, самая жизнь—грозили урономъ, новой смутой обширному царству, едва начавшему оправляться послѣ долгаго ряда печальныхъ, безславныхъ лѣтъ внутренней междуусобицы, раззоренія и поношенія отъ внѣшнихъ враговъ.

Почти всѣ 129 человѣкъ, составляющихъ Верховное Судилище,—были налицо въ большой, длинной залѣ засѣданій. Ждали только Меншикова, которому дано было знать, что судъ въ сборѣ. Не хватало еще нѣсколькихъ запоздалыхъ сочленовъ.

Незамѣтно, со двора прошелъ Петръ въ проходную комнатку, гдѣ въ другіе дни, рядомъ съ присутственнымъ заломъ, дежурили курьеры. Теперь они были удалены и подъ страхомъ грозной кары не смѣли даже близко подойти, чтобы не слышать, о чемъ будетъ говориться въ высокомъ собраніи.

Осторожно, чуть пріоткрывъ дверь, Петръ заглянулъ въ залъ, имѣющій обычный, строго-величавый, угрюмый и простой видъ.

Зерцало, портреты, мѣсто государя, сейчасъ пустующее, столы секретарей, длинный столъ, за которымъ темнѣютъ кресла сенаторовъ... Все, какъ и раньше, такое давнознакомое царю.

Только необыченъ составъ, присутствующихъ здѣсь, лицъ.

Десятки лѣтъ знаетъ ихъ царь, видѣлъ каждаго на своемъ мѣстѣ, въ военныхъ совѣтахъ, въ адмиралтейской коллегіи, на палубахъ кораблей подъ ядрами враговъ, передъ рядами полковъ, идущихъ на врага; у себя въ кабинетѣ съ докладами о порядкахъ и безпорядкахъ въ царствѣ и столицахъ его... Вмѣстѣ со многими проводилъ онъ ночи, весело, шумно бесѣдуя на пьяныхъ пирушкахъ, или на затѣйныхъ ассамблеяхъ; игралъ съ ними въ карты, или толковалъ о наукахъ, о текущихъ событіяхъ русской и европейской жизни. Большинство изъ нихъ — высшіе офицеры его гвардіи, славные, довольно-честные люди, но далекіе отъ знанія законовъ и вопросовъ права. Каждаго царь зналъ хорошо и умѣлъ поставить на такое дѣло, гдѣ этотъ человѣкъ могъ быть пригоденъ лучше всего...

Среди большой, блестящей толпы, наполняющей залъ, — очень немного сенаторовъ, всего человѣкъ 15—20. Они знакомы съ законами, опытны въ рѣшеніи самыхъ запутанныхъ тяжбъ... Но ихъ голоса — естественно могутъ потонуть среди сильнаго гула остальныхъ ста человѣкъ, „случайныхъ судей", какъ это хорошо понимаетъ самъ царь.

И странно ему видѣть пожилыхъ, давно знакомыхъ людей въ несвойственной имъ роли, отъ которой даже перемѣнились ихъ движенія, манера говорить, самая наружность...

Петръ словно ихъ не узнаетъ, или видитъ въ первый

разъ... Шумный, смѣлый, даже юркій обычно, Антонъ Девіеръ, его генералъ-адъютантъ, „хозяинъ“ и полицеймейстеръ „Парадиза“, жмется здѣсь къ сторонкѣ, словно хочется ему уйти отъ этихъ сотенъ глазъ, даже и не глядящихъ на него. Весельчакъ, краснощекій Василій Шереметевъ, поручикъ флота, потѣшающій обычно царя и всѣхъ своими шуточками и размашистыми движеніями длинныхъ рукъ, своимъ юнымъ, крикливымъ теноркомъ и нескладнымъ видомъ,—теперь онъ ходитъ, поднявъ плечи, отъ группы къ группѣ, такъ степенно, чинно ведетъ разговоръ; даже голосъ его звучитъ глухо, басисто, точно ушелъ на дно впалой, узкой груди поручика. И, наоборотъ, ласковый на видъ, мягкій въ движеніяхъ, медлительный всегда Гагаринъ — теперь такъ и снуетъ по залу съ холоднымъ, злымъ блескомъ въ заплывшихъ глазкахъ, словно желаетъ всѣхъ заразить своей сдержанной яростью и злобой, подъ которыми, на самомъ дѣлѣ,—въ самой глубинѣ души таится животный страхъ за себя самого, за свое благосостояніе и жизнь...

Никого почти не узнаетъ Петръ, кромѣ Якова Долгорукова, Стрешнева, маршала Адама Вейде да еще „друга души“, Данилыча, который какъ разъ въ этотъ мигъ появился въ залѣ. Эти четверо, да развѣ еще пять шесть человѣкъ менѣе значительныхъ, — остались сами собою, ходятъ, сидятъ, говорятъ и смотрятъ, какъ всегда. Только вполнѣ понятная тревога и смущеніе видны на ихъ лицахъ, которыя давно и хорошо такъ изучилъ царь.

Прикрывъ плотнѣе дверь, въ ожиданіи, пока усядутся судьи, задумался Петръ.

Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что этимъ, „случайнымъ“ судьямъ—поручилъ рѣшать свою роковую тяжбу съ первенцомъ сыномъ?.. Не лучше ли отмѣнить затѣю, выйти, распустить собраніе?.. Петръ увѣренъ, почти всѣ будутъ рады такой развязкѣ.

Онъ уже сдѣлалъ шагъ—и остановился.

Новая мысль пронеслась въ напряженномъ мозгу.

Развѣ *„юридическій“*, формальный процессъ, личная или правовая волокита идетъ между нимъ и сыномъ?.. Нѣтъ! Важно сейчасъ не близкое знакомство и знаніе законовъ, не опытъ судьи... Отецъ — тягается съ сыномъ, оказавшимъ дерзкое непослушаніе, противное небеснымъ и земнымъ законамъ, которые признаны всѣми живущими на землѣ! Сынъ возмутился противъ верховной воли государя и родителя своего.

И тамъ—сидятъ такіе же, какъ и Петръ,—отцы, или,—подобные Алексѣю, сыновья. Не напрасно царь и юныхъ, сравнительно, людей — призвалъ въ судилище. Пусть они подадутъ свой голосъ, пусть вступятся за царевича, если считаютъ его правымъ... Если ошибается государь и отецъ, если дѣянія сына не грозятъ бѣдою царству и народу. сорока милліонамъ живыхъ существъ!..

Вѣдь и Петръ созвалъ судей не съ тѣмъ только, чтобы они обязательно—*„осудили“* Алексѣя, а чтобы—*разсудили* тяжбу, *судили* виновнаго по совѣсти, все равно, если даже, по ихъ мнѣнію,—самъ Петръ окажется виновнымъ передъ сыномъ...

А при такомъ оборотѣ дѣла,—чѣмъ больше людей самаго разнообразнаго свойства, несходныхъ по уму, по привычкамъ и положенію будетъ судить и разбирать тяжбу Алексѣя и Петра,—тѣмъ больше надежды получить настоящее, продуманное, всестороннее и вѣрное рѣшеніе, непреложное, какъ приговоръ небесъ...

Успокоясь на этомъ выводѣ, слыша, что за дверью наступила тишина, означающая начало засѣданія, — Петръ снова чуть пріоткрылъ дверь и сталъ слушать чутко-чутко, словно хотѣлъ уловить не только звуки и сказанныя слова, а самыя затаенныя мысли, скрытыя соображенія, тончайшія

побужденія, руководящія каждымъ изъ тѣхъ, кто подымаетъ голосъ въ этомъ судилищѣ, какого еще не знала исторія до сихъ поръ и врядъ ли будетъ знать въ вѣкахъ грядущихъ.

Какъ первоприсутствующій, — Меншиковъ заговорилъ раньше другихъ.

Еще когда собраніе разсаживалось по мѣстамъ, старѣйшіе — вокругъ стола, сколько хватило мѣстъ, остальные — широкимъ полукругомъ на приготовленныхъ стульяхъ и креслахъ,—Меншиковъ умными, лукавыми глазами своими нѣсколько разъ обѣжалъ ряды, вглядываясь въ каждое лицо, словно желая угадать, для чего пришелъ сюда этотъ человѣкъ. Осудить, или оправдать собирается несчастнаго, неразумнаго царевича, посмѣвшаго сначала такъ безразсудно возстать противъ гнета родителя и царя, передъ которымъ теперь начинала склоняться цѣлая Европа, котораго опасались монархи сильныхъ народовъ... А затѣмъ самъ же Алексѣй окончательно погубилъ себя еще болѣе безумнымъ шагомъ, когда, въ порывѣ нелѣпаго довѣрія или неудержимаго страха,—рѣшился покинуть свое каменное гнѣздо въ далекомъ Неаполѣ, крѣпость Сентъ-Эльмо, смѣнивъ добровольное уединеніе въ ней — на подневольное заточеніе въ казематахъ Петропавловской крѣпости, неразлучное съ допросами, пытками и дыбой...

Самъ Меншиковъ раздвоился въ рѣшеніи задачи, поставленной на очередь грознымъ рокомъ и ожесточеннымъ Петромъ.

Пощипывая свои тонкіе, ровно-подстриженные усики, странно-чернѣющіе подъ навѣсомъ пышнаго, высокаго парика, падающаго длинными локонами на плечи, — князь Ижорскій, опершись локтемъ на столъ, подперевъ голову рукою, попытался заглянуть въ самого себя.

Жаль ему Алексѣя. Онъ знаетъ лучше всѣхъ, какъ мало виноватъ безвольный, вѣчно алкоголемъ отуманенный,

юноша въ своихъ преступленіяхъ и грѣхахъ, свершенныхъ имъ вольно и невольно. Но есть за Алексѣемъ одна тяжкая, непоправимая, непростительная вина: онъ — сильнѣйшій претендентъ, законный, прямой наслѣдникъ Петра, его трона, царства, созданнаго, увеличеннаго, укрѣпленнаго цѣною тяжкихъ усилій и цѣлыхъ потоковъ людской крови!

И для этой роли непригоденъ Алексѣй. Меншиковъ понимаетъ это даже яснѣе, лучше, чѣмъ Петръ.

Что же дѣлать? Какъ надо поступить? Особенно теперь, когда у Петра есть и трехлѣтній внукъ отъ того же царевича, стоившій жизни своей матери, принцессѣ Шарлоттѣ; когда ростетъ и второй малютка-сынъ, рожденный отъ Екатерины, которая до сихъ поръ предана и покорна свѣтлѣйшему князю не меньше, чѣмъ своему державному мужу.

И, конечно, регентомъ при будущемъ царѣ - ребенкѣ, сынѣ, внукѣ ли Петра, безразлично, при его вдовѣ-царицѣ— первымъ будетъ онъ, Меншиковъ, еще не старый, полный силъ и широкихъ, честолюбивыхъ замысловъ...

Въ силу такихъ соображеній умъ внятно и властно подсказываетъ свѣтлѣйшему, что Алексѣй *долженъ быть осужденъ* людьми, какъ осудила его сама природа, создавъ такимъ искалѣченнымъ, неприспособленнымъ, негоднымъ не только къ царствованію, но и къ самой заурядной жизни приличнаго человѣка.

Грязное распутство, дикое, непробудное пьянство, злобное раздраженіе противъ тѣхъ, кто не изъявляетъ рабской покорности передъ самодурнымъ Алексѣемъ,—эти свойства не помогли бы ему устроиться хорошо и въ частной жизни. А взойди на тронъ,—онъ неизбѣжно явится тираномъ, пожалуй, еще похуже, чѣмъ недоброй памяти самъ Иванъ IV!

Въ этомъ убѣжденъ и царь наравнѣ съ Меншиковымъ.

Значитъ!?.

Тутъ князь постарался скорѣе отвлечь свое вниманіе въ сторону отъ неизбѣжнаго вывода и подумалъ про себя:

— Что мнѣ голову ломать... рѣшать?!. Какъ всѣ скажутъ, такъ и я... Благо, голосъ мой придется подавать послѣднимъ!

Такъ порѣшивъ, видя, что высокое собраніе размѣстилось, разсѣлось и всѣ на лицо, — онъ поднялся и заговорилъ сначала вычурно, звонко и нараспѣвъ своимъ голосомъ слегка носоваго оттѣнка. Но потомъ сталъ оживляться все больше и больше и съ середины—рѣчь его полилась, сильная, выразительная, захватывая, увлекая всѣхъ, какъ самъ былъ захваченъ своими ощущеніями и словами князь Ижорскій, бывшій челядинецъ и рядовой, а теперь—главный верховный судія, рѣшающій не только вопросъ о жизни и смерти царевича всероссійскаго, но и судьбу цѣлой монархіи, одной изъ сильнѣйшихъ на землѣ. Въ этой игрѣ слѣпого, злого случая—честолюбецъ видитъ дѣйствіе Высшихъ, Божественныхъ Силъ. Въ своемъ ложномъ убѣжденіи онъ черпаетъ вдохновеніе и отвагу, находитъ источникъ для мыслей и силу для словъ.

Сначала сжато и кратко изложилъ свѣтлѣйшій исторію побѣга царевича, коснувшись даже—смерти принцессы Шарлотты, словно бы эту гибель молодой женщины считалъ отчасти дѣломъ рукъ Алексѣя, слишкомъ дурно обращавшагося со своею женой.

Напоминая судьямъ послѣдній указъ, изданный въ Москвѣ 3-го февраля того же, 1718 года [1]), этотъ грозный обвинительный актъ Алексѣю, оглашенный Петромъ передъ своимъ народомъ и цѣлымъ міромъ какъ бы для его собственнаго оправданія, — Меншиковъ нарисовалъ картину воспитанія царевича, въ которомъ и самъ князь принималъ немалое участіе. Затѣмъ перечислилъ заботы отца о сынѣ, стараніе

---

[1]) См. Приложеніе № 1.

Петра просвѣтить его „многими политическими науками, обучить военному дѣлу и чужимъ языкамъ“, чтобы приготовить изъ него „достойнаго наслѣдника Россійскаго престола“...

— Но тщетны были старанія любящаго отца и государя!—продолжалъ князь, поднимая голосъ, увлекаясь своей ролью „коронннаго обвинителя“, прокурора, ради которой покинулъ, забылъ спокойный, безстрастный тонъ президента-докладчика:—Напрасно отецъ и царь увѣщевалъ сына и наслѣдника, приводилъ его къ исправленію и лаской, и сердцемъ гнѣвнымъ, а иногда и наказаніемъ отеческимъ!.. Напрасно бралъ съ собою во многія воинскія кампаніи, гдѣ все же охранялъ жизнь царевича отъ опасностей боя, проча себѣ въ наслѣдство, самъ, въ тѣхъ же бояхъ своей царской жизни не щадя! И въ Москвѣ не разъ оставлялъ государь сына, вручая ему управленіе нѣкоторыми государственными отраслями для наученія въ будущемъ дѣлѣ царскомъ. И въ чужіе края посылалъ наслѣдника, чая, что тамъ, среди просвѣщеныхъ порядковъ и людей пріучится къ добрымъ нравамъ и регулярному государственному управленію, склонится къ трудолюбію и добру царевичъ. Увы! Все доброе ненавидѣлъ сынъ государевъ и наслѣдникъ, ничему не внималъ, не обучался; но непрестанно имѣлъ обхожденіе съ людьми непотребными и подлыми, кои закоснѣли въ мерзѣйшихъ обыкностяхъ своихъ и царевича къ тому же пріучили!

Благоразумно умолчалъ обвинитель о томъ, что заброшенъ оставался Алексѣй и мальчикомъ, когда Петръ веселился, кутилъ; и потомъ, юношей былъ одинокъ царевичъ, жилъ безъ призора въ Москвѣ, не видя отца по годамъ, предоставленный самому себѣ, или учителямъ, въ родѣ Вяземскаго, котораго ученикъ колотилъ, получая взамѣнъ отъ наставника грязныя послуги, въ видѣ „дворовой дѣвки Евфросиньи“, съ которою юноша такъ сблизился потомъ. Не говоритъ Меншиковъ, что онъ, назначенный „блюсти за во-

спитаніемъ царевича", прекрасно зналъ, какіе люди окружаютъ юношу; видѣлъ, какъ свита, монахи, попы—постепенно втягиваютъ его въ пьянство и развратъ, совращаютъ въ расколъ, подстрекаютъ противъ отца, надѣясь по смерти Петра получать вліяніе и силу при будущемъ царѣ-Алексѣѣ.

Меншиковъ не только не принялъ мѣръ, чтобы пресѣчь „дурную" жизнь юноши, онъ словно незамѣтно и самъ потакалъ этому... А затѣмъ,—примѣръ Петра тоже мало могъ исправить Алексѣя, который, придя въ возврастъ,—очутился въ числѣ „собесѣдниковъ", застольниковъ и собутыльниковъ на шумныхъ пирушкахъ, устраиваемыхъ державнымъ хозяиномъ невскаго „Парадиза".

Обо всемъ этомъ молчитъ свѣтлѣйшій, а сразу переходитъ къ женитьбѣ Алексѣя, явно для всѣхъ присутствующихъ искажая истину.

Онъ говоритъ, что Петръ, „желая сына отъ помянутыхъ непотребствъ отклонить",—убѣдилъ Алексѣя избрать себѣ супругу изъ семьи какого-либо чужестраннаго государя, по его собственной волѣ, гдѣ онъ полюбитъ.

— И царевичъ, *улюбя* внуку герцога Волфенбительскаго, свояченицу цесаря Римскаго, а племянницу короля Англинскаго, просилъ отца, дабы позволилъ на оной жениться, что и было учинено, невзирая на многія траты и иждивенія!

Несмотря на важность роковой минуты, — невольная улыбка пробѣжала по губамъ у многихъ, когда было помянуто о „*любви*" Алексѣя къ невѣстѣ.

— Сухопарая нѣмка—вѣдьма! Уродина! Жердь сухая... Чертовка рябая!

Такъ, не стѣсняясь, своимъ приближеннымъ, даже—слугамъ аттестовалъ 20-тилѣтній младоженъ свою 17-тилѣтнюю, дѣйствительно некрасивую супругу. А Трубецкого, Гюйсена и другихъ посредниковъ, устроившихъ этотъ бракъ,

обѣщалъ колесовать и посадить на колъ, какъ только приметъ власть по смерти отца.

Вотъ почему улыбка, какъ блѣдная, дальняя зарница среди темной, воробьиной ночи, — промелькнула на устахъ у тѣхъ, чьи сердца сейчасъ мучительно сжимаются страхомъ, жалостью и тревогой.

Но Меншиковъ, если и уловилъ эту улыбку, дѣлаетъ видъ, что не видѣлъ ничего, дальше ведетъ свою звучную, подчеркнутую рѣчь.

— И хотя супруга оная была ума довольно изряднаго, обхожденія честнаго и любезнаго, хотя по своему избранію взялъ ее царевичъ,— еще разъ повторяетъ скользкое утвержденіе беззастѣнчивый ораторъ,— но жилъ онъ съ принцессою въ крайнемъ несогласіи, умноживъ обхожденіе свое съ непотребными людьми, на стыдъ имени и дому царскому, и при той женѣ своей взялъ бездѣльную дѣвку-работницу, жилъ блудно съ оною, явно беззаконно поступая, оставя жену, которая вскорѣ и жизнь свою окончила, хотя и отъ болѣзни, однако, думать можно, что и сокрушеніе отъ непорядочнаго житія супруга-цесаревича много тому вспомогло!..

Актеръ по природѣ, умѣющій прекрасно играть разныя роли даже передъ такимъ взыскательнымъ и опаснымъ „зрителемъ“, какъ Петръ,— здѣсь Меншиковъ далъ волю своимъ способностямъ; горестныя ноты звучатъ въ голосѣ, даже лицо, негодующее и скорбное, слегка поблѣднѣло.

Минуя фальшь докладчика, слушатели тоже почувствовали стѣсненіе въ груди, припомнивъ тихую, ласковую, хотя и некрасивую Шарлоту-Софію, ея печальное житье въ Россіи и мучительную смерть.

Замѣтивъ перемѣну настроенія, Меншиковъ съ новымъ жаромъ, подъемомъ, почти возвышаясь до трагизма,— продолжалъ:

— И што же государь-отецъ!?.. И тутъ не изсякла, не

истощилась мѣра долготерпѣнія родительскаго. Только съ великой угрозой, въ самый печальный часъ погребенія невинной страдалицы объявилъ первенцу своему: лишитъ-де царевича наслѣдства, ежели онъ не оставитъ худыхъ нравовъ, не будетъ покоренъ волѣ отца и не примется усердно за изученіе того, что наслѣднику государства знать пристойно. И не поглядитъ на то, што одинъ у него сынъ, ибо тогда еще не было другого царевича рождена отъ матушки-царицы нашей. И подтвердилъ, што лучше чужого достойнаго учинитъ наслѣдникомъ, нежели своего непотребнаго, который растеряетъ всѣ стяжанія царскія, добытыя съ помощью Божьей; опорочитъ славу и честь народа Россійскаго, для которыхъ самъ государь и здоровья не щадилъ, и живота своего, во многихъ баталіяхъ учавствуя своей высокою персоной. И не желаетъ государь по смерти—принять кару на Судѣ Божіемъ зато, што вручилъ правленіе народомъ сыну, зная вѣрно о непотребности его къ дѣлу!

Петръ слушаетъ рѣчь Меншикова и словно себя слышитъ самого, даже беззвучно, однѣми губами повторяетъ каждое слово. Желая дать свободу судьямъ, онъ не явился въ это Судилище, чтобы изъ страха передъ царемъ—не покривили душою судьи. Но, все-таки, хорошо, что Меншиковъ умѣетъ такъ выразить мысли и чувства царя-отца, вынужденнаго судиться передъ Богомъ и людьми со своимъ первенцомъ-сыномъ.

А Меншиковъ, словно угадывая, что не одно только „высокое собраніе“ ловитъ каждое слово его умной рѣчи,—еще больше вдохновляется, еще тверже и внушительнѣй звучатъ его слова.

— Въ отвѣтъ на милость не имѣющую примѣра, на любовь отцовскую и терпѣніе неистощимое царевичъ отвѣтилъ неправдивымъ, притворнымъ писаніемъ, выразивъ желаніе отречься престола и принять иноческій обѣтъ. А самъ, вы-

ждавъ, когда государь для дѣлъ военныхъ, себя и жизни своей не жалѣя,—отбылъ въ Дацкую землю,—въ тотъ часъ и скрылся царевичъ, добрался до австрійскихъ земель, во владѣнія цесаря Римскаго, коему при личномъ разговорѣ многія жестокія клеветы возвелъ и на отца-государя, и на царицу, какъ и на слугъ ихъ вѣрныхъ!..

— О себѣ смекаетъ Данилычъ!—не громко шепнулъ сосѣду, боярину Стрешневу, князь Иванъ Ромодановскій.

— Жалобы принесъ свояку-цесарю царевичъ, будто извести его готовы и родитель его, и царица-матушка!..— возмущеннымъ, негодующимъ голосомъ продолжаетъ Меншиковъ, какъ будто невыносима его сердцу такая клевета, такой „лживый“ навѣтъ, какъ будто не собраны здѣсь сейчасъ судьи, чтобы при свѣтѣ дня, на основаніи холодной, бездушной буквы закона лишить жизни того, кто убѣжалъ на чужбину именно—изъ желанія спасти себя отъ смерти.

Это соображеніе мгновенно зашевелилось въ мозгу у каждаго, изъ здѣсь сидящихъ, но некогда имъ остановиться, вдуматься въ него; надо слѣдить за порывистой, быстро и бурно текущей теперь, рѣчью „ревнителя закона“, добровольнаго обвинителя.

А тотъ совсѣмъ увлекся сейчасъ. Покраснѣло лицо, глаза мечутъ искры, голосъ наполняетъ весь обширный залъ присутствія.

— Не помышляя о возможности толикаго проступка и безстыдства безпримѣрнаго, государь потревожился родительскимъ сердцемъ, узнавъ объ исчезновеніи съ пути сына, приказалъ искать слѣдовъ его, опасаясь свершеннаго надъ царевичемъ злодѣянія. И узналъ вѣсть невѣроятную, што самъ царевичъ бѣжалъ, взявъ съ собою и дѣвку свою непотребную и, послѣ свиданія съ цесаремъ,—укрытъ послѣднимъ въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренберѣ. А когда прислалъ государь въ Вѣну нарочитыхъ пословъ, требуя выдачи сына,—

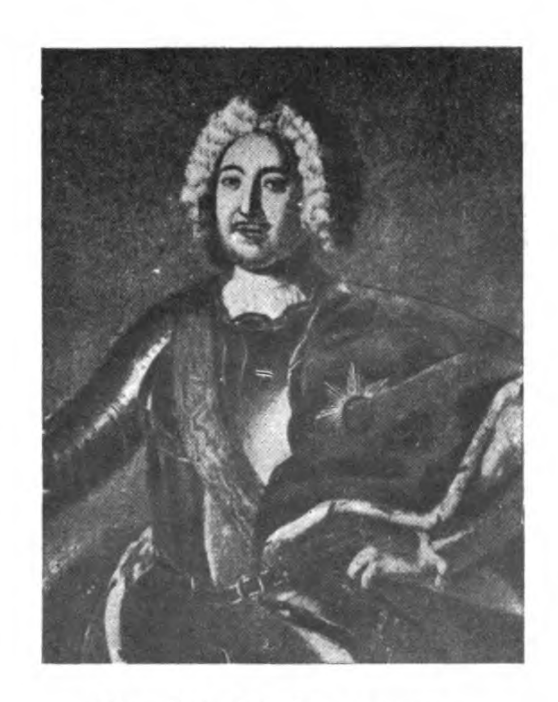
Гр. А. П. Шереметьева.

Кн. А. И. Репнинъ.

Гр. Б. П. Шереметьевъ.

Кн. М. М. Голицынъ.

тотъ и дальше прослѣдовалъ, поселился въ неапольской крѣпости, въ полной тайнѣ. И лишь по многимъ трудамъ и проискамъ, употребя ласку и угрозы,—удалось выманить царевича изъ этого убѣжища. Да и то по пути онъ думалъ бѣжать далѣе и укрыться у папы Римскаго, чѣмъ еще больше могъ бы расплодить смятеніе и опозорить отца-государя.

Но Богъ къ тому не допустилъ. Получивъ отъ государя обѣщаніе полнаго пардона за побѣгъ свой, вернулся въ отечество царевичъ. И получилъ оное прощеніе, но съ уговоромъ, чтобы открылъ въ полной мѣрѣ своихъ подстрекателей, сообщниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто способствовалъ бѣгству или къ оному побуждалъ.

При этихъ словахъ свѣтлѣйшій быстрымъ, словно случайнымъ, взглядомъ скользнулъ по лицамъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ вельможъ, сидящихъ, какъ нарочно,—одинъ за другимъ. Это были: князь Яковъ Долгорукій, князь Димитрій Галицынъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрешневъ, баронъ Петръ Шафировъ, бояринъ Петръ Бутурлинъ и, наконецъ, князь Матвѣй Гагаринъ, всѣ тѣ, кого сильно скомпрометтировалъ Алексѣй въ послѣднихъ своихъ показаніяхъ, данныхъ уже подъ ударами кнута...

И вздрогнули они всѣ, невольно потупились, словно принялись разглядывать свои отмѣтки на листкахъ бумаги, положенныхъ передъ каждымъ судьею.

А Меншиковъ, довольный дѣйствіемъ своей мимолетной стрѣлы, принялъ еще болѣе сокрушенный, скорбный видъ и негодующе бросилъ вопросъ:

— И што же было потомъ, господа высокое собраніе? Вы сами вѣдаете хорошо. Невзирая на милосердіе отцовское, которое ограничилось только публичнымъ оглашеніемъ о лишеніи наслѣдья строптиваго сына,—царевичъ продолжалъ упорствовать, скрылъ главнѣйшихъ пособниковъ своихъ, какъ мать родную, царицу-иноку Елену, какъ тетку, царевну

Марію Алексѣвну, какъ многихъ другихъ, кои, все же, раскрыты были и кару достойную, даже до смерти понесли!.. А въ ту же пору открылись и новыя вины самого царевича, его тайные замысли на овладѣніе престоломъ хотя бы силою и при жизни отца, на каковую злодѣйски помышлялъ царевичъ, какъ самъ созналъ при допросѣ и пыткѣ... И мѣра терпѣнія отца и государя преисполнилась!..

Глухо, зловѣще прозвучали послѣднія слова. Вздрогнули многіе, словно уже услыхали похоронный звонъ, возвѣщающій о смерти Алексѣя, услышали стукъ паденія камней и земли на крышку гроба юнаго царевича...

Меншиковъ, выдержавъ паузу, тѣмъ же зловѣщимъ, ровнымъ и глухимъ голосомъ продолжалъ:—Всѣ вы свидѣтели того, что правду сказалъ я въ сей мигъ, хотя и горькую, самую страшную. Зная, что за единый побѣгъ, за измѣну отечеству, за поруганіе отца и государя царевичъ по россійскимъ законамъ достоинъ смерти,—простилъ его государь, суду не подвергъ за первую вину, только лишилъ престола и царскаго наслѣдія. Теперь же, узнавъ новыя вины, много болѣе тяжкія, чѣмъ прежняя, поборолъ государь чувства отеческія къ сыну, помня долгъ и обязанность повелителя многихъ народовъ и земель. Подобно Аврааму, не дрогнувшему принести единственнаго сына на алтарѣ Господу,—рѣшилъ и государь лучше принести жертву крайнюю, нестерпимую, чѣмъ погубить все царство. И положилъ въ мысляхъ: судить сына-царевича, сообразно законамъ Божескимъ и установленіямъ государственныхъ законовъ, принятыхъ въ царствѣ.

Высокіе судьи сего Верховнаго Судилища извѣстны, что сперва Государь просилъ совѣта у духовныхъ властей царства, высшихъ и меньшихъ. Вотъ это разсужденіе духовнаго чина, поданное царю по винѣ царевича, подписано осмью епископами, четырьмя архимандритами, святой жизни

мужами, высоко-почтенными, и двумя учеными священноиноками [1]). Его оглашу вамъ теперь.

Внятно прочелъ Меньшиковъ „разсужденіе“ епископовъ, которые тоже хорошо поняли, чего ждетъ отъ нихъ царь, начиная свое писаніе, помянули о „тяжкой винѣ сыновней, равной грѣху Авессалома“, наказаннаго смертью по волѣ Самаго Бога; затѣмъ смиренно указали, что судить дѣла гражданскія имъ не подобаетъ вообще, а тѣмъ болѣе—касаться такихъ высокихъ особъ. Но, исполняя волю царя, они все-таки рѣшаются привести подходящіе примѣры изъ Стараго и Новаго Завѣта, говорящіе какъ о строгой карѣ, такъ и о безмѣрномъ милосердіи родителей къ дѣтямъ, даже и преступнымъ.

Дальше проведено было 9 мѣстъ изъ Ветхаго Завѣта и столько же изъ Новаго. Сперва поминался грѣхъ Хама, поругавшагося надъ отцомъ и проклятаго, исторія Авессалома, грозные завѣты книги Исхода и Второзаконія, присуждающіе смерть непокорнымъ дѣтямъ; потомъ въ Евангеліи и Апостолахъ было выбрано все, что можно было истолковать въ томъ же смыслѣ... Но здѣсь небольшую подтасовку допустили смиренные отцы, приписавъ Учителю жестокую заповѣдь, несущую смерть непочтительнымъ дѣтямъ, когда Онъ только помянулъ древній Законъ, Имъ часто отвергавшійся, только для уличенія фарисеевъ, не соблюдающихъ самыхъ строгихъ заповѣдей, гдѣ имъ это было выгодно.

Снова послѣ этого лицемѣрно повторили иноки и епископы, что не смѣютъ и думать о томъ, чтобы „явиться судьями надъ тѣми, кто поставленъ надъ ними отъ Бога“. Затѣмъ осторожно перечислили, уже безъ пунктовъ,—мѣста изъ Священнаго Завѣта и Евангелія, гдѣ говорится о прощеніи и милосердіи къ самымъ нераскаяннымъ грѣшникамъ,

---

1) См. приложеніе № 2.

помянули тексты о „блудномъ сынѣ“, приводя и слова того же Давида, который простилъ Авессалома и просилъ щадить бунтовщика-сына. Не забыта здѣсь и прелюбодѣйка-жена, прощенная Назаряниномъ, возгласившимъ: „милости хощу, а не жертвы!“... И многое еще другое...

— «Кратко рекше: сердце царево въ руцѣ Божіей есть! Да изберетъ самъ тую часть, куды рука Божія его преклоняетъ» —такъ кончили свое разсужденіе осторожные отцы святители, не рѣшаясь прямо подтолкнуть поднятой руки Петра, не имѣя мужества и задержать эту разящую руку...

Небольшое молчаніе настало послѣ чтенія бумаги, гдѣ первою стояла подпись смиреннаго Стефана, митрополита Рязанскаго, того самаго, который всего семь лѣтъ назадъ въ Успенскомъ соборѣ сказалъ такую проповѣдь, такъ разгромилъ новые порядки Петра, такую горячую молитву прочелъ «Алексію, Человѣку Божьему» поминая и отсутствующаго царевича, что вся Москва и Петербургъ всколыхнулись, а самъ царевичъ добылъ списокъ съ проповѣди и хранилъ его много лѣтъ, какъ святыню...

Но это было семъ лѣтъ назадъ!.. Теперь-же хитрый украинецъ, Стефанъ, стараясь услужить Петру и омыть свой старый грѣхъ, особенно подробно изложилъ «карающіе» тексты въ епископскомъ отзывѣ, поданномъ по дѣлу того же несчастнаго Алексѣя...

Выждавъ немного, Меншиковъ снова заговорилъ какъ бы желая подвести итоги всему оглашенному.

— Теперь—слово и рѣшеніе за вами, государи мои, господа Верховное Судилище. Вы, господа министры, сенаторы, чины военные и гражданскіе, сюда призванные волею самодержавнаго государя нашего,—многократно собирались въ этой палатѣ, слушали выписки изъ дѣла и подлинныя письма отъ его царскаго величества къ царевичу, равно и отвѣты

послѣдняго; слышали устное признаніе виновнаго сына и читалась вамъ собственноручная запись его, гласящая, что желалъ онъ смерти отцу своему и государю; даже на духу попу о томъ каялся и бунтъ хотѣлъ учинить, самъ собрался при жизни отца во главѣ матежныхъ стать [1]). И многое иное, не менѣе тяжкое! И нынѣ, хотя не подлежитъ намъ, подданнымъ его величества, судить такія дѣла, но исполняя указъ государя, по чистой совѣсти, никому не похлѣбствуя и безъ всякаго страха,—внимая поученіямъ и заповѣдямъ Закона Божія, а равно помня Уложеніе и Воинскій артикулъ, не забывая уставы иныхъ христіанскихъ государствъ, равно какъ древнихъ, особливо—римскихъ и греческихъ цесарей, должны мы согласиться и приговорить: чего достоинъ царевичъ Алексѣй за всѣ вышереченныя вины свои? Особливо зато, что повинную свою царю писалъ неправдиво, что съ давнихъ лѣтъ искалъ получить отъ отца при жизни его престолъ черезъ бунтъ, надѣясь на чернь, что скорой кончины желалъ отцу и государю,—за все сіе какая кара ему подлежитъ? Съ сокрушеніемъ сердечнымъ, со слезами на очахъ, яко рабы и подданые;—но должны мы сіе обсудить и свое истинное мнѣніе, какъ повелѣлъ самодержавный нашъ повелитель,—постановить должны, не въ видѣ приговора, но какъ велитъ то изложить чистая христіанская совѣсть. Прошу вникнуть, господа верховные судьи, обсудить въ себѣ и между собою, а затѣмъ поименнымъ, открытымъ голосованіемъ мнѣніе подать!.

Послѣднія слова страшнѣе всего поразили сидящихъ. Никто не ожидалъ, что открыто придется подавать свой голосъ въ такомъ тяжкомъ дѣлѣ, въ этой, запутанной самимъ Рокомъ, нечеловѣческой тяжбѣ...

И долго еще сидѣли всѣ, подавленные, растерянные,

---

[1]) См. Приложеніе № 3.

когда Меншиковъ уже замолкъ, отирая съ лица и со лба крупныя капли пота, проступившія послѣ утомительной, долгой рѣчи, которая и его самого взволновала не меньше, чѣмъ слушателей.

Закрывъ свои сверкающіе глаза, прислонясь плечомъ къ двери, за которой онъ сидитъ, затихъ и Петръ, замеръ, словно повисъ на высотѣ и сейчасъ долженъ рухнуть внизъ съ головокружительной быстротою, не зная, спасенъ онъ будетъ, или разобьется въ дребезги...

Вдругъ дрогнуло мертвое молчаніе, которое наполняло залъ нѣсколько мгновеній и всѣмъ показалось тяжелѣе горы, длиннѣе вѣчности...

Нѣсколько голосовъ, словно противъ воли, вырвалось, переплелось, снова смолкло и опять зазвучало.

Полуслова, полувздохи, не то вопросы, не то оправданія перекинулись отъ одного къ другому... Больше молодежь подала голосъ, еще о чемъ-то желая спросить, что-то выяснить, нащупывая какую-то надежду... Между тѣмъ,—и пришли всѣ сюда, чувствуя, что придется произнести одно страшное слово. А послѣ рѣчи Меншикова еще больше убѣдились, что только *одно это слово* смѣютъ и должны они сказать, если не хотятъ сами очутиться на одной доскѣ съ царевичемъ, котораго такъ тяжко „допрашивалъ“ отецъ, подвергая кнуту и дыбѣ наравнѣ съ послѣдними изъ преступниковъ, своихъ рабовъ и подданныхъ...

И это слово, которое придется сказать—*смерть!*

Но первый—никто не рѣшается сказать его...

Отсрочить бы, замѣнить бы другимъ, самымъ страшнымъ, только другимъ, если ужъ нельзя ждать чуда, не придется услышать слова: „прощеніе, пощада, *жизнь!..*“

Изъ общаго гула, неяснаго и печальнаго, какъ дальній похоронный перезвонъ, долетающій въ подземную тюрьму,—

вырываются отдѣльныя слова, вопросы, обращенные другъ къ другу и къ президенту—Меншикову.

— Ужли сейчасъ надо и рѣшать?..

— Можетъ, еще дѣло не совсѣмъ кончено?.. Мысли свои преступныя, правда, выявилъ царевичъ. Но не видно изъ дѣла и допросовъ, што приступилъ и къ свершенію бунтовскаго замысла... А за мысли полагается ли по закону смертная кара?..

— Да и можно ли намъ царевича прирожденнаго судить, какъ обычайныхъ злодѣевъ? Особливо, ежели помнить, что и теперь у англичанъ право есть святое: „Судить каждаго должны равные его!“ А мы же гдѣ равны царевичу, хотя бы и преступилъ онъ законы.

— Да можетъ еще и такъ быть: мы осудимъ... А царю—отцу жаль станетъ!—говоритъ какой-то пожилой, сѣдой сенаторъ, негромко, словно опасаясь, что Меншиковъ, или другіе изъ усердныхъ прислужниковъ перенесутъ его слова царю...

И вообще, каждый здѣсь боится сказать слово по душѣ, опасаясь предательства. Еще оно и хуже, что Петръ приказалъ судить безъ себя. Ему могутъ на каждаго наговорить такихъ ужасовъ, что потомъ не оберешься бѣды...

И стихли понемногу вопросы, угасли голоса. Но рѣшенія общаго еще нѣтъ.

— А ежели еще просить государя, пусть бы самъ рѣшалъ, какъ ему Богъ положитъ на душу. Дѣло очевидное, что вина велика... Но и кары той, какую законъ велитъ,— мы назвать, поди, не сможемъ!—говоритъ негромко Нарышкинъ сосѣдямъ своимъ Димитрію Голицыну и Якову Долгорукому.

Тѣ молчатъ. Понурился прямой, честный князь Яковъ. Братъ его, Василій уже сосланъ. Надо себя поберечь хоть немного. То же думаетъ и Голицынъ, и другіе, „оговоренные

царевичемъ", самые вліятельные вельможи, которыхъ обжегъ глазами Меншиковъ во время своей рѣчи.

Они и сейчасъ чуютъ на себѣ острый взглядъ фаворита, который несомнѣнно—замѣняетъ и здѣсь особу царя, какъ это бываетъ очень часто въ другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

Молчатъ всѣ. Одинъ лишь человѣкъ подхватилъ вопросъ Нарышкина и рѣшился заговорить.

Это—князь Гагаринъ, губернаторъ Сибири.

Что-то необычайное, странное владѣетъ имъ сегодня. Нѣтъ особо-дурныхъ вѣстей по его личнымъ дѣламъ. Царя онъ видѣлъ, тотъ говорилъ съ нимъ довольно дружелюбно, хотя не такъ, какъ раньше бывало, до отъѣзда въ Тобольскъ. Но, словно быкъ, котораго выводятъ изъ хлѣва и собираются вести подъ топоръ, — затосковалъ вдругъ безъ причины князь, готовъ бы наброситься на каждаго... Хотѣлъ бы и Меншикову крикнуть, что онъ лжецъ и лицемѣръ, и упрекнуть этихъ вельможъ, раньше — подстрекавшихъ Алексѣя, а теперь—затихшихъ, безмолвныхъ, оробѣлыхъ, подобно лакеямъ, укравшимъ господское добро и готовымъ свалить на другого свой грѣхъ... А больше всего бѣситъ Гагарина самъ Алексѣй! Глупецъ! Началъ смѣло, умно, кончилъ такъ глупо и теперь изъ-за него — всѣ первые люди земли вынуждены подличать, говорить не то, чего бы хотѣли, спасая собственную жизнь;—или должны пожертвовать всѣмъ и безполезно, потому что Гагарину ясно: царевичъ заранѣе осужденъ царемъ!..

Кромѣ того—князю показалось, когда онъ садился, что за дверью, тамъ, въ углу залы—мелькнуло въ узкомъ просвѣтѣ страшное, блѣдное лицо, такое знакомое ему, какъ и всѣмъ, здѣсь сидящимъ... Конечно, Петръ способенъ явиться, незамѣченный, выслушать пренія судей, чтобы убѣдиться въ преданности или въ крамолѣ каждаго изъ нихъ...

И, словно не владѣя собою, желая только излить трепетное нетерпѣніе и злость, сдавившую грудь, стремясь положить конецъ своему и общему напряженію, ускорить развязку подлой трагикомедіи, — князь рѣзко, громко заговорилъ:

— Помилуй Богъ! Мало наслушались мы, господа министры и сенаторы и прочіе господа присутствующіе? Еще ли не ясно дѣло? О чемъ и кого еще просить сбираемся, когда прямая воля государя намъ сказана: судить и мнѣніе наше положить. А тамъ — его воля, конечно! Мы должны такъ рѣшать, чтобы не страшно было явиться передъ Вѣчнымъ Судіею намъ, судіямъ земнымъ... А передъ закономъ — всѣ равны, и царь, и нищій! Давно и самъ его величество о томъ постановить изволилъ! Такъ и я скажу открыто. Ежели бы мой родной сынъ такое содѣялъ?.. Одинъ приговоръ ему бы я далъ: смерть! И то самое, чаю, — должны мы по закону объявить за проступки нестерпимые царевича Алексѣя... А подтвердить наше мнѣніе, либо отринуть воленъ ужъ самъ государь-отецъ, какъ Богъ ему внушитъ. Я сказалъ. Кто за меня, либо противъ, — его дѣло. Рѣшайте, государи мои!

Еще послѣдніе звуки голоса Гагарина дрожали въ воздухѣ, но и другіе, и самъ онъ ощутили такой холодъ въ груди, вездѣ, что духъ перехватило у многихъ. Поблѣднѣли самыя румяныя лица, потухли, опустились къ низу самые смѣлые и яркіе, самые лукавые и беззастѣнчивые глаза.

Въ эту минуту гулко стали вызванивать часы въ сосѣднемъ покоѣ. Девять ударовъ должно прозвучать. Всѣ, какъ одинъ, считаютъ про себя эти звонкіе, протяжные удары, хотѣли бы удесятерить ихъ, чтобы бой длился часы, дни, безъ конца... Потому что съ окончаніемъ боя зазвучитъ одинъ роковой вопросъ, на который, противъ воли, придется дать единственный, возможный отвѣтъ...

И часы, пробивъ, умолкли...

Вопросъ прозвучалъ.

— Господа министры, сенаторы и прочіе, присутствующіе здѣсь! Вы слышали сказанное его превосходительствомъ, господиномъ княземъ Гагаринымъ. Мнѣніе оглашено. И я по долгу своему—сейчасъ опрашивать начну, отъ самыхъ младшихъ и до старѣйшихъ, по списку сему о согласіи, либо о несогласіи съ онымъ мнѣніемъ. Такъ угодно ли вамъ будетъ?

— Угодно!—не дружно, не сразу прозвучало нѣсколько подавленныхъ голосовъ.

— Повинуюсь закону, указу его царскаго величества и вашему желанію. И приступаю, съ помощью Всеблагого Господа!

Взявъ листъ съ именами судей, онъ развернулъ его и остановился глазами на самомъ крайнемъ имени, стоящемъ въ концѣ длиннаго списка, занимающаго три страницы большаго листа плотной, синеватой бумаги.

Настало мгновенное молчаніе. Среди трепетной, напряженной тишины, когда, казалось,—слышно было шуршаніе камзоловъ на груди у всѣхъ тамъ, гдѣ порывисто билось каждое сердце,—прозвучалъ голосъ Меншикова, внятный, но прерывистый, какъ будто готовый сорваться на каждомъ звукѣ:

— Согласіе либо несогласіе свое благоволитъ каждый изъ вопрошаемыхъ изъявить на мнѣніе господина губернатора Сибири. Господинъ оберъ-секретарь!—обратился свѣтлѣйшій къ Анисиму Щукину, сидящему за своимъ столомъ съ двумя дьяками:—Второй списокъ для отмѣтокъ у тебя готовъ ли?

— Готовъ, ваша свѣтлость!

— Отмѣчай.

И, обратясь къ младшему изъ дьяковъ, Меншиковъ только спросилъ:

— Какое мнѣніе?

Вскочилъ, пробормоталъ что-то невнятно жалкій, растерянный служака и снова сѣлъ, будто надѣясь укрыться въ своемъ стулѣ отъ тяжелой необходимости подать первый голосъ.

— Громче! Не слышали мы...— поднялъ голосъ Меншиковъ.

— Со... согла... согласенъ! — наконецъ выдавилъ изъ горла болѣе внятно тотъ и снова сѣлъ.

За нимъ—второй голосъ, такой же жалкій и ничтожный, проговорилъ это слово... Третій, четвертый, десятый, сотый... Всѣ повторяютъ его, это небольшое, гибельное слово... И каждый разъ оно звучитъ, словно удары заступа по сырой землѣ, гдѣ начинаетъ раскрываться и зіять чернымъ проваломъ могила юнаго царевича Алексѣя...

Никто не посмѣлъ прибавить крохотной частички „не“ къ трехзвучному, несущему смерть, слову „*согласенъ*“!..

Послѣднимъ поднялся Меншиковъ. Онъ стоитъ, опираясь рукой на столъ, какъ будто раздавленъ горемъ. Говоритъ тихо, но внятно.

— Мой чередъ сказать слово... Ежели бы я зналъ, што моей жизнью вмѣстѣ съ моимъ рѣшеніемъ — измѣню волю судьбы... Ежели бы мое одно „нѣтъ!“ — перевѣсило всѣ подтвержденія, единодушныя, какія мы сейчасъ слышали,— я бы сказалъ это „нѣтъ“!.. Но... сдается, только самъ Господь и его величество могутъ теперь измѣнить рѣшеніе общее... А я противъ сердца моего... терзаясь жалостью, но по чистой совѣсти обязанъ также сказать: согласенъ, что за вины свои—смерти достоинъ царевичъ Алексѣй!.. И посему... Господинъ оберъ-секретарь, прочти изготовленный проектъ приговора. А васъ—прошу каждаго, ежели не будетъ замѣчаній, либо измѣненій онаго, подписать своеручно для немедленнаго поданія его величеству [1]).

[1]) См. Приложеніе № 4.

Меншиковъ сѣлъ.

Оберъ-секретарь сталъ читать заранѣе приготовленный приговоръ. А Петръ, не ожидая больше ничего, едва поднялся со стула, грузно, пошатываясь словно отъ вина, даже не заглушая своихъ гулкихъ, тяжелыхъ шаговъ, вышелъ изъ покоя, пошелъ по коридорамъ къ выходу, твердя про себя:

— Осудили... ну, что же!.. А этотъ воръ!.. Гагаринъ первый посмѣлъ!.. Онъ, не мало самъ виновный... сына мнѣ часто съ пути сбивавшій, онъ первый же на него посмѣлъ... Добро! Пожди, судія праведный! Буду я судить и тебя... Предатель!..

ГЛАВА II.

Библейская жертва.

Словно лавина катилась съ огромной крутизны и несла самого Петра, Алексѣя, судей верховныхъ, всѣхъ, кого впутала судьба въ тяжбу царя-отца съ сыномъ-царевичемъ. Будто у всѣхъ была отнята ихъ воля и, въ глубинѣ души желая одного, они дѣлали совершенно другое, ужасное, отвратительное для нихъ самихъ и для цѣлаго міра.

Утромъ, 25-го іюня Петръ распорядился, чтобы Алексѣя привели и поставили передъ его „судьями", изможденнаго и своей чахоткой, и пыткой, дыбою, плетями, вынесенными уже четыре раза. Въ послѣдній разъ—вчера еще, худыя плечи его вытерпѣли 15 ударовъ, отъ которыхъ кровавыя полосы остались на тѣлѣ...

Вчера же, прямо изъ Сената, гдѣ прозвучало осужденіе Алексѣю, – Петръ кинулся въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ въ Трубецкомъ раскатѣ помѣщенъ царственный узникъ, и

тамъ допытывался цѣлыхъ два часа: вѣрно ли показалъ на разныхъ лицъ царевичъ, не поклепалъ ли на кого, не укрылъ ли еще виновныхъ?..

Но Алексѣй, словно потерявшій способность ощущать боль, подъ ударами кнута и послѣ нихъ упорно, угрюмо повторялъ:

— Повѣдалъ я всю правду, писалъ, что вспомнить могъ! Не скрылъ никого и не поклепалъ ни на единаго человѣка...

Безумнымъ кажется порою царевичъ, особенно, когда подымаютъ его на вискѣ и кнутъ, просвиставъ,—падаетъ на нѣжное, безкровное тѣло страдальца... Глаза тускнѣютъ, устремленные постоянно на лицо отца; пѣна проступаетъ на побѣлѣлыхъ губахъ; а нижняя челюсть такъ часто-часто дрожитъ и зубы выстукиваютъ мелкую, внятную дробь... Но не плачетъ теперь, не синѣетъ отъ воплей и мольбы царевичъ, какъ въ первые разы... Ужасъ у него въ глазахъ и ненависть безмѣрная, но молчаливая, пугливая, какъ у дикаго звѣря, попавшаго въ западню, откуда нельзя выдернуть раздробленной лапы, потому что малѣйшая попытка рвануться—причиняетъ смертельную муку... И стоитъ изловленный звѣрь, видя приближеніе враговъ, чуя смерть, еще болѣе мучительную, чѣмъ это ожиданіе ея...

Петръ все понимаетъ, все чувствуетъ!.. Но вмѣсто того, чтобы разорвать на рукахъ сына веревки, разогнать палачей, крикнуть юношѣ:

— Прощаю! Ко мнѣ! На грудь! Забудемъ все...

Вмѣсто этого—онъ еще удваиваетъ его тѣлесную муку нравственной пыткой допросовъ, очныхъ ставокъ и видомъ людей, которыхъ неизмѣнно приводитъ съ собою...

Это все тѣ же, бывшіе „друзья", приверженцы тайные Алексѣя, о которыхъ онъ поминалъ въ своихъ показаніяхъ; теперь ставшіе его судьями и палачами.

Но имъ тоже достается каждый разъ хорошая пытка, когда они смотрятъ на истязаніе юноши, котораго почти толкнули на безумный шагъ, а теперь—покинули, какъ низкіе холопы и предатели...

И Алексѣй старается даже не поглядѣть въ ихъ сторону, а при случайной встрѣчѣ глазами такое презрѣніе выявляется на измученномъ, потемнѣломъ лицѣ его, что „судьи" готовы были бы очутиться на мѣстѣ истязуемаго, не встрѣчать бы только этихъ глазъ, этой гримасы отвращенія, вызваннаго ихъ собственнымъ видомъ!..

Пытая Алексѣя въ самый день приговора, при тѣхъ же неизмѣнныхъ спутникахъ своихъ, при Шафировѣ, Стрешневѣ, Бутурлинѣ, Голицынѣ, при князѣ Яковѣ и Гагаринѣ,—Петръ все ждетъ, что царевичъ выйдетъ изъ своей странной закостенѣлости, изъ угрюмой подавленности и броситъ новыя, тяжкія обвиненія въ лицо этимъ, прежнимъ друзьямъ, и многимъ инымъ! Тогда съ настоящимъ наслажденіемъ станетъ пытать и терзать ихъ Петръ, а не съ болью въ сердцѣ, какъ дѣлаетъ это съ сыномъ...

Но Алексѣй уже покончилъ всѣ счеты съ людьми и міромъ... Онъ хочетъ покоя... Какого-нибудь, все равно! Пусть это—прощеніе, пусть—смерть... лишь бы покой!

И хотя цѣлый ураганъ могъ бы онъ поднять парой-другою словъ,—но не дѣлаетъ этого... Пойдутъ новые сыски, допросы... Опять, лишнихъ нѣсколько разъ станутъ больно вязать тонкія, блѣдныя руки Алексѣю, подымутъ на виску, кнутъ, глухо шлепнувъ, врѣжется въ плечи, въ бока... Или—снова приведутъ бѣдную дѣвушку, его любовницу, робкую, простую, которая боится всего, не знаетъ, что надо говорить, о чемъ слѣдуетъ молчать. Она-то своими необдуманными показаніями совершенно и потопила Алексѣя...

Нѣтъ, слишкомъ все это нестерпимо!..

И, снеся послѣдніе 15 ударовъ, лишаясь силъ и созна-

нія,—Алексѣй все-таки промолчалъ до конца. Только еще болѣе страшнымъ, печальнымъ взглядомъ окинулъ отца, когда глаза его уже туманились отъ безпамятства...

А свидѣтели допроса и пытки, особенно Гагаринъ—стараются владѣть собой, не выдать стыда и жалости, отъ которыхъ клубокъ стоитъ у каждаго въ горлѣ.

Поймавъ на себѣ испытующій взглядъ Петра, нагибается къ нему Гагаринъ и негромко замѣчаетъ:

— Теперя бы, когда поослабъ духомъ царевичъ, хорошо бы привести его въ сознаніе и... снова поспросить... Пожалуй, и выдалъ бы кое-что поважнѣе...

Взглядъ, которымъ Петръ отвѣтилъ совѣтчику,—оледенилъ князя. Но ничего не сказалъ царь врачу, стоящему тутъ же, всегда наготовѣ, далъ знакъ войти къ сомлѣвшему Алексѣю, а самъ быстро вышелъ изъ застѣнка.

Еле поплелся за другими Гагаринъ. Взглядъ царя повліялъ на него не лучше, чѣмъ плети на царевича...

А тутъ, вечеромъ узналъ князь еще одну грозную вѣсть.

Вернулся изъ Тобольска Пашковъ, смѣнившій тамъ слишкомъ мягкаго Волконскаго, привезъ какія-то тяжкія улики противъ губернатора Сибири... И Волконскій арестованъ, скоро будетъ судимъ, какъ только кончится дѣло царевича.

Передъ самымъ обѣдомъ узналъ эти новости князь. И обѣдать не смогъ, и не спалъ всю ночь... Думалъ все одно и то же:

— Неужели рѣшимость въ осужденіи Алексѣя ему не помогла, а только повредила?

Екатерина и Меншиковъ—неужели не выручатъ его изъ ямы, какъ бы глубока ни была она?..

— Самъ полѣзъ... сунулся самъ въ силокъ, старый дурень!—бранилъ себя въ сотый разъ Гагаринъ.—Надо было

въ Тобольскѣ отсидѣться, не лѣзть сюда въ эту кашу, гдѣ многіе увязнуть, какъ вижу теперь... И первый—я!..

Насталъ день 26-го іюня, ясный, солнечный, съ тихимъ вѣтромъ...

Отъ 8 до 11 утра, долгихъ три часа длился послѣдній допросъ Алексѣя при тѣхъ же свидѣтеляхъ-судьяхъ, скорѣе—соучастникахъ его, и при Меншиковѣ...

Петръ самъ при этомъ походилъ больше на безумнаго, чѣмъ на человѣка, вполнѣ владѣющаго сознаніемъ и волей...

А въ 4 часа дня, выйдя изъ Троицкой церкви, гдѣ совершалось служеніе наканунѣ полтавской годовщины,—Петръ съ неизмѣнной свитой снова появился въ раскатѣ, въ тюремной кельѣ, гдѣ на своемъ узкомъ ложѣ, запытанный, замученный, лежалъ узникъ.

Увидя отца, онъ вдругъ приподнялся на локтѣ... Что-то заклокотало у него въ груди... Отхаркнувъ кровью прямо къ ногамъ Петра, одно только слово прохрипѣлъ Алексѣй:

— Дѣтоубійца...

И снова повалился навзничь, тяжело, порывисто дыша...

И отецъ сжалился, наконецъ, надъ сыномъ, рѣшилъ сократить его долгое, мучительное умираніе, прервать тяжелыя муки, которыя могли затянуться на недѣли, на мѣсяцы...

Привести въ исполненіе приговоръ теперь,—это значило облегчить агонію осужденному... И Петръ шепнулъ нѣсколько словъ маршалу Адаму Вейде.

Тотъ отшатнулся сразу; но, сдѣлавъ усиліе, даже стиснувъ зубы и сжавъ кулаки,—овладѣлъ собою, вышелъ... А черезъ четверть часа изъ сосѣдней крѣпостной аптеки принесъ небольшую серебряную чарку съ послѣднимъ лѣкарствомъ для истерзаннаго тѣломъ и душою царевича.

Безкровная казнь совершилась... Смерть Сократа, добро-

вольная и потому прекрасная, насильственно постигла Алексѣя...

Твердою рукою ему влитъ былъ въ ротъ его послѣдній кубокъ... Послѣ этого всѣ быстро ушли, кромѣ караульнаго офицера и двухъ врачей...

Въ седьмомъ часу вечера, послѣ сильнѣйшихъ мученій и судорогъ,—Алексѣя не стало...

На другой день его тѣло, анатомированное сначала, лишенное внутренностей,—въ простомъ гробу изъ тюремной кельи было вынесено въ домъ губернатора... Тамъ подъ глазетовымъ покровомъ стоялъ простой, дощатый гробъ въ ожиданіи послѣднихъ обрядовъ...

Горѣли свѣчи... Монахъ читалъ печальные псалмы...

А въ раскрытое окно вѣялъ лѣтній, нѣжный вѣтерокъ... Пальба, звуки музыки доносились отъ новаго Почтоваго двора, гдѣ царь, съ царицей, со всѣми вельможами весело, шумно справлялъ годовщину полтавской славной побѣды и вино лилось ручьями... Сверкали потѣшные огни, снова и снова гремѣли залпы... Грохотали орудія салютами съ верковъ крѣпости...

Но ничего не слышалъ больше царевичъ Алексѣй.. Онъ, наконецъ, какъ самъ того желалъ, успокоился навѣки!

Въ глубокой тайнѣ свершилось это мрачное дѣло, гибель сына, казненнаго руками родного отца.

Молчатъ участники казни не только изъ страха передъ Петромъ, но не желая также подвергнуться всеобщему презрѣнію людскому и вселить окружающимъ ужасъ...

Объявлено просто народу и „министрамъ“ иностраннымъ, т. е. посламъ, что отъ апоплексіи умеръ царевичъ, напуганный смертнымъ приговоромъ, прочтеннымъ ему наканунѣ...

Ни о пыткахъ, ни о послѣднемъ допросѣ въ утро смерти,

ни о самыхъ подробностяхъ ея—ни звука!.. Но стѣны заговорили, когда люди не посмѣли...

Самые неясные, противорѣчивые толки пошли въ народѣ, здѣсь, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, повсюду. И какъ ни различны эти толки, но въ нихъ одна правда повторяется на разные лады: пытали, почти до смерти замучали Алексѣя, а потомъ рука отца покончила его страданія.

Иностранные резиденты, обычно посылающіе самые подробные доклады своимъ государямъ обо всемъ, что они видятъ и слышатъ, сперва ограничились, конечно,—передачей оффиціальнаго извѣщенія о смерти Алексѣя. Но немедленно же пошли добавочные „рапорты", писанные шифромъ, „цыфирью", гдѣ каждый передавалъ то, что ему удалось вызнать у близкихъ къ дѣлу лицъ, что онъ считалъ за самое вѣрное.

И по рукамъ стали ходить какіе-то списки съ описаніемъ „злого дѣянія въ Трубецкомъ раскатѣ, убіенія царевича Алексія, отъ руки родителя пріявшаго мученическую кончину". Только различные роды смерти описывались въ нихъ. По однимъ — Петръ собственноручно обезглавилъ сына, по другимъ—ему были вскрыты жилы. Говорилось и объ ядѣ, и объ удушеніи подушками...

Письма резидентовъ, перехваченныя на почтѣ „чернымъ кабинетомъ" Петра — доставили много непріятныхъ минутъ ихъ авторамъ, особенно—голландскому министру де-Би и австрійскому посланнику Плейеру. А своихъ „подыскателей", просто выслѣживали, колесовали, рвали ноздри и ссылали въ Сибирь, изрядно наказавъ плетьми...

И все же не унимались люди, особенно—раскольники, какъ стали теперь звать людей, придерживающихся стараго толка...

Но, наконецъ, время взяло свое... Толки стали смолкать... Кончилась шведская, долголѣтняя война... Все цар-

ство обрадовалось этой счастливой минутѣ... Въ „Парадизѣ“ стѣны дрожали отъ салютовъ пушечныхъ, отъ грохота „потѣшныхъ огней“ и веселыхъ, пьяныхъ кликовъ... Никому не тревожила сна блѣдная тѣнь несчастнаго царевича, погибшаго такъ рано и не по своей винѣ...

А онъ самъ, вѣрнѣе, его тѣло—тихо истлѣвало тамъ, въ землѣ, въ склепахъ крѣпостнаго собора Троицкаго, гдѣ положили его рядомъ съ тѣломъ его жены, тоже несчастной принцессы, Шарлотты-Софіи.

ГЛАВА III.

Судъ надъ судіею.

Прошло семь мѣсяцевъ со дня казни Алексѣя.

Гагаринъ, первый изъ его судей-обвинителей, самъ теперь подъ судомъ.

29 января 1719 года онъ давалъ Сенату первое свое объясненіе по пунктамъ обвиненія, предъявленнаго ему, какъ губернатору Сибири, по нерадѣнію котораго неудача постигла походъ Бухгольца за песочнымъ золотомъ Яркенда, походъ, стоившій такъ много денегъ и человѣческихъ жизней... Помимо того былъ предъявленъ еще безконечный списокъ его провинностей, большихъ и мелкихъ грѣховъ и преступленій, начертанныхъ на нѣсколькихъ листахъ...

Былъ вызванъ фискалъ Нестеровъ, его главный обвинитель, и Бухгольцъ выступилъ со своими разоблаченіями, и многіе другіе, знакомые съ дѣлами Сибири, какъ тотъ же бывшій ея губернаторъ князь Черкасскій, котораго замѣстилъ Гагаринъ семь лѣтъ назадъ.

Кромѣ того, посланъ былъ гвардіи маіоръ, Лихаревъ въ Тобольскъ и по всей Сибири, чтобы еще подробнѣй разыскать всѣ улики, вызнать преступленія Гагарина и обиды, нанесенныя имъ кому-нибудь...

Этотъ ревизоръ приказалъ съ барабаннымъ боемъ объявлять по городамъ, что „бывшій губернаторъ князь Гагаринъ—воръ, весьма худой и недобрый человѣкъ. И всѣ, кто знаетъ его злыя дѣла и казнокрадство,—должны о томъ доносить безъ страха и стѣсненія".

Обвинители, конечно, явились со всѣхъ концовъ, жалобъ справедливыхъ и вздорныхъ посыпалось безъ числа...

Все собралъ Лихаревъ и представилъ Петру; а тотъ весь смрадный и тяжкій этотъ грузъ швырнулъ въ лицо, обрушилъ на голову Гагарину, ставшему ненавистнымъ для него со времени суда надъ Алексѣемъ...

Допросы шли безъ конца, всѣ два съ половиной года, которые провелъ въ своей тюремной кельѣ Гагаринъ, въ той самой, гдѣ онъ былъ у заточеннаго Алексѣя, гдѣ видѣлъ допросы и пытку царевича.

Теперь его самого пытаютъ, и „часто, жестоко", какъ отмѣчаетъ лѣтопись тюремная...

Исхудалъ, осунулся князь - губернаторъ, намѣстникъ и „царекъ Сибири"... Но упорно защищается противъ всѣхъ обвиненій. Онъ знаетъ, что въ главномъ преступленіи явныхъ уликъ нѣтъ противъ него; а то, что открыто бумагами и несомнѣнными показаніями свидѣтелей — слишкомъ незначительно, чтобы привести за собою смертную казнь... И бодрится кряжистый князь.

Лишь бы оставлена была жизнь! Все онъ готовъ отдать за эту жизнь; что ни собрано въ его дворцахъ здѣсь и въ Москвѣ, и въ губернаторскомъ тобольскомъ домѣ... То, что припрятано въ Салдѣ — дастъ ему возможность, уйдя за

границу, по-царски кончить дни!.. А земли, дома—перейдутъ пускай теперь же сыну и дочери...

И, разсчитывая на такой исходъ,—посылаетъ тайныхъ пособниковъ Гагаринъ ко всѣмъ, кто еще имѣетъ вліяніе и силу при Петрѣ... Но ихъ нѣтъ почти—такихъ людей.

Даже Меншиковъ попалъ въ опалу за „многіе дары", принятые въ видѣ мзды за попустительство ворамъ и казнокрадамъ: Гагарину и другимъ, ему подобнымъ...

Екатерина боится вмѣшаться въ дѣло, если бы и желала помочь кому-нибудь... Главное сдѣлано: царевича-Алексѣя нѣтъ. Сынъ его — малютка, Петръ Алексѣевичъ, ростетъ въ дому у Меншикова... И какая-то затаенная надежда на огромное счастіе и власть впереди все чаще и чаще свѣтится въ темныхъ, бархатныхъ глазахъ бывшей ливонской плѣнницы, Марты Скавронекъ, теперь—императрицы Екатерины, вмѣстѣ съ мужемъ—пріявшей такой высокій титулъ, какъ воздаяніе за счастливо-оконченную борьбу со шведами...

Одинокъ остался въ своемъ казематѣ Гагаринъ... Не берутъ даже его сказочно-щедрыхъ даровъ, огромныхъ взятокъ, которыя онъ предлагаетъ черезъ разныхъ людей.

— Денегъ не берутъ! Конецъ мнѣ, значитъ! — блѣднѣя и холодѣя прошепталъ Гагаринъ, услышавъ, что отказываются всѣ отъ посуловъ князя.

Но еще надѣется упорный старикъ. Терпитъ допросы, виску и плети... Ничего не открываетъ такого, что бы дало судьямъ извѣстное право подписать приговоръ, давно составленный и внушенный Петромъ...

Вдругъ новая пытка придумана была мучителями.

Вызвали изъ-за-границы Алексѣя Гагарина, хотя отецъ и далъ знать сыну, чтобы онъ скрылся въ Англіи, не возвращался теперь домой.

Обошли юношу, подложнымъ письмомъ отца — заманили его на родину. Здѣсь — поставили къ допросу... И подъ

пытками, подъ кнутомъ — изнѣженный, слабый баричъ предалъ родного отца... Вспомнилъ о „рѣчахъ воровскихъ“ относительно престола Сибири, указалъ на письма, полученныя заграницею отъ отца, темный смыслъ которыхъ былъ имъ истолкованъ такимъ же образомъ...

Онъ готовъ былъ и себя обвинить въ чемъ угодно, пойти подъ топоръ немедленно, только бы избавиться отъ пытки!

И затѣмъ, на очной ставкѣ, понуря голову, едва выжимая слова изъ стѣсненной груди, сынъ вынужденъ былъ *„уличать“* родного отца!

Юношу сослали въ матросы. Сестру—постригли въ монастырь. Всѣ имѣнія, дворцы, несмѣтныя богатства Гагарина взяты были въ казну.

Въ той же, знакомой хорошо, залѣ Сената, передъ его же товарищами былыми—прочли князю приговоръ, въ которомъ цѣлыхъ 20 пунктовъ перечисляли „главнѣйшія вины и злодѣянія“ его, не считая многихъ иныхъ.

Съ поднятой головой слушаетъ этотъ перечень Гагаринъ. Жизнь, проведенная въ лѣни, въ распутствѣ, въ обжорствѣ, пьянствѣ и стяжаніи, посвященная всѣмъ грѣхамъ, — не вытравила въ этой душѣ наслѣдственной искры доблести старыхъ „викинговъ“, разбойниковъ по крови, но отважныхъ, гордыхъ, честолюбивыхъ людей... Не даромъ изъ Скандинавіи явился на Русь предокъ рода Гагариныхъ.

Читаетъ секретарь обвиненія.

Тутъ собрано все, содѣянное и несодѣянное, что таилось въ замыслѣ на днѣ души, или нагло проявлялось при свѣтѣ дня на глазахъ рабской, приниженной толпы прислужниковъ, челяди, цѣлаго народа, еще слишкомъ задавленнаго и темнаго послѣ вѣковъ татарщины, послѣ кровавой поры собственныхъ тирановъ: Ивана IV и иныхъ...

„И доказано есть,—читаетъ монотонно секретарь:—что оный сибирскій бывшій губернаторъ, князь Матвѣй Петро-

вичъ Гагаринъ,—1)—угнеталъ крестьянъ податями въ свою пользу, обременяя и раззоряя людей непомѣрно!"

Умный Петръ это тяжкое обвиненіе приказалъ поставить прежде всѣхъ...

Потомъ идутъ остальныя.

„И питалъ намѣреніе поднять бунтъ въ Сибири, отложиться отъ государства Россійскаго, для чего даже объявилъ себя „Сибирскимъ царемъ"; притѣснялъ купцовъ, торгъ ведущихъ съ Китаемъ, накладывалъ излишнія пошлины; наи лучшіе товары отъ нихъ силою и беззаконіемъ отбиралъ".

Словно какой-то красный огонекъ сверкнулъ въ глаза Гагарину... Онъ припомнилъ огромный рубинъ, первое сокровище, захваченное въ Сибири, съ таинственными знаками на немъ... Но, вѣдь, этотъ рубинъ перешелъ теперь въ иныя руки... Онъ уже у Екатерины, какъ узналъ недавно князь...

И, словно въ отвѣтъ на эти мысли, — звучитъ новый пунктъ обвиненія, оглашаемаго секретаремъ.

„Пытался подкупать не только министровъ и сенаторовъ, но и лицъ, близкихъ къ самой особѣ его императорскаго величества. На жалобы сибиряковъ по поводу тяжелыхъ податей и поборовъ, вызванныхъ не столько войною, сколько корыстолюбіемъ самого губернатора, — неизмѣнно отвѣчалъ: „Не я повиненъ! Творю волю царскую. Будь я хозяиномъ здѣсь,—Сибирь зажила бы припѣваючи!.." Потакалъ и подстрекалъ недовольство въ средѣ раскольниковъ, сѣялъ слухи, что ихъ силою будутъ перекрещивать, мучить и живыми сожигать въ случаѣ сопротивленія, — чтобы больше сѣять смуту въ краю и тѣмъ подготовлять возстаніе. Не носилъ парика, какъ по регламенту установлено, одѣвался по русски, въ боярскія одежды, чтобы угодить черни, соблюдалъ строго посты и обряды, похвалялъ старинныя книги и обычаи, чтобы подкупить народъ. Позволялъ сибирякамъ для того же совращенія и ради корысти своей—нанимать за себя рекрутовъ

изъ простыхъ, черныхъ людей и бралъ за то большіе выкупы. Вошелъ въ заговоръ и съ митрополитомъ Сибири, Филоѳеемъ Лещинскимъ, а нынѣ — схимникомъ-старцемъ Ѳеодоромъ и когда тому было приказано уйти въ изгнаніе въ Кіевскую лавру, — губернаторъ, князь Гагаринъ удержалъ его въ Тюмени, гдѣ будто бы тотъ трудится, обращая въ христіанство язычниковъ остяковъ и иныхъ. Закрылъ всѣ пути изъ Сибири въ Россію, за исключеніемъ Верхотурья, гдѣ его другъ, воевода-комендантъ, Траханіотовъ мущинъ и женщинъ проѣзжающихъ подвергалъ подробному, позорному весьма, обыску, развѣдывая, нѣтъ ли при людяхъ писемъ и вѣстей о томъ, что творится въ Сибири."

Кривая улыбка исказила на мигъ застывшее, словно окаменѣлое лицо князя.

Эта застава, единственная для Сибири, эти обыски— введены были самимъ Петромъ за много лѣтъ до управленія Гагарина... Но теперь и такую, явно-чужую мѣру—ставятъ въ вину ему, ничего и никого не стѣсняясь, разыгрывая совсѣмъ неряшливо комедію суда. Да, что и думать! Развѣ полгода назадъ самъ Гагаринъ не принималъ участія въ подобномъ же, трагикомическомъ, еще болѣе ужасномъ зрѣлищѣ?..

И по прежнему, съ лицомъ, напоминающимъ восковую маску, слушаетъ „преступникъ", виноватый не болѣе, чѣмъ всѣ тѣ, кто сейчасъ сидитъ за судейскимъ столомъ, избѣгая встрѣтиться взорами со своимъ вчерашнимъ товарищемъ, другомъ-благодѣтелемъ, а нынче — подсудимымъ, казнокрадомъ и бунтовщикомъ...

„Непокорныхъ ему — ссылалъ безъ суда въ дальнія мѣста губернаторъ сибирскій, князь Гагаринъ, а многихъ— и слѣдъ простылъ нынѣ", — читаетъ вязкимъ, скрипучимъ голосомъ оберъ-секретарь Сената.—„Безъ нужды увеличилъ милицію и самъ ставилъ въ сыновья боярскіе, версталъ

окладами не по закону. Собралъ второй драгунскій полкъ, когда и одного было достаточно для того краю. Увеличилъ пѣхоту, артиллерію, поручилъ начальство надъ таковыми плѣннымъ шведскимъ офицерамъ, раздавъ имъ многія суммы, десятки тысячъ рублей. Лилъ пушки на сибирскихъ заводахъ и строилъ ружья. Что бы добыть излишніе снаряды, обманулъ его царское величество, увѣря, что потребенъ походъ въ Бухару за золотомъ, и тѣмъ путемъ добылъ много снарядовъ; а также на 10,000 человѣкъ, аммуницію и оружіе, все полное снаряженіе. Допускалъ въ обиходѣ своемъ непомѣрную и преступную роскошь, какой и при царскомъ дворѣ не слыхано, уставляя столы золотыми и серебряными приборами, куя лошадей также золотыми и серебряными подковами слабо, чтобы тѣ отлетали, переходя въ руки черни и тѣмъ обольщая ее...“

Много еще читаетъ оберъ-секретарь. И въ концѣ—одно короткое, самое ужасное слово: „а за всѣ сіи вины ему присуждена... смерть черезъ повѣшеніе“...

Но и при этомъ словѣ не дрогнулъ Гагаринъ.

Низкій, истовый поклонъ отдалъ Петру, судьямъ своимъ— и вышелъ подъ конвоемъ четырехъ преображенцевъ...

Въ тотъ же день, вечеромъ, 16 іюля явился Петръ безъ спутниковъ, одинъ къ заключенному.

— Слушай, Матвѣй!—опустясь на табуретъ передъ стоящимъ княземъ, заговорилъ онъ:—Все кончено. Вина твоя доказана. Ты приговоренъ. Но не хочу такъ предать тебя смерти, пока не услышу твоего сознанія. Чтобы потомъ твоя душа не пострадала за ложь крайнюю и передъ кончиною самой... И самъ покойнѣе быть хочу. Понимаю, что многое и не такъ, какъ рѣшили судьи о твоей виновности... Но главное-то справедливо! Ты помышлялъ о сепаратномъ владѣніи въ Сибири, о царствѣ Кучумовомъ подъ твоимъ жезломъ. Сознайся! И слово мое тебѣ порукой,—все прощено

тебѣ будетъ!—неожиданно прозвучало обѣщаніе, отъ котораго кровь кинулась въ блѣдное, пожелтѣлое лицо осужденному.

— Да, да! Что глядишь такъ испуганно... словно безумный?.. Или не понялъ... или не вѣришь словамъ моимъ?.. Открой все по совѣсти... Какъ думалъ... что замышлялъ?.. Кто были помощники и пособники тебѣ здѣсь, при мнѣ и тамъ, у тебя, въ Сибири?.. Все безъ утайки изложили мнѣ одному здѣсь... Я давно чую, что есть заговоръ на меня... Силы слабѣютъ, такъ надѣятся многіе захватить власть мою... Открой ихъ... и будешь спасенъ! Главная твоя вина забудется... А прочія?.. Хоть и доказаны онѣ, да я же самъ знаю: всѣ кругомъ виновны въ твоихъ грѣхахъ... Всѣхъ же надо казнить, или—тебя простить слѣдуетъ. Слышишь, что я сказалъ? Такъ—главное мнѣ открой! И все будетъ забыто. Волю тебѣ верну... Сына верну... дочь возвращу, добро, имѣнія, богатства всѣ твои получишь обратно... Слышишь!.. Надо всѣми врагами своими посмѣешься, какъ они теперь издѣваются надъ тобою... Слышишь?.. Говори же... Все открой...

Горятъ глаза у Петра, онъ—блѣднѣе узника теперь, подергивается сильно, порывисто лицо, голова клонится къ плечу въ обычномъ тикѣ... Даже тонкая полоска бѣловатой пѣны появилась и быстро сохнетъ въ углахъ губъ у Петра.

Молчитъ Гагаринъ. Сначала рванулась было истерзанная душа его, надежда сверкнула въ очахъ радужными крыльями и взмыла на этихъ крыльяхъ мысль Гагарина, вырвалась на просторъ, на свѣтъ, на волю изъ этой мрачной тюрьмы, гдѣ полъ обрызганъ его кровью, стекавшей по плечамъ, исхлестаннымъ плетьми...

Но сразу потускнѣлъ загорѣвшійся надеждою взоръ, застыло лицо, ожившее на мгновенье.

Блѣдный призракъ истощеннаго, чахоточнаго юноши скользнулъ легкимъ свѣтлымъ облачкомъ во мракѣ полуосвѣщен-

наго каземата. И тому, родному сыну,—обѣщано было полное помилованіе за чистосердечное признаніе и раскаяніе. Сынъ принесъ это раскаяніе, признался даже въ своихъ самыхъ затаенныхъ мысляхъ, противъ воли, быть можетъ, назрѣвшихъ въ глубинѣ души подъ вліяніемъ суроваго обращенія отца... И за эти именно помыслы, не приведенные даже въ дѣло, не получившіе осуществленія—погибъ Алексѣй...

Что же можетъ ждать теперь онъ, Гагаринъ, если даже откроетъ свою душу передъ инквизиторомъ, который не только казнитъ по произволу,—но желаетъ еще успокоить собственную совѣсть сознаніемъ своей полной правоты, убѣжденіемъ въ виновности казнимаго...

Сразу понявъ все это,—опять замкнулся въ себѣ Гагаринъ. И только надменно, съ застывшимъ своимъ лицомъ, какъ жгучую обиду, бросилъ одинъ отвѣтъ:

— Пускай умру, но не виновенъ ни въ чемъ. И сознаваться мнѣ нѣтъ нужды... и не желаю...

Медленно поднялся съ мѣста Петръ, впился взоромъ въ Гагарина, сжавъ кулаки, нагнувшись впередъ, словно готовъ былъ тутъ-же кинуться на упорнаго вельможу и своими руками привести въ исполнеіе состоявшійся приговоръ... Но потомъ, овладѣвъ собою, глухо проговорилъ:

— Инъ, ладно! До завтра, князь!

И вышелъ изъ каземета.

Чудный лѣтній день выдался 18 іюля, 1721 года, когда передъ окнами Юстицъ-Коллегіи была устроена невысокая висѣлица, развернулись шпалерами войска, загремѣли барабаны и князъ Гагаринъ сталъ на позорномъ помостѣ, и надъ головой его закачалась, какъ змѣя, веревка съ петлей на концѣ...

Въ одной батистовой рубахѣ, въ коричневомъ камзолѣ и такихъ же короткихъ бархатныхъ штанахъ стоитъ онъ, тупо озираясь вокругъ. На ногахъ у осужденнаго шелковые тонкіе чулки, но мягкихъ сапогъ бархатныхъ не дали ему и простыя, просторныя лапти надѣлъ онъ, потому что отекли, распухли его больныя ноги...

Пышный, кружевной воротъ рубахи раскрытъ, видна еще довольно-тучная, но сильно одряблѣлая, складками нависающая книзу, грудь, волосатая, широкая.

Много народу сбѣжалось посмотрѣть на казнь... Но не различаетъ никого Гагаринъ. Даже ближніе ряды солдатъ, шпалерами окружающихъ висѣлицу—кажутся ему какимъ-то цвѣтнымъ частоколомъ... Но, вотъ, ожили глаза князя. Среди кучи солдатъ-конвойныхъ онъ увидѣлъ юношу въ простомъ матросскомъ платьѣ и дѣвушку въ черномъ иноческомъ одѣяніи...

Его дѣти!.. Алексѣй... Наташа... Ихъ сюда привели... Ихъ заставляютъ перенести эту пытку... Ему тоже приготовили послѣднее, самое тяжкое испытаніе.

Закрылъ глаза старикъ и впервые послѣ двухлѣтней муки и пытокъ—двѣ слезы вытекли изъ-подъ этихъ, крѣпко-зажатыхъ, пожелтѣлыхъ вѣкъ...

Но онъ снова раскрылъ глаза и сталъ глядѣть въ распахнутыя настежь окна Юстицъ-Коллегіи, за которыми, по приказанію Петра—тѣснились всѣ сенаторы, чтобы видѣть „экземпель“, данный имъ царемъ, позорную казнь и муку ихъ недавняго товарища...

И, выдѣляясь среди всѣхъ,—темнѣетъ тамъ постать самого Петра...

Скрестились снова взгляды осужденнаго и судьи...

Вихремъ заклубились мысли въ умѣ князя, тысячи чувствъ, воспоминаній столкнулись въ стѣсненной груди...

Солнце такъ ласково, ярко свѣтитъ... Такъ хочется

жить... Спасти себя, этихъ бѣдныхъ дѣтей, страдающихъ за чужую вину... Что, если поднять руки, крикнуть?.. Исполнить то, что требовалъ вчера отъ него Петръ... Если молить о прощеніи?...

Можетъ быть, насытится сатанинская гордость... Дрогнетъ это каменное сердце и уста, точно вырѣзанныя изъ дерева,—произнесутъ слово прощенія...

Уже готовъ былъ сломиться Гагаринъ. Но взглядъ Петра, который поймалъ князь,—былъ такъ спокойно-жестокъ и безпощаденъ, что Гагаринъ только выпрямился гордо и отвернулся отъ этихъ оконъ...

Принесли длинную рубаху-саванъ, накинули на князя, пролепетавшаго послѣднюю молитву, принявшаго отпущеніе грѣховъ отъ духовника, стоящаго тутъ же, на позорномъ помостѣ. Шелковымъ большимъ платкомъ покрыли лицо казнимому...

Мигъ... Петля обвилась вокругъ шеи, врѣзалась веревка въ жирныя ея покровы, сдавила сосуды, нажала на гортань...

Вытянулось, потомъ изгибаться, корчиться стало короткое, грузное тѣло, словно большую рыбу на крюкѣ вытащили изъ воды... Ноги задергались, заплясали въ послѣднемъ отчаянномъ танцѣ смерти!...

И черезъ 10 минутъ врачъ, присутствующій при казни, могъ заявить, что «преступникъ мертвъ».

Но и послѣ смерти не оставлено было въ покоѣ тѣло Гагарина.

Когда ужъ совсѣмъ разлагаться стало оно и отвратительный запахъ душилъ сенаторовъ, засѣдающихъ за своимъ судейскимъ столомъ,—едва упросили они Петра убрать этотъ страшный и омерзительный «примѣръ»...

Но не далеко былъ убранъ трупъ. Высокую висѣлицу поставили на ближней площади и туда подвѣсили снова полусгнившіе останки бывшаго всемогущаго «царька Сибири»...

Народъ съ ужасомъ и отвращеніемъ глядѣлъ на это варварское зрѣлище...

Въ Сибирь хотѣлъ послать остатки тѣла Петръ, чтобы тамъ, въ Тобольскѣ повисѣли они до окончательнаго распада на устрашеніе тамошнимъ ворамъ и казнокрадамъ.

Но ужъ коснуться нельзя было трупа, не только везти за тысячу верстъ.

И тогда на рогожахъ перенесли эту груду гнили и костей, помѣстили на томъ же каменномъ столбѣ, гдѣ еще раньше водружены были на спицахъ и дотлѣвали теперь головы преступниковъ, казненныхъ по дѣлу царевича Алексѣя...

Эпилогъ.

Живой въ могилѣ.

Испуганная, прокинулась среди ночи Агаша, почувствовавъ во снѣ, что кто-то стоитъ у ея постели.

— Хто тутъ!?—громко крикнула она, различивъ въ полумглѣ черную, высокую постать склоненную надъ ней.

— Тише, я... Аль не узнала?—прозвучалъ знакомый голосъ.

— Сережа!. Откуда? живъ еще... Господи!. Два года не было... Я ужъ думала...

— Радовалась, што не вернусь, какъ и твой князь-старичина... А ты тутъ?. Я, слышь, все знаю... И нынче шелъ, думалъ, застану съ тобою энтого... красавчика-Ѳединьку, офицерика щеголя пригожаго... Ну, ужъ, тогда бы...

Не договорилъ Задоръ. Но вся задрожала дѣвушка.

— Убить его хочешь! За што?. Господи!...

— Зато, не ходи пузато, не сиди на лавкѣ, не гляди въ оконце... въ чужое ошшо! Да и не убилъ бы я ево, нѣтъ... А помаленечку, по кусочкамъ бы тѣльце бѣлое, дворянское, холенное строгать бы сталъ тупыми ножами... Деревяной пилою распилилъ бы послѣ пополамъ... А тебя заставилъ глядѣть на забаву... Да и попу-батькѣ отъ меня не поздоровится, што дочку-шлюху унять не умѣетъ...

— Што ты!... Какъ смѣешь?.

— Какъ смѣю?. Дура! Не смѣлъ-бы, не сказалъ-бы... Я не зря два года пропадалъ! За мною такая сила стоитъ... Свисну,—и не то вашъ домъ,—Тобольскъ цѣлый по бревнушкамъ разнесутъ, подпалятъ мои люди со всѣхъ четырехъ концовъ и выйти никому изъ пожарища не дадутъ!... Не то свои,—и калмыцкіе народцы, и киргизы меня слушать станутъ, ежели я ихъ на доброе дѣло, на разграбленіе города поведу... На Томскій городокъ и то уже 5000 косорылыхъ войной идти изготовилось. Отъ меня знаку ждутъ. Да я ихъ попридержу пока... Иное я рѣшилъ теперь повершить... Старое, большое дѣло додѣлать хочу...

— Старое дѣло?.

— Али забыла! Какая ты нынѣ стала безпамятная!... Ласки барича умъ отшибли, зацѣловалъ дѣвку на вовсе!... Ха-ха-ха...

— Оставь, Сережа... Не кори! Ежели и было што... самъ подумай... Тебя нѣту... Слышно, убили тебя коряки, когда бунтъ у нихъ былъ... А тутъ я одна... Знаешь, наше дѣло женское, дѣвичье... Могла ли я противиться?. Есть ли сила?. Ну, и...

Слезами залилась она. Не то отъ мысли о томъ, какъ ее взяли силой, не то отъ страха передъ этимъ человѣкомъ, который Богъ знаетъ чего можетъ потребовать теперь...

— Вотъ какъ! Немилъ тебѣ энтотъ... Ѳединька-хватъ... Такъ, значитъ... полу-силомъ, полуохотой побаловалась,

покуль меня не было! Вѣрить будемъ, дѣвушка, што правда, коли не врешь. Да энто скоро объявится... Слушай, за какимъ я дѣломъ къ тебѣ! Для подъему людей, для того, чтобы волю хрестьянскую сдѣлать, штобы не крѣпи да цѣпи, а раздолье привольное узнали души хрещеныя... На все на это денегъ много надо, кого задарить, чего закупить... Потому, ежели и отымемъ мы склады ружейные и зелейные тутъ и въ иныхъ городахъ,—все мало намъ будетъ! А я ужъ и пути наладилъ, какъ получить оружіе и припасы воинскіе изъ чужихъ краевъ. Только денегъ надо... А я прослышалъ, кладъ великій положилъ князенька смышленный передъ отбытіемъ своимъ на муку и на смерть... И про тѣ клады ты знаешь, батько твой и Юхимко-дѣдъ... Да я ужъ былъ у него.

— У дѣда?. Боленъ онъ, недуженъ давно... помираетъ...

— Померъ ужъ!. Я было его спрашивать сталъ... Пригрозилъ... А онъ... старый сычъ, возьми и помри... тутъ же, въ одночасье... Я тогда къ тебѣ и пробрался... Слушай! Знаешь меня! Не откроешь клада мнѣ,—созову своихъ дружковъ, вольницу удалую... Всю Салду спалимъ... Попа запытаю, ежели не скажетъ... Дружка твово вытяну изъ пасти у черта, не то изъ его жилья въ Тобольскѣ... При тебѣ замучаю... Ежели ты сейчасъ не скажешь: какъ взять добро Гагаринское?.

Громкій веселый смѣхъ, которымъ разразилась дѣвушка,—поразилъ даже Задора.

— Съ ума сошла отъ страху!—мелькнуло у него въ умѣ.

Но Агаша, весело смѣясь, вдругъ притянула его къ себѣ, крѣпко обняла, жарко зашептала:

— Глупый... милый!.. Столько не видались... а онъ пугаетъ раннѣй всего... О кладахъ выпытываетъ... Да... ты обойми лучше... Приласкай... Ждала вѣдь какъ... истомилась вся!..

Княжна Гагарина.

Ночей не спала... Вотъ и въ сей часъ... Тебя во снѣ видѣла... а ты и разбудилъ... Брось... цѣлуй! Обнимай! Тебѣ ли не скажу?.. Все укажу, нынче же... Особливо—для дѣла для такого. А ты меня не покинешь послѣ?..

— Кралюшка!—искренно обрадованный, полный страсти и восторга, зашепталъ Задоръ, сжимая крѣпко до боли въ объятіяхъ дѣвушку. — Тебя ли кину! Сказывалъ, и опять говорю: первою женою будешь... Царицей сдѣлаю... Кралюшка...

Стиснувъ зубы,—крѣпкими поцѣлуями отвѣчаетъ дѣвушка на бѣшеныя ласки друга...

Со свѣчами въ рукахъ стоятъ оба: Задоръ и Агаша въ первомъ подземельи, въ нѣдрахъ могильнаго холма.

Озирается Задоръ: пусто кругомъ.

— А гдѣ же клады?..

— Здѣсь, здѣся, миленькой... Вотъ, я свѣчу подержу, а ты маленькимъ ломомъ нажми, посунь кверху энту, середнюю доску въ той двери тяжелой... Потомъ я подержу ломикъ, а ты и потяни посильнѣе за кольцо... Дверь раскроется... А тамо...

Не слушаетъ Задоръ. Охваченный лихорадкой ожиданія, чуя, что еще мигъ—и огромныя богатства станутъ его добычей,—вонзилъ онъ острый конецъ лома въ указанное мѣсто, приподнялъ бревно – запоръ. Всею силой помогать стала ему теперь Агаша, придерживаетъ на вѣсу тяжелое бревно, ушедшее немного кверху...

Потянулъ, раскрылъ дверь Задоръ. Пахнуло тлѣніемъ изъ второго подземелья. Но онъ ничего не слышитъ, выхватилъ одну свѣчу изъ рукъ Агаши, зажегъ еще пару, въ родѣ воскового факела, озаряетъ внутренность пещеры, заставленную сундуками съ золотомъ и серебромъ... И, вдругъ, блескъ

золота изъ двухъ каменныхъ гробовъ ударилъ ему въ глаза.

Кинулся туда хищникъ и даже замеръ отъ восторга. Онъ хорошо знаетъ стоимость этихъ рѣдкостныхъ вещей, этихъ огромныхъ самоцвѣтовъ, которые и оцѣнить трудно даже цѣлыми грудами золота... Жадно забралъ онъ въ охабку все, что лежитъ въ первомъ гробу, вмѣстѣ съ костями и прахомъ, и кинулъ за дверь... къ ногамъ дѣвушки, которая слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ...

Изъ второго гроба вторую охабку выбросилъ онъ на первую груду сокровищъ... Потомъ дернулъ одинъ небольшой ящикъ, съ огромной натугой поднялъ его на грудь и кинулъ у самой двери, только поправѣе, чтобы не стояла помѣха на ходу, когда потащитъ онъ другіе ящики и сундуки...

Но, взявшись за второй сундукъ, силачъ понялъ, что не справится съ этимъ грузомъ. Тогда, схвативъ свой ломикъ, Задоръ съ сокрушающей силой обрушилъ первый ударъ на крышку тяжелаго сундука, чтобы раскрыть, выбрать содержимое и увезти въ мѣшкахъ, которые тоже не забылъ принести съ собою.

Второй ударъ прогрохоталъ по сундуку... И, словно отзываясь ему,—грохнула тяжелая дверь, отпущенная Агашей, захлопнулась, заключивъ въ древней, ограбленной, поруганной могилѣ—живого человѣка оскорбителя мертвецовъ...

Спокойно, словно не слыша криковъ и стуковъ тамъ, за толстой, крѣпкой дверью,—куда безнадежно ударялъ заключенный своимъ жалкимъ ломикомъ, Агаша собрала всѣ украшенія, лежащія грудой, сложила ихъ въ мѣшокъ, связала; потомъ сгребла въ одну кучу къ дверямъ толстый слой хвои, который за три года снова набрался здѣсь, насыпался черезъ широкое отверстіе дупла. Затѣмъ дѣвушка прошла по узкому ходу и въ самое дупло, оттуда еще нагребла и спустила въ пещеру побольше хвои, подожгла кучу, которая

весело затрещала, зазмѣилась огоньками, закурилась густымъ, черным̆ъ дымомъ,—и сама быстро скрылась въ темномъ ходу, волоча за собою мѣшокъ съ драгоцѣнностями.

По веревкѣ съ узлами, привязанной снаружи къ вѣтвямъ Задоромъ,—выбралась она изъ дупла на холмъ, отвязала веревку, сложила ее въ мѣшокъ. Еще нагребла нѣсколько охапокъ хвои, бросила въ дупло, наполнивъ его почти на аршинъ, затѣмъ свѣчей, которую осторожно несла передъ собою,—подожгла нѣсколько сухихъ вѣтвей, бросила ихъ въ дупло, на хвою и скоро увидала, какъ густой, удушливый черный дымъ повалилъ оттуда и изо всѣхъ щелей изъподъ камней, лежащихъ на могилѣ, тамъ, гдѣ подъ плитами скрывался второй ходъ въ подземелье...

Тогда только разжались поблѣднѣлыя, стиснутыя крѣпко, губы дѣвушки.

Она облегченно протяжно и громко вздохнула, словно пѣсню начать захотѣла, и даже проговорила вслухъ:

— А теперя—къ Ѳеденькѣ!..

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Манифестъ о лишеніи царевича Алексѣя престола отъ 3-го февраля, 1718 г.

Божіею милостью, мы, Петръ I-й, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и проч. Объявляемъ духовнаго, военнаго и гражданскаго и всѣхъ прочихъ чиновъ людямъ Всероссійскаго народа, нашимъ вѣрноподданнымъ.

Мы уповаемъ, что большой части изъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, а особливо тѣмъ, которые въ резиденціяхъ нашихъ и въ службѣ обрѣтаются, вѣдомо, съ какимъ прилежаніемъ и попеченіемъ мы сына своего перворожденнаго Алексѣя воспитать тщились. И для того ему отъ дѣтскихъ его лѣтъ учителей не токмо русскаго, но и чужестранныхъ языковъ, придали и повелѣли его онымъ обучать, дабы не токмо въ страхѣ Божіемъ и въ православной нашей христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія былъ воспитанъ, но для лучшаго знанія воинскихъ и политическихъ (или гражданскихъ) дѣлъ и иностранныхъ государствъ состоянія и обхожденія, обученъ былъ и иныхъ языковъ, что бъ читаніемъ на оныхъ гисторій и всякихъ наукъ воинскихъ и гражданскихъ, достойному правителю государства принадлежащихъ, могъ быть достойный наслѣдникъ нашего Всероссійскаго престола.

Но то наше все вышеописанное стараніе о воспитаніи и обученіи помянутаго сына нашего видѣли мы вотще быти: ибо онъ всегда внѣ прямаго намъ послушанія былъ и ни о чемъ, что довлѣетъ доброму наслѣднику, не внималъ, ни обучался, и учителей своихъ, отъ насъ приставленныхъ, не слушалъ, и обхожденіе имѣлъ съ такими непотребными людьми, отъ которыхъ всякого худа, а не къ пользѣ своей научитися могъ. И хотя мы его многократно ласкою и сердцемъ, а иногда и наказаніемъ отеческимъ къ тому приводили, и для того и во многія компаніи воинскія съ собою брали, дабы обучить воинскому дѣлѣ, яко первому изъ мірскихъ дѣлъ для обороны своего отчества, а отъ жестокихъ боевъ его всегда удаляли, проча наслѣдства ради, хотя во оныхъ и своей особы не щадили; такожъ иногда и въ Москвѣ оставляли, вруча ему нѣкоторыя въ государствѣ управленія для предбудущаго обученія; а потомъ и въ чужіе краи посылали, чая, что онъ, видя тамъ регулярныя государства, поревнуетъ и склонится къ добру и трудолюбію, но все сіе радѣніе ничто пользовало, но сіе сѣмя ученія на камени пало: понеже не точію оному слѣдовалъ, но и ненавидѣлъ, и ни къ воинскимъ, ни къ гражданскимъ дѣламъ никакой склонности не являлъ, но упражнялся непрестанно во обхожденіи съ непотребными и подлыми людьми, которые грубыя и замерзѣлыя обыкности имѣли.

И хотя мы, желая его отъ такихъ непотребствъ отвратить и ко обхожденію съ честными и знатными людьми склонить, увѣщеваніи своими возбудили, что бъ онъ избралъ себѣ въ супружество изъ знатныхъ чужестранныхъ государей свойственницу (какъ индѣ обыкновенно, тако жъ и у предковъ нашихъ, россійскихъ государей, чинилось, что съ другими государями своились), давъ ему на волю, гдѣ онъ излюбитъ. И онъ, улюбя внуку тогда владѣющаго герцога Вольфенбительскаго, а своячену родную его величества, нынѣ

государствующаго цесаря Римскаго, а племянницу короля англійскаго просилъ насъ, дабы мы ему оную въ жены исходатайствовали и позволили на ней жениться; что мы и учинили, не пожалѣя на сіе супружество многихъ иждивеній. Но по совершеніи того супружества (отъ котораго мы чаяли особливаго плода и перемѣны худыхъ обычаевъ и поступокъ его, сына нашего), усмотрѣли мы весьма противное той надежды нашей; ибо хотя оная супруга его, сколько мы усмотрѣть могли, была ума довольнаго и обхожденія честнаго, и онъ ее по своему избранію взялъ; но однакожъ онъ съ нею жилъ въ крайнемъ несогласіи и еще вящше умножилъ обхожденія съ непотребными людьми, на стыдъ дому нашему передъ чужестранными государи, съ тою супругою его свойственными, въ чемъ намъ великія жалобы и нареканія были; и хотя мы его частыми напоминаніи и увѣщеваніи къ правленію приводить трудились, но все то не успѣвало. На послѣди онъ, еще при той женѣ своей, взялъ нѣкакую бездѣльную и работную дѣвку и съ оною жилъ явно беззаконно, оставя свою законную жену, которая потомъ вскорѣ и жизнь свою скончала, хотя и отъ болѣзни, однако жъ не безъ мнѣнія, что и сокрушеніе отъ непорядочнаго его житія много къ тому вспомогло.

И видя мы его упорность, въ тѣхъ его непотребныхъ поступкахъ, объявили ему на погребеніи помянутой жены его, что ежели онъ впредь слѣдовать нашей волѣ и обучаться тому, что бы наслѣднику государства пристойно, не будетъ, то его лишимъ наслѣдства, не смотря на то, что онъ у меня одинъ (ибо тогда еще другаго сына не имѣлъ), и дабы онъ на то не надѣялся, понеже мы лучше чужаго достойнаго учинимъ наслѣдникомъ, нежели своего непотребнаго: ибо не могу такого наслѣдника оставить, которы бы растерялъ то, что черезъ помощь Божію отецъ получилъ, и испровергъ бы славу и честь народа россійскаго, для кото-

раго я здоровье свое истратилъ, не жалѣя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и живота своего; къ тому же и боясь суда Божія вручить такое правленіе, знавъ непотребнаго къ тому, увѣщавая его съ многими обстоятельствы, какъ ему поступать въ пути добродѣтели надлежитъ; и далъ ему время на исправленіе.

И хотя онъ на то ко мнѣ отвѣтствовалъ, признавая себя во всемъ томъ винна и представляя, что будто онъ, за слабостью своего здравія и ума, труда понести во обученіяхъ потребныхъ не можетъ и для того самъ себя за недостойна наслѣдства признаваетъ и оттого отреченна себя имѣть проситъ; но мы, увѣщевая его родительски, и угрожая, и прещеніемъ трудились его на трудъ добродѣтели обратить; и по отъѣздѣ своемъ, для воинскихъ дѣйствъ въ датскую землю, оставили его въ Санктпитербурхѣ, давъ ему время на размышленіе и поправленіе. Но потомъ слыша о прежнихъ его непотребныхъ безъ насъ поступкахъ, писали къ нему, что бъ онъ былъ къ намъ въ Копенгагенъ, для присутствія въ компаніи военной и лучшаго обученія.

Но онъ, забывъ страхъ и заповѣди Божія, которыя повелѣваютъ послушну быть и простымъ родителямъ, а не то, что властелинамъ, заплатилъ намъ толь многія вышеобъявленныя наши родительскія о немъ попеченія и радѣнія неслыханнымъ неблагодареніемъ: ибо вмѣсто того, что къ намъ ѣхать, забравъ съ собою денегъ и помянутую женку, съ которою беззаконно свалялся, уѣхалъ и отдался подъ протекцію цесарскую, объявляя многія на насъ, яко родителя своего и государя, неправдивыя клеветы, будто мы его гонимъ и безъ причины наслѣдства лишить хотимъ, и яко бы онъ отъ насъ въ животѣ своемъ небезопасенъ, и просилъ онаго, дабы его не токмо отъ насъ скрылъ, но и оборону свою противъ насъ и вооруженною рукою далъ. И какой тѣмъ своимъ поступкомъ стыдъ и безчестіе передъ всѣмъ свѣтомъ намъ и

всему государству нашему учинилъ, то всякъ можетъ разсудить, ибо такого приклада и въ исторіяхъ сыскать трудно! И хотя его цесарское величество о его непотребныхъ поступкахъ и какъ онъ съ свояченною его, а съ своею женою, жилъ, извѣстенъ былъ; однако жъ, по его многому домогательству, далъ ему мѣсто къ пребыванію, гдѣ онъ просилъ себя такъ тайно держать, дабы мы о немъ ни малого извѣстія получить могли. И когда мы, по долгомъ его въ пути медленіи, признали, что то не просто, родительски о немъ соболѣзнуя и опасаясь, не прилучилось-ли ему въ пути несчастія, послали его искать въ разные пути: и по долгомъ трудѣ освѣдомились о немъ, черезъ посланнаго нашего отъ гвардіи капитана Александра Румянцева, что онъ въ нѣкоторой цесарской крѣпости въ Тиролѣ тайно содержится. И потому писали мы собственноручно къ цесарю, прося онаго о присылкѣ его, сына нашего, къ намъ. И хотя цесарь къ нему посылалъ, представляя ему то наше желаніе и увѣщевая, дабы ѣхалъ къ намъ, повинуясь волѣ нашей, яко родителя и государя; но онъ многими неправдивыми на насъ клеветами цесарю представлялъ, что бъ его онъ въ руки наши, аки нѣкакого ему непріятеля, и мучителя, не отдавая, отъ котораго будто онъ чаетъ пострадать смерть, и къ тому склонилъ, что тогда его къ намъ не посылалъ, но наипаче по прошенію его, отослалъ въ дальнія мѣста владѣнія своего, а именно въ Италіи лежащій городъ Неаполь и содержалъ его тамо въ замкѣ, подъ инымъ именемъ, секретно.

Однако-жъ мы, черезъ помянутаго-жъ капитана нашего отъ гвардіи, увѣдавъ о его тамъ пребываніи, послали къ цесарю тайно совѣтника нашего Петра Толстого, да помянутаго-жъ капитана отъ гвардіи Румянцова, съ граматою въ крѣпкихъ изображеніяхъ писанною представляя, коль неправо бы то было, ежели бы онъ сына нашего противно

божественныхъ и гражданскихъ правъ, удержать похотѣлъ, по которымъ и простые родители, а не то, что самодержавный государь, яко мы, полную власть безъ всякого суда надъ дѣтьми своими имѣютъ, и представляя правые и добродѣтельные къ нему, къ сыну нашему, поступки и противъ того его противности, и на послѣдокъ объявляя, какія злыя слѣдованія изъ того удержанія и ссоры между нами произойтить могутъ: ибо мы того такъ оставить не можемъ, наказавъ вышеупомянутымъ нашимъ посланнымъ, еще и жесточаѣ того говорить на словахъ, и что мы всякими способы и образы принуждены будемъ то удержаніе сына нашего мстить. И притомъ писали собственноручно и къ нему, къ сыну нашему, представляя ему тотъ богомерзкій поступокъ и преступленіе передъ нами, яко родителемъ, за которое Богъ въ заповѣдяхъ своихъ непокорливыхъ чадъ угрожаетъ вѣчною смертію казнити; и угрожая притомъ его родительскою нашею клятвою, тако-жъ и представляя, яко его государь, объявить его, ежели не послушаетъ и не возвратится, за измѣнника отечествію, и при томъ обнадеживая, ежели воли нашей повинуется и возвратится, прощеніемъ того его преступленія.

И тѣ наши посланные получили отъ цесаря позволеніе по многимъ домогательствамъ и по тому письменному нашему и изустному ихъ представленію, къ нему, сыну нашему, ѣхать и его склонить къ возвращенію; и при томъ имъ было объявлено отъ цесарскихъ министровъ, какія будто ему отъ насъ гоненія и опасности живота его были о которыхъ онъ цесарю доносилъ и для того къ сожалѣнію привелъ, что оный его въ свою протекцію принялъ, и что увидя наши подлинныя и честныя представленія, повелитъ цесарь его всякимъ образомъ изъ своей стороны къ возвращенію къ намъ склонить, со объявленіемъ, что онъ его

противъ всякой правости отъ насъ, яко отъ отца, удерживать и за то съ нами въ ссору придтить не можетъ.

Но хотя тѣ наши посланные наше собственноручное писаніе, пріѣхавъ, вручить ему желали; но оные къ намъ писали, что онъ ихъ къ себѣ сначала и допустить не хотѣлъ; но отъ вицероя цесарскаго къ тому-жъ такимъ образомъ приведенъ, что онъ его позвалъ къ себѣ въ гости; потомъ, противно волѣ его, ихъ ему представилъ; но онъ, и принявъ отъ нихъ ту нашу грамоту и отеческое увѣщеваніе, со угроженіемъ клятвы, нималой склонности къ возвращенію не явилъ, но отговаривался, представляя на насъ многія несправедливыя клеветы, какъ будто онъ за многими отъ насъ опасностьми не можетъ и не хочетъ возвратиться, хвалясь, что цесарь его обѣщалъ противъ насъ не токмо охранять и оборонять, но и противно волѣ нашей престола россійскаго и вооруженною рукою доставить; что видя, тѣ наши посланные употребляли всякіе способы его къ тому возвращенію наговорить, какъ добродѣтельными отъ насъ обнадеживаніями, такъ и прещеніемъ и угрозами, и что мы его и вооруженною рукою отъискивать будемъ, и что цесарь за него съ нами войны имѣть не похочетъ, и прочая. Но онъ на все то не посмотрѣлъ и не склонился къ намъ ѣхать, пока уже видя сію его упорность, цесарскій вицерой ему именемъ цесарскимъ представлялъ, что бъ онъ къ намъ ѣхалъ, объявляя, что цесарь ни по какому праву его отъ насъ удержать не можетъ и при нынѣшней съ Турки, такожъ и въ Италіи съ Гишпанскимъ королемъ войнѣ, съ нами за него въ ссору вступать не можетъ, и про что онъ увидя и опасаясь, что бъ противно волѣ его намъ не выдали, уже склонился къ намъ ѣхать и объявилъ о томъ тѣмъ нашимъ посланнымъ, тако-жъ и цесарскому вицерою, и къ намъ о томъ, признавая преступленіе свое,

оттуды писалъ повинную, съ которой при семъ списокъ пріобщается, и тако сюда нынѣ пріѣхалъ.

И хотя онъ, сынъ нашъ, за такія свои противныя, отъ давнихъ лѣтъ противъ насъ, яко отца и государя своего, поступки, особливо жъ за сіе на весь свѣтъ приключенное намъ безчестіе черезъ побѣгъ свой и клеветы, на насъ разсѣянныя, яко злорѣчивый отца своего и сопротивляяйся государю своему, достоинъ былъ лишенія живота; однако-жъ мы, отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ и отъ всякого наказанія его освобождаемъ. Однако-жъ, въ разсужденіи его недостоинства и всѣхъ вышеписанныхъ и непотребныхъ обхожденій, не можемъ по совѣсти своей его наслѣдникомъ по насъ престола россійскаго оставить, вѣдая, что онъ, по своимъ непорядочнымъ поступкамъ, всю полученную по Божіей милости нашими неусыпными трудами славу народа нашего и пользу государственную утратитъ, которую съ такимъ трудомъ мы получили и на токмо отторгнутыя отъ государства нашего отъ непріятелей провинціи паки присовокупили, но и вновь многія знатные городы и земли къ оному получили, тако же народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили, то всѣмъ извѣстно.

И тако мы, сожалѣя о государствѣ своемъ, и вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя наипаче прежняго въ худое состояніе не были приведены, властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить и другому сыну, которому хочетъ, опредѣлить воленъ, и яко самодержавный государь для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго, хотя-бъ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ по насъ помянутаго престола наслѣдникомъ

другого сына нашего, Петра хотя еще и малолѣтна суща: ибо иного возрастнаго наслѣдника не имѣемъ. И заклинаемъ преждепомянутаго сына нашего, Алексѣя родительскою нашею клятвою, дабы того наслѣдства ни въ которое время себѣ не искалъ и не претендовалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, духовнаго и мирскаго чина, и всего народа всероссійскаго, дабы, по сему нашему изволенію и опредѣленію, сего отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство сына нашего Петра за законнаго наслѣдника признавали и почитали, и во утвержденіе сего нашего постановленія, на семъ обѣщаніемъ передъ Святымъ олтаремъ надъ Святымъ Евангеліемъ и цѣлованіемъ Креста утвердили. Всѣхъже тѣхъ, кто сему нашему изволенію въ которое нибудь время противны будутъ и сына нашего Алексѣя отнынѣ за наслѣдника почитать и ему въ томъ вспомогать станутъ и дерзнутъ, измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ. И сіе для всенароднаго извѣстія повсюду объявить и разослать повелѣли.

Данъ въ Москвѣ, 1718 году, февраля въ 3-й день за подписаніемъ нашей руки и печатію. Петръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Разсужденіе духовнаго чина о царевичѣ Алексѣѣ, 18 іюня, 1718 г.

Смотря на тяжкую вину сыновнюю, подобно Авессалому, на отца своего возставшему, еще-же къ тому смотря на лицо обидимое, которое есть отецъ и государь, полномочную власть надъ сыномъ имущій, не дерзаемъ сицеваго дѣла

разсужденіемъ своимъ опредѣлительно касатися: ибо сіе дѣло весьма есть гражданскаго суда, а не духовнаго, и власть превысочайшая, а наипаче въ царствіи, которое есть монархіа, сужденію подданныхъ своихъ не подлежитъ, но творитъ, елико хощетъ, по своему изволенію, безъ всякаго совѣта степеней низшихъ; однако-жъ, понеже велѣно намъ, не на декретъ, но въ наставленіе, поискати отъ Священныхъ Писаній образцовъ и статей, сему дѣлу приличныхъ; того ради, повелѣніе монаршеское исполняючи, мы, вси здѣсь въ царствущемъ великомъ градѣ, въ Санктпитербурхѣ нынѣ присущіе и нижеподписанныи духовныя лица, пріискали отъ Священныхъ Писаній то, что возмѣнялося намъ быти сему ужасному и безприкладному дѣлу сообщно:

I) Отцеругатель, сынъ Ноевъ проклятъ былъ отъ отца и рабомъ братома своима осужденъ! (Бытія, гл. 9).

II) Заповѣдь Божія: „Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли“. (Исходъ, 20).

Князю людей твоихъ не речеши зла. (Исходъ, 22).

III) Аще хто злорѣчитъ отцу своему или матери своей, смертію да умретъ. (Исходъ, гл. 21).—Тожде пишется и въ книгахъ Левитъ. Во гл. 20. Тожде и Самъ Христосъ вспоминаетъ, у Матѳея, во гл. 15 и у Марка во гл. 7-й.

IV) Аще кому будетъ сынъ непокоривъ и губитель, непослушаяй гласа отца своего, и гласа матери своея, и накажутъ его и не послушаетъ ихъ, да пойметъ отецъ его и мать его и да изведутъ его предъ старцы града своего и предъ-враты мѣста своего и да рекутъ къ мужемъ града своего: „Сынъ нашъ сый непокоривъ есть и губитель и не послушаетъ рѣчи нашея, вѣтуя піянствуетъ, и да побіютъ и мужи града сего каменіемъ и да умретъ; и да измете злое отъ себе сами, да и друзіе, слышавши убоятся. (Второй Законъ, гл. 21).

V) Злословяй отца или матерь, угашаетъ свѣтильникъ свой. (Причти Соломоновы, гл. 20).

VI) Дѣломъ и словомъ чти отца своего да найдетъ ти благословеніе отъ него: благословеніе бо отчее утверждаетъ домъ чадъ, клятва же матерня искореняетъ основаніе. (Сирахъ, гл. 3). Тамъ же, нисше: „Чадо, заступи въ старости отца своего и не оскорби его въ животѣ его“.

VII) Людіе израильтестіе, бывши въ плѣнѣ Вавилонскомъ, собраша серебро и послаша во Іерусалимъ, ко Іоакиму, жрецу великому и ко всѣмъ людемъ, и рѧкоша: „Се послахомъ къ вамъ сребро, да купите на сребрѣ всесожженіе за грѣхъ и фиміамъ и сотворите требу, и вознесете на требникъ Господа-Бога Нашего и молитеся за житіе Навуходоносора, царя вавилонскаго и за житіе Валтасара, сына его, да будутъ дни ихъ, яко дніе небесные. (Варухъ гл. 1).

VIII) Мардохей, слышавъ помышленіе евнуховъ царскихъ, и иже стрежаху дворъ, и разумѣ, яко готовятъ руцѣ свои убити царя Артаксеркса, и сказа царю, яже они помышляютъ; и испыта я царь, и исповѣдашася, и повѣшаны быша. (Книга Эсфири, гл. 1).

IX) О Авессаломѣ вѣдома исторія, въ Книгахъ 2-хъ царствъ. Гл. 15, 16, 17, 18. И сія убо суть поелику возмогохомъ воспомянути отъ священныхъ писаній Ветхаго Завѣта.

Отъ Новаго Завѣта.

I) Самъ Христосъ бысть повинуясь отцу мнимому, Іосифу и матери своей. (Лука, гл. 2). И кинсонъ повелѣ даяти Цесарю. (Матѳ. гл. 22 и 17).

II) Аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди, еже не убіеши, не прелюбы сотвориши, не лжесвидѣтельствуеши, чти отца и матерь, и возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе. (Матѳ. гл. 19).

III) Иже аще речетъ брату своему: „Рака́!“—повиненъ будетъ сонмищу. (Мато. г. 5).

IV) Яко раби Божіи всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя почитайте, раби, повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ: се бо есть угодно предъ Богомъ. (Посл. I Петра Апост. гл. 3).

V) Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущіе же власти отъ Бога учинени суть; тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется; противляющи же себѣ грѣхъ пріемлютъ; князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хощеши ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него: Божій бо слуга есть, тебѣ во благое. Аще же злое твориши, бойся: не бо безъ ума мечъ носитъ. Божій бо слуга есть отмститель во гнѣвъ злое творящему. (Къ римляномъ, гл. 13).

VI) Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно, чти отца своего и матерь, яже есть первая заповѣдь во обѣтованіи, да благо ти будетъ, и будеши долголѣтенъ на земли, и отцы не раздражайте чадъ своихъ, но воспитовайте и въ наказаніи и ученіи Господни. Раби, послушайте господій своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ, по простотѣ сердца вашего, якоже и Христа; не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но яко же раби Христовы, и творяще волю Божію отъ души, съ благоразуміемъ служаще, яко же Господу, а не яко человѣкомъ. (Къ эфессеомъ, гл. 6). Тожде пишетъ и во посланіи къ колоссаемъ, въ главѣ 3-й.

VII) Воспоминай, тѣмъ начальствующымъ и владѣющымъ повиноватися и покорятися, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти. (Тит. гл. 3).

Помѣстнаго собора, иже въ Гангрѣ, правило, 14.—Аще

рое чадо родители своя, паче же вѣрные суща, оставляше, ходитъ извѣтомъ благовѣрія и подобныя чести не воздаютъ родителямъ своимъ, честнѣе творяще мнимая отъ нихъ благочестіе да будутъ прокляти.

Златоустъ Святый, въ словѣ 1-мъ о Аннѣ пророчицѣ, матери Самуиловой, сице глаголетъ: „Не токмо, еще родити, творитъ отца, но чинно воспитати, ниже родити, но чинно воскормити—мати творитъ, и сіе истинно, яко не естество, но добродѣтель отцевъ творитъ, исповѣдятъ родители сами. Воистину бо часто, егда видятъ сыновъ злыхъ нравовъ и рожденныхъ въ злобѣ, отъ числа своихъ сродниковъ измещутъ, отчуждаютъ и иныхъ себѣ усыновляютъ, еже и не единою близостью бяху сопряжени, и можетъ ли что отъ сего быти чудеснѣе, яко ихъ же родиша, отмещутъ, и ихъ же не родиша, пріемлютъ?.. Не безъ вины сіе рекошася нами, но да увѣси большую силу соизволенія, нежели естества, и яко оная паче, нежели сіе обыче отцевъ творити: Божьяго бо смотрѣнія сіе есть дѣло, да и чадъ, отъ естественной любви отдаленныхъ, не оставитъ, но ниже паки вся си попуститъ. Аще бо кромѣ всякой потребы естественной чада своя отцы любили бы, но токмо за добрые обычаи и дѣла, многіе бъ за невѣжество свое изгнаны были и весь родъ человѣческій разсыпанъ и расточенъ былъ бы. Аще же паки единой добродѣтели попустили ли бы и беззаконныхъ ненавидѣти не повелѣлъ, но отъ нихъ обезчещены и многая злая пострадавши, естественною нуждою обязани, сыномъ противнымъ и безчестящымъ и бѣснующымся ласкатиси, не преставали, къ послѣднѣйшему безумію родъ человѣческій пришелъ бы. Ибо аще нынѣ уже егда весьма на естество возлагатися не могутъ сынове, во многихъ вѣдятъ злобны отъ дому и имѣнія отеческихъ отпадшихъ, обаче часто надѣющееся на родительскую любовь, оныхъ обезчещаютъ. Аще бо не повелѣлъ Богъ сицевыхъ воспящати и отмщеватися и злобствующихъ

отъ себя отчуждати, какового бы беззаконія не дерзнули сотворити?.. Сія ради вины и на нужды естественны и на обычаяхъ сыновнихъ, любви отеческой утверждатися повелѣлъ Богъ, да мѣрно и мало согрѣшающимъ чадамъ, по званію естественной любви, прощаютъ; злыхъ же и неуврачеванною язвою болѣзнующихъ наказуютъ, дабы снисходительствомъ своимъ всякихъ злобъ ихъ не научили. Коликое убо есть смотрѣніе Божіе, понеже и любити чада повелѣваетъ и любви предѣлъ полагаетъ?"

Сію выписку сдѣлали мы, духовныя лица, отъ священныхъ писаній, по указу монаршескому, обаче не въ приговоръ, ниже для изданія декрету, яко же выше рѣчеся, ибо сіе дѣло не нашего есть суда: кто бо насъ судей постави надъ тѣми, иже нами обладаютъ? Како главу наставляти могутъ удове, иже отъ нея наставляеми и обладаеми? Къ симъ же судъ нашъ духовный по духу долженъ быти, а не по плоти и крови; ниже вручена есть духовному чину власть меча желѣзнаго, но власть духовнаго меча; иже есть глаголъ Божій: Самъ Христосъ верховному апостолу запретилъ меча употребляти. „Вонзи,—рече,—ножъ твой въ ножницы твоя". И паки инымъ апостоломъ запретилъ огнь съ небеси сводити на пожженіе самарянъ. Сими образы хотѣлъ Христосъ научити, яко духовнымъ лицамъ не подобаетъ духомъ ярости, но духомъ кротости поступати, ниже на смерть чію настояти, ниже крови искати, но единаго истиннаго покаянія и смерти духовныя, яже есть мертвымъ быти грѣху, живымъ же—Богови, по глаголу апостольскому. (Къ римляномъ, гл. 6).

Вся же сія превысочайшему монаршескому разсужденію съ должнымъ покореніемъ подлагаемъ, да сотворитъ Господь, что есть благоугодно предъ очима Его: аще по дѣломъ и по мѣрѣ вины восхощетъ наказати падшаго, имати образцы, яже отъ Ветхаго завѣта выше приведохомъ; аще благо изво-

литъ помиловати, имать образъ Самого Христа, Который блуднаго сына кающагося воспріялъ, жену въ прелюбодѣяніи яту и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободно отпусти, милость паче жертвы превознесе. Милости,—рече,—хощу, а не жертвы!. И усты апостола Своего рече: „Милость хвалится на судѣ". Имать образецъ и Давида, который гонителя своего, сына Авессалома хотяша пощадѣти: ибо вождямъ своимъ, хотящимъ на брань противу Авессалома изыти, глаголаше: „Пощадите ми отрока моего, Авессалома"! (Въ кн. Вторыхъ Царствъ, гл. 18). И отецъ убо пощадѣти хотяше, но само правосудіе Божіе не пощадѣло есть того. Кратко рекше: сердце Царево въ руцѣ Божіей есть. Да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ.

1718 г. юня 18, Подписи: Смиренный Стефанъ, митрополитъ Рязанскій. Смирен. Ѳеофанъ, епископъ Псковскій, Смиренный Алексій, епископъ Сарскій, Смирен. Игнатій, епископъ Суждальскій. Смирен. Варлаамъ, еписк. Тверской. Смирен. Ааронъ, еписк. Корельскій Смиренн. митрополитъ Савропольекій Іоанникій. Смирен. митрополитъ Ѳиваидскій Арсеній. Ѳеодосій, архимандритъ Троицкаго Алекс.-Невскаго мон. Іоакимъ, архимандритъ Антоніевскаго монастыря Римлянина. Іоанникій, архимандритъ Воскресенскаго Деревяницкаго монастыря. Кириллова монастыря архимандритъ, Иринархъ руку приложилъ. Іеромонахъ Гавріилъ, профектъ и проповѣдникъ Слова Божія. Іеромонахъ Маркеллъ, учитель.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Показанія царевича Алексѣя передъ Сенатомъ 17 іюня 1718 г.

Резидентъ цесарскій Блееръ писалъ къ вице-канцлеру имперскому Шонборну: „призывалъ де его, Блеера, въ Санктпитербурхѣ Авраамъ Лопухинъ и спрашивалъ его, Блеера, „гдѣ-де обрѣтается нынѣ царевичъ и есть-ли де объ немъ вѣдомость?“ И при томъ ему объявилъ: за царевича-де здѣсь стоятъ и заворашиваются-де уже кругомъ Москвы для того, что де объ немъ, царевичѣ, разныхъ вѣдомостей много; мнѣ-де хочется вѣдать, подлинно у васъ-ли де нынѣ царевичъ обрѣтается?“ И то де Блеерово письмо было приложено къ письму графа Шонборна, которое онъ, Шонборнъ, писалъ къ нему, царевичу въ апрѣлѣ; и онъ-де, царевичъ, то приложеніе, прочетъ, сжегъ; и когда-де онъ, царевичъ дѣвкѣ Афросиньѣ сказывалъ; что близъ Москвы есть бунтъ, и то изъ той вышеупомянутой вѣдомости; а что о Авраамѣ Лопухинѣ онъ, Блееръ, къ нему, Шонборну, писалъ, того онъ ей, дѣвкѣ, не объявилъ. Онъ-же, царевичъ, сказалъ, что-де Иванъ Афанасьевъ на него, царевича, сказалъ о черни, какъ о томъ объявлено въ подлинной выпискѣ, и онъ-де, царевичъ, надѣялся на чернь, слыша отъ многихъ, что его, царевича, въ народѣ любятъ, а имянно-то Сибирскаго царевича, и отъ Дубровскаго, и отъ Никифора Вяземскаго и отъ отца своего духовнаго протопопа Якова, который ему говаривалъ, что-де „меня въ народѣ любятъ и пьютъ про мое здоровье, говоря и называя меня надеждою россійскою“.

А потомъ, отведши свѣтлѣйшаго князя Меншикова, Петра Павловича, Петра Андреевича, Ивана Ивановича [1]), и говорилъ

1) Петръ П. Шафировъ, П. Андр. Толстой и Ив. Ив. Бутурлинъ.

имъ: „къ тому-же де имѣлъ онъ надежду на тѣхъ людей, которые старину любятъ такъ, какъ Тихонъ Никитычъ [1]).

А познавалъ-де ихъ изъ разговоровъ, когда съ ними говаривалъ, они-де старину хвалили; а больше-де въ томъ подали ему надежду слова князя Василія Долгорукова, когда ему говорилъ: „Давай-де отцу своему писемъ отрицательныхъ отъ наслѣдства сколько онъ хочетъ!", о чемъ ясно въ первомъ его, царевичѣ, повинномъ письмѣ написано. Къ тому-жъ де говорилъ мнѣ, что я умнѣй отца моего, и что отецъ мой хотя и уменъ, только людей не знаетъ; а о мнѣ-де говорилъ: „ты-де умныхъ людей знать будешь лучше". *Алексѣй.*

А про князя Василья, (Долгорукій), что онъ матерно лаялъ отца моего, отъ него я самъ не слыхалъ; а слыхалъ отъ другихъ, а отъ кого не упомню. (Приписка собственной рукой царевича).

О прочихъ словахъ объявлено въ первомъ письмѣ. А надежду имѣлъ отъ словъ многихъ людей, а имянно: отъ отца духовнаго Якова, Никифора Вяземскаго, Сибирскаго царевича, Дубровскаго и отъ Ивана Афанасьева (камердинеръ), что меня въ народѣ любятъ, а Яковъ сказывалъ, что и пьютъ про здоровье надежды россійской... И на народъ надѣялся на всякое время всегда; а на архіерея рязанскаго надѣялся по предикѣ видя его склонность къ себѣ, потому, хотя я съ нимъ ничего, кромѣ того, что я объявилъ, и не говаривалъ. А о Петербурхѣ—пьяной говаривалъ, въ такой образъ, когда зашли далеко въ Копенгагенъ, то, что-бъ не потерять, какъ Азова; а какими словами говорилъ, того не помню. (Приписано рукой Алексѣя въ Сенатѣ).

II. 1718 г. іюня въ 19 день, царевичъ Алексѣй съ *розыску* сказалъ: „на кого-де онъ въ прежнихъ своихъ повинныхъ написалъ и предъ сенаторами сказалъ, то все

---

[1]) Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.

правда, и ни на кого не затѣялъ и никого не утаилъ. Онъ же пополнилъ: прежде сего, какъ былъ у него, у царевича, въ Питербурхѣ, духовникъ его Яковъ Игнатьевъ и онъ-де, царевичъ, у него исповѣдывался и на той исповѣди сказалъ ему, Якову: „Я-де желаю отцу своему смерти“. И онъ-де, Яковъ, сказалъ: „Богъ тебя проститъ. Мы де и всѣ желаемъ ему смерти“. Также самъ онъ, царевичъ, хотѣлъ учинить бунтъ и къ тѣмъ бунтовщикамъ пріѣхать даже при животѣ отцовѣ, и не жалѣя ничего, доступить трона“.

Дано ему, царевичу, 25 *ударовъ*.

Да іюня-жъ 24 дня царевичъ Алексѣй спрашиванъ въ *застѣнкѣ* о всѣхъ его дѣлахъ, что онъ на кого написалъ своеручно...

Кіевскому митрополиту онъ писалъ, сказалъ царевичъ, чтобы тѣмъ привесть въ возмущеніе тамошній народъ. А дошло-ли письмо до рукъ митрополита, того царевичъ не знаетъ и писемъ отъ него, митрополита къ царевичу въ побѣгѣ его не бывало“...

А съ *розыску* сказалъ тожъ, что и выше сего; а больше ничего не знаетъ и никого не таитъ и не клеплетъ. Дано ему 15 *ударовъ*...

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Приговоръ министровъ, сенаторовъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, за собственноручною подписью, по дѣлу царевича Алексѣя, 24 іюня, 1718 года.

1718, іюня, 24, по выше писанному его царскаго величества имянному и за собственноручнымъ подписаніемъ сего текущаго іюня въ 13-й день данному указу, о судѣ царевича Алексѣя Петровича, въ противностяхъ его и преступленіяхъ противъ отца и государя его, нижеподписавшіеся

министры, Сенатъ и стану воинскаго и гражданскаго, по нѣколикократномъ собраніи въ палатѣ Правительствующаго Сената въ Санктъ-Питербурхѣ, слушавъ неоднократно выписки и подлинныхъ во свидѣтельство имъ объявленныхъ его царекаго величества къ царевичу Алексѣю Петровичу писанныхъ увѣщевательныхъ писемъ, и его царевичевой руки на то учиненныхъ на то же на письмѣ отвѣтовъ, и прочихъ во освидѣтельствованіе того дѣла принадлежащихъ розыскныхъ актовъ или записокъ, и повинныхъ его, царевичевыхъ, собственноручныхъ писемъ, и изустныхъ какъ государю отцу своему, такъ и предъ нами, яко учрежденными по его величества изволенію судьями, учиненныхъ объявленій (хотя имъ, яко его царскаго величества самодержавію принадлежащимъ, природнымъ подданнымъ по правамъ государства всероссійскаго, того чинить отнюдь бы не надлежало, но то все ни отъ кого, кромѣ Бога Всемогущаго, въ зависящей и никакими правы описанной и опредѣленной его царскаго величества самодержавной власти и волѣ, по достоинству состоитъ, однако-жъ, повинуясь выше объявленному повелѣнію царя и государя св оего, то дерзновеніе пріемля),—по здравому разсужденію и по христіанской совѣсти, не посягая и не похлѣбствуя, и не смотря на лицы, по прежде объявленнымъ къ сему дѣлу приличнымъ Божимъ заповѣдямъ Ветхаго и Новаго Завѣта, священнымъ писаніямъ Святого Евангелія и Апостолъ, тако-жъ и изъ каноновъ и правилъ Соборовъ Святыхъ отецъ и у церковныхъ учителей (принявъ при томъ въ помощь разсужденіе отъ архіереевъ и проч., духовнаго чина, при Санктъ-Петербурхѣ по указу его царскаго величества собранныхъ, выше сего объявленное),—такожъ и по правамъ всероссійскимъ, а имянно по уложенію и по винскимъ артикуламъ и по вышеобъявленнымъ въ дѣлѣ статьямъ (которыя права согласны со многихъ государствъ, а особливо древнихъ римскихъ и греческихъ цесарей, и прочихъ хри-

стіанскихъ государей съ правами), — по предшествующимъ голосамъ, единогласно и безъ всякаго прекословія согласились и приговорили, что онъ, царевичъ Алексѣй, за вышеобъявленныя всѣ вины свои и преступленія главныя противъ государя и отца своего, яко сынъ и подданный его величества, достоинъ смерти: потому что хотя его царское величество ему, царевичу, въ письмѣ своемъ съ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ и капитаномъ отъ гвардіи Румянцевымъ, отъ 10 числа іюля, 1717 г. изъ Спаа писано, обѣщалъ прощеніе въ побѣгѣ его, ежели добровольно возвратится, какъ онъ царевичъ, и самъ то въ своемъ отвѣтномъ на то письмѣ изъ Неаполя отъ 4 го дня октября того-же 1717 года съ благодареніемъ объявляетъ, что онъ за данное ему въ самовольномъ его (токмо) побѣгѣ прощеніе благодарствуетъ; но какъ онъ и того себя тогда-жъ недостойна сочинилъ, о томъ купно при иныхъ его преступленіяхъ и противностяхъ противъ государя, отца своего, довольно объявлено въ выданномъ о томъ отъ его царскаго величества отъ 3 числа февраля сего-же году прежнемъ манифестѣ, а именно, что онъ поѣхалъ не добровольно. И хотя его царское величество, милосердствуя о немъ, сынѣ своемъ, родительски, при данной ему на пріѣздѣ съ повинною въ Москвѣ въ Столовой палатѣ 3-го числа февраля ауденціи обѣщалъ прощеніе во всѣхъ его преступленіяхъ, однако жъ то учинить изволилъ съ такимъ яснымъ выговоромъ, что ежели онъ, царевичъ, все то, что онъ по то число противъ его величества дѣлалъ или умышлялъ, и о всѣхъ особахъ, которыя ему въ томъ были совѣтниками и сообщниками или о томъ вѣдали, безъ всякой утайки объявитъ; а ежели что или кого-либо утаитъ, то обѣщанное прощеніе не будетъ ему въ прощеніе; что онъ повидимому тогда принявъ съ благодарными слезами, обѣщалъ клятвенно, все безъ утайки объявить, и то потомъ и

крестнымъ и Святого Евангелія цѣлованіемъ съ соборной церкви утвердилъ.

Но хотя его царское величество и сверхъ того, въ потверждение тому, на другой изволилъ ему, царевичу, то-жъ все собственноручно, при вопросительныхъ своихъ о томъ пунктахъ, о которыхъ въ выпискѣ объявлено, объявить,— (и въ началѣ оныхъ изволилъ написать по сему: „понеже вчерась прощеніе получилъ въ томъ, дабы всѣ обстоятельствы донести своего побѣгу и прочаго тому подобнаго; а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будетъ живота“. На что о нѣкоторыхъ причинахъ царевичъ сказалъ словесно, но для лучшаго, что бы очистить, письменно, по пунктамъ нижеписаннымъ); а при заключеніи отъ его же величества написано въ 7-мъ пунктѣ: „все, что къ тому дѣлу касается, хотя чего здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; ежели-же что укроешь, а потомъ явно будетъ, на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ“.

Но онъ, царевичъ, на то въ отвѣтъ и на повинномъ своемъ письмѣ отвѣтствовалъ весьма неправдиво и не токмо многія особы, но и главѣйшія дѣла и преступленія, а особливо умыселъ свой бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный съ издавнихъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому и при животѣ его, черезъ разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь, и желаніе отца и государя своего скорой кончины, о чемъ всемъ потомъ по розыскахъ явилось, какъ выше сего въ выпискѣ объявлено, утаилъ; по которымъ его, царевичевымъ всѣмъ поступкамъ и изустнымъ и письменнымъ объявленіямъ и по послѣднему отъ 22-го іюня сего году собственноручному письму явно, что онъ, царевичъ, не хотѣлъ съ воли отца своего наслѣдства прямого и отъ Бога опредѣленною дорогою и способы, по кончинѣ отца своего государя, получить; но—

чиня все ему въ противность, намѣренъ былъ противъ воли его величества, по надеждѣ своей, не токмо черезъ бунтовщиковъ, но и черезъ чужестранную цесарскую помощь и войска, которыя онъ уповалъ себѣ получить, и съ раззоренiемъ всего государства и отлученiемъ отъ оного того, чего бы отъ него за то ни пожелали,—при животѣ отца своего государя достигнуть.

И явно по всему тому, что онъ для того весь свой умыселъ и многiе ему въ томъ согласующiяся особы таилъ до послѣдняго *розыску* и явнаго обличенiя въ намѣренiи такомъ, чтобы впредь то богомерзское дѣло противъ государя отца своего и всего государства, при первомъ способномъ случаѣ, въ самое дѣло производить. И тѣмъ всѣмъ царевичъ себя весьма недостойнымъ того милосердiя и обѣщаннаго прощенiя отца своего учинилъ; что и самъ онъ, какъ въ прибытiи отца своего государя, при всемъ вышепомянутомъ всѣхъ чиновъ духовныхъ и мiрскихъ и всенародномъ собранiи, призналъ, такъ и потомъ, при опредѣленныхъ отъ его величества, нижеподписавшихся судiяхъ, и изустно и письменно объявилъ, что все выше сего въ дѣлѣ явлено.

И такъ, по вышеписаннымъ Божественнымъ, церковнымъ, гражданскимъ и воинскимъ правамъ, которые два послѣднiя, а именно гражданскiя и военныя, не токмо за такое черезъ письма и дѣйствительные происки противъ отца и государя, но хотя бъ токмо противъ государя своего, за одно помышленiе бунтовное, убивственное, или подысканiе къ государствованiю, казнь смертную безъ всякой пощады опредѣляютъ, коль же паче сiе сверхъ бунтовнаго, мало прикладное въ свѣтѣ, богомерзкое, двойное родителю убивственное намѣренiе, а именно вначалѣ на государя своего, яко отца отечествiя, и по естеству на родителя своего милостивѣйшаго (который отъ юныхъ лѣтъ его, царевичевыхъ, паче нежели съ родительскимъ попеченiемъ и любовью, ко всякимъ добро-

дѣтелямъ его воспиталъ и къ правительству и воинскимъ дѣламъ обучать и производить и достойно къ наслѣдствію такого великаго государства съ неусыпными трудами его сочинить тщился), — такую смертную казнь заслужило. Хотя сей приговоръ мы, яко раби и подданіи, съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изрекаемъ, въ разсужденіи, что намъ, какъ вышеобъявлено, яко самодержавной власти подданнымъ, въ такой высокій судъ входить, а особливо на сына самодержавнаго, всемилостивѣйшаго царя и государя своего оный изрекать недостоило было; но однакожъ по волѣ его то симъ свое истинное мнѣніе и осужденіе объявляемъ съ такою чистою и христіанскою совѣстью, какъ уповаемъ не постыдни въ томъ предстать предъ страшнымъ, праведнымъ и нелицѣмѣрнымъ судомъ Всемогущаго Бога, подвергая впрочемъ сей нашъ приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества всемилостивѣйшаго нашего монарха. Подписи. Александръ Меншиковъ. Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ. Канцлеръ, графъ Гаврило Головкинъ. Тайный совѣтникъ князь Яковъ Долгорукой. Тайный совѣтникъ графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ. Тайн. сов. Тихонъ Стрѣшневъ. Сенаторъ графъ Петръ Апраксинъ. Подканцлеръ и тайн. сов. баронъ Петръ Шафировъ. Т. сов. отъ лейбъ-гвардіи капитанъ Петръ Толстой. Сен. князь Дмитр. Голицынъ. Генералъ Адамъ Вейде. Ген. поруч. Иванъ Бутурлинъ. Т. сов. графъ Андрей Матвѣевъ. Сен. князь П. Голицынъ. Сен. Мих. Самаринъ. Ген.-маеоръ Григ. Чернышевъ. Ген. м. Иванъ Головинъ. Ген. м. князь П. Голицынъ, Ближній стольникъ, князь Ив. Рамодановскій. Бояринъ Алексѣй Салтыковъ. Губерн. Сибирскій князь Матвѣй Гагаринъ. Бояринъ П. Бутурлинъ. Московск. губерн. Кирилло Нарышкинъ. Брегадиръ и гвардіи маеоръ Волковъ, Михайло. Гв. Преображенск. полку маеоръ князь Гр. Юсуповъ. Ген.-маеоръ и капитанъ отъ гвардіи Пав. Ягужинскій. Отъ гвардіи

маеоръ Сем. Сатыковъ. Отъ гвардіа маеоръ Дмитріевъ-Мамоновъ. Гвардіи Преображен. полку маеоръ Вас. Корчминъ. Брегадиръ и генер. ревизоръ Вас. Зотов. Полковникъ Герасимъ Кошелевъ. Стольникъ Федоръ Бутурлинъ. Полк. Гаврило Норовъ. Окольничій, Князь Юрій Щербатой. Санктъ-питербурхскій вице-губерн. Степанъ Клокачовъ. Отъ лейбъ-гвардіи маеоръ Ушаковъ. Отъ бомбардиръ капитанъ-поручикъ Скорняковъ-Писаревъ. Отъ лейбъ-гвардіи капитанъ князь Борисъ Черкасской. Архангелогородскій вицъ-губерн. П. Лодыженскій. Полков. Иванъ Стрекаловъ. Азовской губерніи вицъ-губерн. Ст. Колычевъ. Гвардіи Капитанъ Петровъ-Соловово. Отъ гвардіи капитанъ, Александръ Румянцевъ. Отъ гвардіи капитанъ Семенъ Федоровъ. Ген.-полицыймейстеръ и ген адьютантъ его ц. в-ва, Антонъ Девіеръ. Гвар. капитанъ Левъ Измайловъ. Гв. капит. князь Ив. Шаховской. Отъ гв. капит. Вельяминовъ-Зерновъ. Полк. П. Савеловъ. Гв. капитанъ Ив. Лихаревъ. Гв. капит. Ив. Захаровъ. Гв. капит. Алексѣй Басковъ. Стольникъ Дм. Бестужевъ-Рюминъ. Полк. князь Вас. Вяземскій. Отъ флота поручикъ, Ив. Шереметевъ. Князь Сергѣй княжъ Борисовъ сынъ, Голицынъ. Столникъ князь Семенъ Сонцевъ-Засѣкинъ. Отъ л. гв. капит. князь Гр. Урусовъ. Стольникъ, князь Алексѣй Черкасскій. Стольн. Матвѣй Головинъ. Полк. Долгорукой. Стольн. Леонтій Мих. сынъ Глѣбовъ. Полк. князь Ив. Барятинскій. Стольн. Борисъ Нероновъ. Степанъ Нелединскій-Мелецкой. Отъ флоту пор. Вас. Шереметевъ. Стольн. Вас. Ржевскій. Полк. и отъ лейбъ-гв. капит. Коншинъ капитанъ-поруч. Александръ Лукинъ. Гв. подпоруч. Стефанъ Сафоновъ. Гв. поручикъ, Федоръ Полонскій. Адьютантъ Мих. Чебышовъ. Отъ гв. капитанъ.-пор. Друманд. Голенищевъ-Кутузовъ. Подполк. Ив. Бухголцъ. Отъ гв. капит. Ф. Митрофановъ. Отъ гв. капит. Иванъ Карповъ. Отъ инфант. подполк. Ст. Козодавлевъ. Полк. Ив. Колтовской. Полк. и санктъ-Питер-

бурхской каменд. отъ л. гв. капитанъ Яковъ Бахмеотовъ. Полк. Илья Лутковской. Полк. князь Мих. Щербатой. Полк. Артемій Загряжской. Гв. пор. Ив. Козловъ. Гв. Бахметевъ. Гв. капит. Алексѣй Панинъ. Отъ гв. капит. Вас. Парасуковъ. Гв. поруч. Ф. Волковъ. Гв. поручикъ Авр. Шамординъ. Ген.-адъют. Ив. Полянской. Отъ гв. прапорщикъ Ив. Веревкинъ. Гв. подпоруч. А. Танѣевъ. Отъ гвар. и отъ бомбардиръ подпор. Вас. Языковъ. Отъ лейбъ-гв. капитанъ поручикъ Пашковъ Егоръ. Оборъ-комиссаръ, А. Зыбинъ. Помѣстого Приказу Судья Кир. Чечеринъ. Ген.-квартирместръ и оборъ-кригсъ Комиссаръ Мих. Аргамаковъ. Отъ гв. кап.-поруч. А Бибиковъ. Подполк. Вас. Титовъ. Подп. Г. Козловъ. Плацъ подполк. А. Кисилевъ. Подп. Мих. Аничковъ. Подп. Наумъ Чоглоковъ. Подп. В. Батуринъ. Маеоръ Ник. Скулской. Адмиралт. батальона маеоръ Кир. Пущинъ. Князь Федоръ Голицынъ. Кн. Яковъ Голицынъ. Отъ бомбардиръ подпоручикъ Новокщеновъ. Гв. подпоручикъ В. Ивановъ. — Я-жъ подписалъ вмѣсто подпоручика того-жъ полку Василія Коростелева, по его прошенію, *что онъ грамотѣ не умѣетъ.* Вас. Новосильцевъ, оборъ-кригсъ комиссаръ. Оборъ-кригсъ комисаръ, князь Михайловъ, княжъ Ивановъ сынъ, Вадба (о) лской.

Стольн. князь Аф. Барятинскій. Стольн. Андр. Колычевъ. Л. гв. прапорщ. Дор. Ивашкинъ. Гв. подпоручикъ М. Хрущовъ и вмѣсто прапорщика Аф. Владычина. Гв. подпоручикъ князь А. Шаховской и вмѣсто капитана поручика Девесилова. Оборъ-секретарь, Анис. Щукинъ. Дьякъ Ив. Молчановъ. Дьякъ Семенъ Ивановъ. Отъ гв. капит. Ем. Мавр. Расправной Палаты судья Афанасій, Андреевъ сынъ Кузьминъ-Караваевъ. Губерн. Москов. вицъ-губерн. В. Ершовъ. Скрѣпилъ по листамъ оборъ-секретарь Анисимъ Щукинъ.

Подробно эти событія описаны въ историческомъ романѣ того-же автора *„Царевичъ Алексѣй“*.

A000007044090